Вôнъ здумавъ: якъ буду Стецькови смѣятись:
То дурнемъ, то ще якъ ёго лицёвать;
То Любка й розлюбить и стане жахатись,
И выйти за ёго не буде бажать.
Вôнъ такъ и аробивъ се: бо, знать, глузувати
Не трудно въ убогихъ, якъ силы стае!
Почавъ ёго штапить на дворѣ и въ хатѣ
И въ поли — при Любцѣ, якъ выще тамъ є.

* * *

Ячмѣнь покосили та й тяги до дому;
Бо й тамъ ще чимало имъ буде хлотôтъ:
Стецькови — скотинѣ носити солому,
Дѣвкамъ, уже звѣсно, коровъ подоить.
Съ усѣмъ посправлялись, лягли уже спати;
Стецько-жъ внэй на дворѣ усе торохтѣвъ:
Ему треба въѣды аъ яселъ выкидати,
Та, склавши у кучу, пойти волôвъ;
Уже-жъ и скотину погнавъ вôнъ до рѣчки,
Скотина пье воду, а ôнъ ѣй свистить;
(Бо пити й скотину, бачъ, треба просить!)
Се глядь Стецько на-бôкъ, ажъ шось невелячке
До ёго сповзае съ крутои горы;
Чи ворогъ, шо красти у-темôчь блукае?
Чи вѣдьма, шо нôчью все ходе й лякае?...
А людъ — такъ не пôйде по пôзнôй порѣ!
Се мигомъ Стецькови на ши повисло —
И хто-бъ памъ сказати? — То Любка ёго!
„Чого ты жахнувъ ся?.. Хиба вже огидла,
Нелюба тобѣ я, Степанку?“ — Чого!
Та то знаешь, Любко, я трохи злякавъ ся;
А ты-бъ-то вже й кажешь, шо я ôтцурався!
Не знаешь ты, Любко, якъ сердце тремтить,
Тебе все бажае, до тебе все рветь ся,
Для тебе на свѣтѣ оно тôльки й бьеть ся...
Та мабуть, Любко, умѣстѣ не жить!!
Якъ тяжко дивить ся — „Хиба мы не вмѣстѣ?
Мы вмѣстѣ съ тобою душею ароспись!
Хиба-бъ-то теперь мы уже розôйшлись...
Ты, мабуть, не любишь, шукаешь користи —
А може милѣйша ôтъ мéне вже є?..
Скажи-жъ менѣ слово — я все шось боюся,
Журба такъ по сердцю гнѣздо и снуе...“
— Кажу-жъ, шо люблю я, та тôльки журю ся:
Бо чувъ я, шо скоро тебе ôтдадутъ....
За другимъ ты будешь, я-жъ вѣкъ свôй внудьгую!
Отъ, сватати будуть — „О, нѣ: не дождуть!
Христомъ я и Богомъ ôтъ ихъ ôтречуся;
Не то — у черницѣ пôйду постричу ся,

Коли, мôй Степанку, не буду твоя...“
— Оно такъ и буде! — Кажѣтъ, ще почую! —
Се Сидôръ из-заду, якъ грôмъ, загремѣвъ.
Стецька за Чупрыну, та й ну потягати;
А Любку въ-попыхачъ: пора уже спати!
Та всѣ уже трое й погнали волôвъ.

II.

На дворѣ ганяли маленьки хлопята;
Въ ихъ дè-хто по муштрѣ скакавъ на коньку,
Де меньшй мéжь ими, якъ тй котенята,
Валялись та грались -- собѣ на пѣску;
Де найбôльшй — въ „свинки“ по-одалѣ грали,
А далѣй забѣгавъ мéжь ими й „Панасъ“;
Котрй ще й на „пацѣ“ пôд-часъ появѣхали:
Все такъ, якъ водилось из-малу й у насъ!
А такъ, у садкови, старй гомонѣли:
Кумпанія дуже здорова була.
Котрй говоркѣйшй — балясы точили,
А инший й мовчали — мовь думка взяла...
Се родичй, знати, усе позбирались
Сюды, до Пархома (хазяинъ такъ звавсь);
Якй изъ ихъ блиськй, якй покумались,
А инший по чарцѣ и съ имъ побратавсь.
Такъ тутъ уже звѣсно, що пляшка стояла,
(Була и варена, такъ то вже жѣнкамъ)
Потравы услкй: сметана и сало,
Горѣшки у маслѣ — усе було тамъ!
Пархомъ бо хазяинъ, знать, бувъ замôжненькій:
Було въ ёго трохи коровъ и волôвъ,
Та по полю насъ ся коскъ чималенькій,
Овець шось багацко загонили въ хлѣвъ;
У ёго и кишеня була не порожня:
Що-годно съ волами ходивъ вôнъ у Крымъ;
Такъ, бачъ, привѣтати у-полегкость можно —
А люде гарненькй все знали ся съ имъ.
При сёму усёму та бувъ вôнъ гуляка,
Веселости дуже Пархомъ полюблявъ:
Хочъ грѣхъ такъ сказати, шо-бъ бувъ запіяка —
А все-таки гарно пôд-часъ вôнъ гулявъ!
Теперь же зôйшлися усѣ для порады:
Вôнъ думае сына свого оженить;
Незна-жъ, де-бъ невѣстку собѣ поеднати —
А тутъ, кажуть, людьскій не лишній совѣтъ.
От-тутъ то жѣнки вже чим-дужъ цокотѣли:
Та хоче Параску, та Химку бъ взяла!
На всѣхъ бы то разомъ ёго й оженили,

Акъ бы то ся штука та статна була...
Одинѣ бъ то: „Хороша й богата въ Гудзихи“,
А другѣ: „Ще й лучча отъ нея въ Кроля!“
Якій бъ то бажали узяти въ Кобзихи,
А иншій бъ хотѣли дочки Нехая.
Якъ сынъ скаже — Любку возьмемо въ Швыдкого —
Такъ такъ ёму баки усѣ и забють:
„Та то молода ще, не вмѣе нічого!“
(Такъ наче за себе они-бъ-то беруть!)
А потомъ рѣшили: до Сидора слати
Сватовъ; бо сынъ дуже все Любки хотѣвъ:
Чи мае за сына вонъ Любку отдати?
Та заразъ швыденько найшли й старостовъ.

* * *

„Охъ, доля нелюдьска! Давно я умѣстѣ
И съ милымъ весела й счаслива була;
Теперь же я, бѣдна, зосталась въ сиротствѣ!
Якъ скоро година та добра пройшла?!!
И я, якъ былина отъ вѣтру, захляла:
Все нудно безъ єго, все сумно менѣ.
Вонъ може й забувъ вже, шо Любка зосталась,..
Охъ, де-жь ты, мой милый, въ якій сторонѣ!
Ты тамъ и не знаешь, шо тутъ я журюся!!
Якъ тамъ, мой Степанку, въ чужбинѣ живешь?
А може, мой Боже, про мене й забувъ ся
И иншу, милѣйшу до серденька жмешь!!!“

* * *

Тутъ Любка замовкла й слезьми заляла ся,
Та все знай очицѣ по шляху пяла,
Якимъ ёи милый въ-дорогу поихавъ ся!
Се гулькъ! у ворота — старосты чвалають,
Прійшли, поклонились и хлѣбъ ѣй дали.
„Де Сидоръ Петровичъ?“ мерщѣй и пытають:
А вонъ по-слободѣ овесъ молотивъ.
Почувши се, заразъ изъ току вернувъ ся,
Якъ слѣдъ у коморѣ одѣвъ ся й обувъ ся,
Ввойшовъ, поздоровкавсь и ихъ посадивъ.
„Ну, Сидоръ Петровичъ, порадь ты насъ словомъ;
Мы съ хлѣбомъ за дѣломъ до тебе прійшли:
Чи будешь ты сватомъ и съ нашимъ Пархомомъ?
Коли-жъ шо не хочешь, то насъ одошли.“
Ему старосты от-такъ и сказали.
Тутъ Сидоръ задумавсь, далѣ отвѣчавъ:
— Та вы бъ же у Любки испершу спытались,
Якъ шо она скаже, то я бъ и отдавъ і
Бо се уже звѣсно — ёи не держати,
Людей же цурять ся и подавно грѣхъ:
Дѣвки крамъ хорошій, та треба збувати...

Та й те ще, шо добрый Пархомъ чоловѣкъ!
Ты шо скажешь, Любко? — кажи намъ, шо знаешь!
Моя хата съ-краю — я тутъ въ-сторонѣ,
Тебе й не силкую, ты волю тутъ маешь!
Якъ скажешь ты, дочко? чи пойдешь, чи нѣ?
Чи пойдешь? — „Нѣ, тату! ёй-богу, не хочу!“
— От-такъ же, любезній, шо чули й кажѣть!
Я радъ бы душею, — такъ шо-жъ, черезъ мочу,
Якъ рыти колодязь, воды вже не пить! —

* * *

Уже-жъ старосты ей стоять за порогомъ,
Шапки вже надѣли, въ двора потягли.
Нехай до господы идуть-собѣ съ Богомъ,
Та скажуть Пархому: „Гарбузъ поднесли!“
Нехай собѣ Любка тихенько голосить,
А Сидоръ овесъ той нехай помолотить;
А яжъ то швыденько махну до Стецька:
Де тамъ вонъ у бѣса невѣрный блука?

III.

Чередками хмары по небу збирались,
И темно на дворѣ — хочъ въ око коли,
А небо все дужче и дужче снувалось,
И страшно дубяки отъ вѣтру гули;
Бо вѣтеръ — то свисне, то вовкомъ завые,
То, птиця здорова мовъ, вонъ пролетить,
То гадомъ у лѣсѣ повве и шипить;
А небо все дужче и дужче чорнѣе.
У селахъ поснули — хочъ въ хатъ выкидай:
Одинъ тольки вѣтеръ по-волі гуляе.
Шляхи всѣ запускли, нихто й не гукае:
Такъ мовъ бы вели они грѣшныхъ у рай!..
Ажъ-ось по дорозѣ возы заскрипѣли,
Шось важко та тихо вагу десь везло;
Все ближче та ближче, уже й забѣлѣло:
Возовъ шось до-чорта, якъ глянути, йшло!
„Цобъ, цобъ, цобе, цобъ!“ и, схопивши ся въ возу,
Волювъ за налигачъ передній довѣвъ,
А далѣй (десь мабуть пробрало за кожу,
А може шо темно) воловъ зупиннвъ.
„А — то, братцѣ, — дальше мы будемъ поганяти?
Шось дуже темнѣе: коли бъ не заблудивсь!
Шо налучче, братцѣ, от-тутъ ночувати.“
Одинъ, се почувши, мерщѣй исхопився,
Почухавсь, протеръ ся, табаки понюхавъ:
— А справдѣ, шо темно! — й на себе зирнувъ;
А далѣй и другихъ швыденько побуркавь,

Возы изъ дороги подальше звернувъ.
Пробуркались хлопцѣ волóвъ розпрягати:
Було ихъ тамъ, мабуть, ажь пять чоловѣкъ!
Усѣ були въ дѣлѣ: одинъ ставъ кресати,
Шо-бъ кашу зварити; той дрова волѣкъ;
Той сало въ торбины вынимавъ на потраву...
А крикъ же, а гамъ то — шо Боже боронь!
Той стукне, той крикне — чортма имъ и вгаву!*)
На силу затихли й розклали огонь.
Огонь розгорѣвся, и стали всѣ грѣть ся:
Замазанй, чорнй — кажу, шо такй,
Шо доброму гидко на ихъ подивить ся...
Та шо тутъ казати! — отсе чумаки!
Наѣвшися каши, давай гомонѣти —
Про нóчь, про дорогу, далѣ й про вовкóвъ:
Якъ давлять скотину, и якъ ихъ ловити,
И хто скóльки бачивъ, або и убивъ;
Якъ вѣдьмы на днищй у верхъ вылѣтають
Та народъ лякають згорнувшись клубомъ;
Якъ стелю надъ ими, якъ здохнуть, зрывають,
Та ротъ забивають зъ осики клинкомъ.
Усѣ гомонѣли мовъ тѣ навѣжений;
Одинъ тóльки мовы мѣжь ими не вѣвъ,
Нй-куды й не гляне, зовсѣмъ мовъ дубленый...
А хто, вамъ сказати? — Стецько то сидѣвъ!
Ему не до того: якъ заяць прибитый
Сикнеть ся побѣгтй й на землю впаде,
Прыгнеть ся сердешнй, струхнеть ся и жде —
Ось прйде — дорѣже й ёму вже не жити...
Се на-бóкъ зирнувъ хтось — усѣ взвалтувались:
„Волóвъ онъ веде шось!“ Схопивъ ся одинъ,
А далѣй и другій, усѣ посхоплялись,
Шо силы въ ихъ стало побѣгли в-догóнъ...
— Ажъ-ось воръ, ажъ-ось-де! — якйсь закричали,
Звалили ворягу, та й сѣли верхомъ;
Прибѣгли и другй, ажь справдѣ пóймали...
Коли розглядѣли, ажъ то бувъ Пархомъ!
„Чого, старый псюго, мѣжъ воры втесавъ ся?
Хйба въ тебе хлѣба, чи хаты нема?
Або веселѣйша здаеть ся тюрма?“
Письмо очи коле, й Пархомъ нашь признавъ ся:
Шо красти для себе не думавъ волóвъ;
А тóльки, якъ въ ёго знехаяли сына;
Стецько-жъ, якъ вонъ думавъ, сёму вся причина,
Такъ штуку удрати ёму и хотѣвъ,..

*) вгавъ-остановка; вгавати—умолкати, переставати.

Вже стало сѣрити. Волóвъ налигали,
Та й дальше въ дорогу они потягли,
„*Йшовъ козакъ зъ Дону*“ собѣ заспѣвали,
Пархома-жъ извѣсно куды óтвели.

IV.

Я вчивъ ся у школѣ: бурсакъ бувъ поганый,
На шкоду-жъ удавъ ся из-бóка швыдкій,
И якъ кочерга по науцѣ бувъ справный!
Се разъ пóдоспѣли Рóздвяньскй святки.
Отъ я за ворóтьми вже жду й не дожду ся:
Чи скоро приѣдуть? та: Чомъ се нема?
Не ѣдуть за мною — уже я й журюся;
Бо въ Вовчои, звѣсно, яка даленя!
Жду день я — немае, прождавъ я и другій...
А въ бурсѣ зостать ся? се штука стара!
Тутъ здумавъ про ноги — они-жъ мои слуги!
Давай-лишъ до дому махну пѣхтура!
Се думка козацька, а бóлшъ те погнало:
Лежня засушила... чи то накъ книжки, —
То болести бъ трохи óтъ мене й óтстало,
А крѣпости тѣла кому не жалькй?!
Схопивсь якъ шаленый, въ дорогу зóбравъ ся:
Стару кожушину пóдъ свитку надѣвъ,
За плечй торбину собѣ почепивъ,
Бйлетъ же вхопивши до дому попхавъ ся.
Пройшовъ я чимало, метѣль пóднялась,
Шо й божого свѣту не можно узрѣти,
А въ нику ажъ рѣже — не можно й глядѣти...
Сякъ-такъ до слобóд и хочъ съ горемъ, допхавсь.
От-тутъ ще морока: де пустять погрѣть ся?
Когось таки, мабуть, та треба просить;
А въ школѣ óтъ рóзги якъ вывчивсь просить ся,
Такъ тутъ и за ухомъ менѣ не свербить!
Давай я просити, и: „Дядьку любезный!
Будь ласковъ, погрѣть ся у хату пусти!
Охъ; лишечко, дядьку! пусти — бо замерзну!“
Óтсунули сѣни та й просять ити.
Ввóйшовъ я у хату: она нечупарна,
За те-жъ була тепла, и дѣвчина гарна
Мене посадила, та тóльки блѣдна
Була, наче хора, и дуже сумна.
Се выйшовъ до мене ёи мабуть батько:
Якъ слѣдъ поздоровкавсь, „óткйль я“ спытавсь;
Узнавши-жъ óтъ мене, шо птиця школярьска,
По-книжному мовить со мною звязавсь.
„А ну-лишень, Петре! (мене се такъ звати)

Шо є вышче неба? а ну, ôтгадай!“
— Огонь бы, чи шо-то? — Я ставъ ôтвѣчати.
„Писаніе кляже, шо вышче вода!“
Та й ставъ глузувати: „От-такъ-то, небого,
Й сёго ты не знаешь! Чому-жъ вы вчитесь?
А се є въ Псалтирѣ: *Хваліте*, бачъ, *Бога*!
Тамъ ще якось: *Вода* ще шо *вышге небесъ*.“
Тутъ я, що бъ не совсѣмъ зробити ся дурнемъ,
Завѣвъ съ имъ про другe, знакому вже рѣчь;
Давай мы ôавѣкать усе про розумне...
Се гулькъ я въ вôконце — на дворѣ вже нôчь.
Спасибô ёму, що хочъ зъ хаты не пхае!
Вôнъ Сидоромъ звався, о, бувъ чоловѣкъ!
Дай Богъ ёму счастья на ввесь ёго вѣкъ!
Мене й ночувати ще вôнъ воставляе;
Та ще-жъ, бо бачъ — бачить, якій гольтѣпака,
Вечеряти давъ. Я наѣвъ ся й заснувъ...
Се, чую, завыли на дворѣ собаки,
Шось крикнуло дуже: „Стецько вже прибувъ!“
Схопилась та дѣвка, мерщѣй засвѣтила:
— Чи чуешь ты, тату? Вернувъ ся Степанъ! —
Сама-жъ ажъ смѣеть ся, десь видно зрадѣла!
Схопивсь ёи батько, й надѣвъ свôй жупанъ.
Ввôйшовъ парубôйко облѣпленый снѣгомъ:
Высокій та гарный — якъ яворъ стройный!
Съ собою бъ срôвнявъ ще, такъ шо-жъ, не до шмиги;
Шкода до хорошихъ рôвнять ся менѣ!
Тутъ Сидôръ спытавъ ся: чи все було справно,
Чи дуже багацько вôнъ рыбы привёзъ;
И потôмъ сказавъ вôнъ; „Якъ хто уже гарный,
То скверным не зробишь, хочъ якъ не мудрись!
Теперь же, Степане, ось сердце порука!
За все твое добре, шо ты ни робивъ,
Даю тобѣ дѣвку от-сю мою Любку:
Бо знаю, ты дуже ёи полюбивъ.
Кохайтесь у-правдѣ, живѣть собѣ съ Богомъ!
А ты будь покôрна и слухай Стецька,
То будешь счаслива — й година лиха
Нйколи не буде за вашимъ порогомъ!!“
Тутъ Сидôръ заплакавъ и рѣчь закôнчавъ.
Менѣ-жъ се все чудно, и я ставъ пытатн,
И Сидôръ Петровичъ давай те казати,
Шо я тамъ десь вышче уже розсказавъ.

Харьковъ, 1841. *Петръ Писаревскій.*

95

Историческое обозрѣніе

РУСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ,

отъ введенія Христіянства до пришествія Татаръ.

„Господа wтцы и братыа! wже сѧ гдѣ кѣдѣ wписахъ, или переписахъ, или не дописахъ: чтите, исправльше Бога дѣлѣ, а не кленитѣ“. Тѣми словами черноризца Лаврентія, списавшого 1377. г. Несторову лѣтопись, и сочинитель сего обозрѣнія звертается къ Тобѣ, Вчт. Читателю, предкладаючи Тобѣ свой малый трудъ. Хотя бо онъ пользовался сочиненіями уже заслужившими собѣ общое довѣріе, однако чувствуетъ, що такого рода дѣло требуетъ лучшихъ силъ и больше пособій и времени, якъ ему удѣлено.

Твоя благосклонность, Вчт. Читателю, будетъ для сочинителя найсильнѣйшихъ побужденіемъ къ дальшому продолженію начатого имъ труда.

Первыи начатки письменности на Руси.

Первыи начатки руской письменности современны просвѣщенію руского народа свѣтомъ христіянской вѣры. Владиміръ Великій, принявши св. крещеніе съ своею дружиною въ городѣ Херсонѣ 988 г. и свѣнчавшися тутъ съ греческою царевною Анною, поспѣшилъ въ свой престольный городъ Кіевъ въ сопроводѣ присланного изъ Царьгорода митрополита Михаила и другихъ священниковъ, щобы тамъ здѣлати конецъ темному язычеству. По его приказу истуканы божищъ, которымъ Русь кланялася, были повалены и Кіевляне окрещены одного дня. Изъ Кіева христіянская вѣра быстро ширилася по всѣхъ сторонахъ руской земли. Прійшовшіи изъ Греціи проповѣдники слова Божого были правдоподобно родомъ Славяне или Греки, знающіи языкъ хотя не рускій, однако рускому сродный и для того народу понятный языкъ подчиненныхъ тогда Грекамъ Славянъ Задунайскихъ*). Съ священниками достался на Русь такожь богослужебныи книги

*) Несторъ говоритъ: „словѣньскъ языкъ (народъ) и рѡсьскый единъ“.

и творенія св. Отцевъ, переведены изъ греческого языка еще въ IX. в. для южныхъ Славянъ отчасти св. братьями Кирилломъ († 868.) и Меѳодіемъ († 885), отчасти же ихъ учениками: Климентомъ, еписк. Вѣлицкимъ, Іоанномъ, ексархомъ Болгарскимъ, и другими просвѣщенными мужами*). Тіи книги на Руси старанно переписовалися. Мало по малу доставалися сюда и другіи произведенія греческой литературы, то въ подлинномъ греческомъ языцѣ, то уже въ готовыхъ южно-славянскихъ переводахъ. Первыи тутъ переводилися, вторыи же просто переписовалися. Къ сожалѣнію отъ временъ Владиміра В. кромѣ кирильскихъ надписей на двохъ малыхъ монетахъ**) и 13 буквъ на каменныхъ обломкахъ Десятинной Церкви пресв. Богородици въ Кіевѣ, построенной тѣмъ же княземъ, — не дойшолъ до насъ ни одинъ писаный памятникъ въ подлиннику. Вообще съ первыхъ вѣковъ нашой письменности осталося въ подлиннику лишь невеликое число памятниковъ. Частыи напады непріятельскіи, опустошающіи пожары и невѣжество, не знаючое оцѣнити старинного забытка, были причиною, що изъ многихъ памятниковъ мы имѣемъ лишь позднѣйшіи отписи, о нѣкоторыхъ же дойшли до насъ только вспоминки позднѣйшихъ писателей. Такъ на пр. упоминаются еще въ XVI. в. многіи памятники, которыхъ теперь на дармо глядаютъ.

Языкъ.

Первыи книги писаны на Руси были, такъ сказати, копіи славянскихъ богослужебныхъ книгъ. Ихъ языкъ былъ затѣмъ тотъ самъ, на который славянскими первоучителями переведены были тіи же

*) Многіи приписуютъ св. Кириллу составленье такъ названной кирильской азбуки. Однако новѣйшіи изслѣдованія ученыхъ доказуютъ, що Кириллъ свои переводы св. книгъ не писалъ тою азбукою, которую мы называемъ кирилицею, но азбукою отъ кирилици совсѣмъ розличною. Онъ писалъ глаголитикою (буквицею) и вѣроятно не уложилъ онъ и той азбуки, а найшолъ ю уже въ употребленію тѣхъ Славянъ, которымъ проповѣдалъ вѣру Христову. Азбуку названную кирилицею уложилъ ученикъ св. Меѳодія Климентъ, епископъ Вѣлицкій въ Сирміи († 916), въ той цѣли, щобы Славянамъ пограничнымъ Греціи и обзнакомленнымъ съ письмомъ греческимъ улегчити читанье и переписованье славянскихъ книгъ. Климентъ принялъ для выраженья тѣхъ Славянскихъ звуковъ, которыи находилися и у Грековъ, буквы греческіи; для означенья же звуковъ, якихъ нѣтъ въ греческомъ языцѣ, взялъ онъ буквы изъ глаголитики, надавши имъ видъ больше неединчій.

**) если извѣстіе вѣрное.

книги и который начавши отъ второй половины IX. вѣка, съ богослуженіемъ войшолъ въ употребленіе мало що не у всѣхъ славянскихъ народовъ*).

По той причинѣ можна просто назвати той языкъ церковнославянскимъ или староцерковнымъ, для розличія отъ теперѣшняго церковного. Онъ былъ народнымъ языкомъ „Словѣнъ“ Македонскихъ, отъ которыхъ въ тіи времена сѣверная Македонія и Мизія называлися Словѣніею. Его называютъ прото языкомъ Старословенскимъ, для розличія отъ новословенского или языка, якимъ говорятъ нынѣшніи Словенци. Также называютъ его языкомъ Староболгарскимъ, ибо Македонія и Ѳракійское Загорье, где жили высше помянутыи Славяне, 861 г. покорены были Болгарами (племенемъ азіатскихъ Угровъ) и названы Болгаріею. Болгаре полюбивши обычаи и языкъ покоренныхъ Славянъ, братались съ ними, закинули свою народность и сталися сами Славянами. У тѣхъ то болгарскихъ Славянъ возникла вскорѣ, особенно при Царѣ ихъ Симеонѣ (889—927), довольно богатая духовная литература, которая переходила къ другимъ славянскимъ племенамъ.

Тіи, принимаючи духовныи книги, усвоивали собѣ въ своихъ твореніяхъ и ихъ языкъ, однако измѣняли его больше или меньше ведля языка своенародного. Такимъ способомъ языкъ первого перевода св. книгъ ставался рознообразнымъ. Не остался онъ безъ измѣненій и на Руси. Уже въ найдавнѣйшихъ памятникахъ, якіи дойшли до насъ, находимъ мы отступленія въ пользу розговорного языка, и то отступленія тѣмъ большіи, чѣмъ больше памятникъ содержаніемъ своимъ отдаляется отъ книгъ церковныхъ. Хотя впрочемъ въ такихъ измѣненіяхъ постоянности не было. Часто бо въ одномъ и томъ самомъ памятницѣ находимъ мы при одномъ и томъ самомъ словѣ одинъ разъ форму церковно-славянскую, другій же

*) Що той языкъ былъ въ употребленію у Моравянъ и Чеховъ, есть общеизвѣстно. По всей вѣроятности былъ онъ и у Поляковъ. Лукашевичъ говоритъ: „Na drodze dziejowéj poczyna być udowodnioném, że w Polsce wprzód był zaprowadzony obrządek Sławiański podług Greckiego, nim wszedł Łaciński. To zmusza nas do przyjęcia, żeśmy w ciągu X. stulecia (jeżeli już nie od czasu Metodego....) przez udział w obrządku Sławiańskim używali także ksiąg kirylicą pisanych, jakiemi były: służba Boża i Pismo święte.“ Rys dziejów piśmiennictwa polskiego, Poznań 1860., str. 5.

„Słowa napotykane w najstarszych pomnikach piśmiennych Polskich ośmielają do wniosku, że w czasie, w którym chrzest i wiarę przynoszono nam od wschodu, był w użyciu kościelném także u nas język Bułgarski czyli cerkiewny.“ тамъ же стр. 8.

форму рускую. А такъ, якъ при великомъ пространствѣ земли, якую занималъ рускій народъ, уже въ первыхъ вѣкахъ по принятію христіянства по розличныхъ областяхъ были и розличны нарѣчія, то и письменныи памятники предкладаютъ намъ формы розныхъ нарѣчій, особенно же Кіевского (малоруского) и Новгородского.

Переписованьемъ книгъ занимался передъ всемъ лица духовныи, которыи уважали занятіе тое богоугоднымъ дѣломъ. Съ якимъ чувствомъ радости они поглядали на оконченный свой трудъ видно изъ одного памятника писанного въ XII. в. „ꙗкоже радѣѥтсѧ женихъ о невѣстѣ, тако радѣѥтсѧ писець кидѧ послѣдьнии листъ.“*) Се и не дивно, если розважимъ, що у насъ писали до конца XIV. в. исключно буквами простолинійными, такъ названнымъ уставомъ, вымагающимъ не мало труда и времени.

Византійское вліяніе.

Съ принятіемъ христіянской вѣры вступила Русь въ близкіи сношенія съ просвѣщенною Византіею**). Рускіи князи входили съ византійскими царями черезъ супружества въ родинныи связи; руская Церковь получала своихъ первосвятителей, Митрополитовъ Кіевскихъ, отъ византійскихъ патріарховъ***); рускіи духовныи ходили въ Царьгородъ и другіи мѣста византійского царства для богомолія и списованья книгъ — а рускіи купци отправлялися туда-жь въ цѣляхъ торговыхъ. Митрополты приходили звычайно въ сопроводѣ образованныхъ священниковъ, которыи — особенно въ первыхъ начаткахъ — были не только учителями св. вѣры, но и письма. Они приносили съ собою кромѣ книгъ необходимыхъ для Богослуженія — въ славянскомъ переводѣ, также, якъ уже сказано, всякого рода произведенія греческой христіянской литературы, которыи, если не были уже переведены, тутъ переводилися и переписовалися. Творенія Византійцевъ были рускимъ писателямъ образцями для ихъ собственныхъ сочиненій. Такимъ

*) Послѣсловіе къ Евангелію Добрила.

**) Еще въ XV. в. говорилъ Еней Сильвій (Папа Пій II. † 1465.): Quod florente Roma doctrinarum nomen habuerunt Athenae, id nostra tempestate Constantinopolis obtinebat.“ Epist. 162.

***) До XIV. в. были на Руси лишь два Митрополиты родомъ рускіи: Иларіонъ (въ XI. в.) и Климентъ Смолятичъ (въ XII. в.); прочіи же были Греки або Сербы.

способомъ наша письменность въ первыхъ вѣкахъ подпала сильно вліянію литературы византійской.

Духовное направленіе нашой давной письменности.

Въ дѣлѣ народного просвѣщенія важнѣйшимъ орудіемъ было духовенство. Тое имѣючи своею цѣлію передъ всемъ научити людей христіянскихъ догматовъ и норовственности, обличало и переслѣдовало все, що пригадовало имъ прежнее язычество. Народныи игры и праздники разомъ съ народною поезіею, воспитанною на язычествѣ, представлялися яко темныи стороны давнѣйшой жизни, которыи не согласны съ жизнію христіянъ. Изъ середъ духовенства выйшло найбольшое число писателей, которыхъ стараніемъ было посредствомъ своихъ сочиненій роспространяти и утверджати въ народѣ идеи христіянскіи. Все тое надало письменности нашой направленіе духовное, религійное. И тое то направленіе есть головнымъ характеромъ руской письменности ажь до новѣйшого ей періода.

Старанія рускихъ князей о просвѣщеніе народа.

Просвѣщеніе народа духовенствомъ ширилося не безъ значительного содѣйствія князей. Такъ уже Владиміръ Великій завелъ въ Кіевѣ школу, въ которой учили дѣтей священники призванныи нимъ изъ Византіи*), строилъ церкви византійскими зодчими**) и учреждалъ епископіи. Щобы побудити священниковъ къ ревнѣйшому ученію народа въ св. вѣрѣ, выдалъ онъ „завѣтную грамоту о десятинахъ,“ на основанію которой десятая часть всякихъ доходовъ имѣла отдаватися на Церковь, — и уставъ о церковныхъ судахъ, по которому споры въ дѣлахъ супружескихъ, споры межи родителями и дѣтьми, церковную татьбу, непристойныи поступки и. т. п. отдалъ суду священниковъ.

Примѣру св. Владиміра († 1015.) слѣдовалъ и его сынъ Ярославъ Мудрый (1015—1054). Онъ завелъ въ Новгородѣ порядочную школу на 300 дѣтей для обученія ихъ въ книгахъ церковныхъ

*) Несторъ пишетъ въ лѣтописи: „послалъ (Владимѣръ) нача понимати оу нарочитыѧ чади дѣти, и даати нача на оученье книжьное.“ Изд. Миклосича стр. 72.

**) Несторъ: „Послалъ приведе мастеры отъ Грекъ.“ Там. стр. 74.

и греческомъ языцѣ. Той князь любилъ и самъ читати книги*) и составилъ вокругъ себе цѣлое общество людей, которыи по его препорученію переписовали рукописи южно-славянскіи и переводили греческ.,онъ даже самъ бралъ участіе въ переводахъ. Собравши такимъ способомъ много книгъ, Ярославъ положилъ начатокъ первой на Руси библіотеки при созданномъ нимъ великолѣпномъ храмѣ св. Софіи въ Кіевѣ. Стараючися о хорошое пѣніе при Богослуженію, призвалъ онъ изъ Царьгорода греческихъ пѣвцевъ, которыи завели въ Кіевѣ церковное пѣніе на осмь голосовъ. Духовенство, исключно образованную клясу, освободилъ отъ пошлинъ (даней для князя); надалъ Новгороду льготною грамотою горожанскую свободу и уложилъ для него мірскій судъ, такъ названную „Рускую Правду“. Городъ Кіевъ помочію греческого искусства и художества такъ былъ украшенъ, що народы западныи славили его вторымъ Константинополемъ.

По смерти Ярослава начался сильныи споры межи рускими князьями за удѣлы и за первенство т. е. за Велико-княжескій престолъ въ Кіевѣ. Тіи споры непокоили рускую землю цѣлыи вѣки и были причиною частыхъ нападовъ съ стороны вороговъ внѣшнихъ. Однако при всѣхъ непокояхъ духовенство, стоячи подъ одною властію митрополитовъ Кіевскихъ, не переставало съ христіянскою наукою розширяти и умственное просвѣщеніе. И князи, хотя спорилися межи собою, однако николи не забывали на Церковь и проповѣдниковъ христіянства, ширителей просвѣщенія. Многіи изъ нихъ и сами имѣли значительное на свое время просвѣщеніе. Якъ на пр. сыны Ярослава Святославъ Черниговскій († 1077.) и Всеволодъ, изъ которыхъ послѣдній зналъ пять языковъ. Удѣльныи князи старалися въ своихъ престольныхъ городахъ имѣти все на ладъ и строй города Кіева, ставили великолѣпныи Церкви, строили монастыри и пр., черезъ що просвѣщеніе розсѣвалося отъ Кіева по всѣхъ сторонахъ Руси.

Найдавнѣйшіи памятники руской письменности.

На Руси начали писати отъ книгъ, необходимыхъ для богослуженія. Но первыи изъ тѣхъ книгъ, якъ уже высше сказано, не

*) Несторъ: и книгамъ прилежа, почитаа и часто въ ночи и въ дьне.“ Там. стр. 94.

дошли до насъ. Время пощадило намъ нѣкоторыи книги ажь съ второй половины XI. вѣка. Они суть:

Евангеліе, написанное діякономъ Григоріемъ въ Новгородѣ 1056 и 1057 г. для тамошняго воеводы Остромира. Оно содержитъ въ собѣ чтенія Евангельскіи на дни недѣльныи и праздничныи, начавши отъ первого зачала св. Евангелія Іоанна, которое читается въ Недѣлю Пасхи*). Рукопись Остромірового Евангелія есть въ цѣлой Славянщинѣ найдавнѣйшимъ памятникомъ, писанымъ кирилицею, съ выразнымъ означеніемъ года. Языкъ той рукописи есть старословенскій, однако рускій переписователь (діяконъ Григорій) якъ бы мимовольно внесъ въ него и нѣкоторыи особенности народного руского языка. Такъ на пр. писанє тамъ: почахъ вмѣсто старосл. почяхъ, Новѣгородѣ вм. Новѣградѣ, мьртвъ вм. мрьтвъ и др.

Толковая Псалтирь т. е. Псалтирь съ поясненіями.

Служебныи Минеи: мѣсяць Октоврій, написаный въ Новгородѣ 1096 г. и Ноемврій изъ 1097 г.

Кромѣ тѣхъ находится въ Новгородской библіотецѣ еще минея на мѣсяць Май, писана Путятою**) тоже въ XI. вѣцѣ.

Одинъ памятникъ, писаный еще 1047 г., отже десять лѣтъ передъ Остромировымъ Евангеліемъ, имѣемъ мы лишь въ копіи далеко позднѣйшой. Суть то пророческіи книги съ толкованіями писаны „Попомъ Упиремъ Лихимъ“ для Новгородского князя Владиміра Ярославича.

Примѣчаніе. Въ Супрасльскомъ монастырѣ (не далеко отъ Бѣлостока) найдено рукопись, которую ученыи относятъ къ XI. столѣтію. Уцѣлѣвшая ей часть содержитъ въ собѣ житія Святыхъ, которыхъ память обходится отъ 4. до 31. Марта, и нѣкоторыи проповѣди Іоанна Златоуста, Василія Велик. и патріарха Фотія. Языкъ старословенскій. Памятникъ той писаный вѣроятно не на Руси[1]).

*) Такъ вообще росположены найдавнѣйшіи рукописи Евангелій. Они назывались Евангеліями Апракосъ (отъ греч. ἀπρακτός не въ порядку уложенный, не за порядкомъ продолжающійся) для розличія отъ полныхъ, Тетра-Евангелій (Четверо-Евангелій), уложенныхъ по четыромъ Евангелистамъ, якъ они въ библіи по собѣ слѣдуютъ.

**) „Пѫтата писалъ.“

1) Миклосичъ въ своемъ изданіи сего памятника пишетъ: „Nobis persuasum est — codicem nostrum neque in Serbia, neque in Russia, sed in ipsa linguae palaeoslovenicae patria scriptum esse.“

Духовныи поученія и посланія.

Уже отъ первыхъ временъ принятія рускимъ народомъ христіянской вѣры приносилися на Русь кромѣ богослужебныхъ книгъ также духовныи поученія или проповѣди значнѣйшихъ проповѣдниковъ греческой Церкви. Одинъ рускій списокъ содержащій въ собѣ слова св. Григорія Богослова дойшолъ до нашихъ временъ изъ XI. вѣка. Изъ того же вѣка дойшли до насъ, хотя въ позднѣйшихъ спискахъ, уже и поученія, сочинены рускими доховными пастырями. Сочинителями ихъ были: Лука Жидята, Иларіонъ и св. Θеодосій.

ЛУКА ЖИДЯТА или **ЖИРЯТА**, съ ряду вторый епископъ Новгородскій, поставленъ епископемъ 1034 г. когда великокняжескимъ престоломъ Кіевскимъ управлялъ Ярославъ Мудрый, умеръ 1060 г.

Отъ Луки Жидяты лишилося намъ поученіе къ братіи, сказанное нимъ, якъ думаютъ, при самомъ вступленіи его на святительскій престолъ. Оно содержитъ въ собѣ выложеніе головнѣйшихъ обязанностей человѣка къ Богу, ближнему и самому собѣ — коротко и просто, соотвѣтно степени религійного просвѣщенія Новгородскихъ христіянъ. Поученіе Луки хотя найдено въ рукописи XVI. вѣка, носитъ на собѣ слѣды своей глубокой древности якъ въ словахъ и выраженіяхъ, такъ и въ нѣкоторыхъ граматическихъ формахъ.

ИЛАРІОНЪ жилъ такожъ за временъ Ярослава Мудрого и былъ съ начала священникомъ въ селѣ Берестовѣ, надъ Днѣпромъ коло Кіева. Въ сусѣднихъ горахъ, покрытыхъ лѣсомъ, выкопалъ онъ былъ собѣ печеру, щобы въ ней могъ безъ всякой перопоны молитися и розмышляти о Бозѣ. Ярославъ, имѣючи въ Берестовѣ лѣтній дворецъ, позналъ тутъ его. Отличныи свойства набожного мужа Вел. князю такъ подобалися, що коли по смерти митрополита Θеопемпта 1051 г. рускіи епископы собралися для выбранья нового митрополита, представилъ онъ имъ Иларіона яко мужа найдостойнѣйшого заняти престолъ митрополиталный; и епископы, не уважаючи на тое, що до теперь Царьгородскіи патріархи присылали отъ себе митрополитовъ, выбрали руского священника Иларіона на митрополита Руси.

Отъ того Иларіона имѣемъ мы: „Слово о законѣ даномъ черезъ Мойсея и о благодати и истинѣ, бывшей намъ отъ Іисуса Христа.“ Тое слово сочинилъ онъ вѣроятно еще передъ своимъ поставленіемъ въ митрополита. Оно состоитъ изъ трехъ частей, изъ которыхъ первая выказуетъ преимущество христіянской вѣры передъ закономъ Мойсеевымъ т. е. Юдействомъ, и счастье для Руси отъ принятія Христіянства; вторая выхваляетъ князя (кагана) Владиміра, просвѣтившого Русь свѣтомъ истины; наконець третья часть содержитъ въ собѣ молитву отъ новопросвѣщенной Руси о дальшомъ ей успѣванію въ тойже нетинѣ. Слово отличается глубиною чувствъ и риторическимъ одушевленіемъ и свѣдчитъ о значной богословской начитанности Иларіона. Оно дойшло до насъ въ рукописи изъ XVI. в. для того и языкъ его, якъ вообще всѣхъ другихъ памятниковъ нашой древнѣй письменности, дойшовшихъ до насъ въ позднѣйшихъ спискахъ, хотя носитъ на собѣ слѣды глубокой древности, однако не мало измѣненъ переписователями, которыи неперестанно сходятъ на свои обычныи формы и свою правопись*).

СВ. ΘЕОДОСІЙ. Θеодосій родился въ первой половинѣ XI. в. въ мѣсточку Васильевѣ недалеко отъ Кіева. Но вскорѣ родители его перенеслися въ Курескъ, где Θеодосій научился читати священныи книги, которыи пробудили въ немъ сильное желаніе посвяти житье свое Господу Богу. Онъ сталея монахомъ и позднѣйше былъ игуменомъ и властивымъ устроителемъ печерского монастыря въ Кіевѣ. Умеръ 3. Мая 1074 г.

Щобы лучше понати сочиненія Θеодосія и оцѣнити его заслуги для руской письменности вообще, звернѣмъ наперед увагу нашу на головное дѣло его, на устроеніе печерского монастыря.

Кіево-печерскій монастырь и его значеніе для Руси.

Монастыри существовали на Руси уже при первыхъ христіянскихъ князьяхъ — Владимірѣ Вел. и Ярославѣ, однако ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ такого вліянія на просвѣщеніе народа и письменность рускую, до якого съ временемъ прійшолъ монастырь Кіево-печерскій. Первое основаніе тому монастырю положилъ преподобный Антоній, который подобавши собѣ такое житье, якое вели въ Греціи монахи на Аѳонской горѣ**), принялъ тамъ монашескій

*) Въ правописи рускіи писатели не держалися ніякихъ постоянныхъ правилъ. Они вправдѣ измѣняли опредѣленную правопись церковнославянскую соотвѣтно выговору рускому, однако по большой части не ведля якихъ обще принатыхъ правилъ, но каждый по своей воли.

**) Аѳонъ съ трехъ сторонъ окруженъ моремъ; долгота его 10 миль, ширина не досягаетъ 5 миль. Онъ заселенъ самыми монахами мужеского пола изъ розличныхъ народностей, именно: Грековъ, Болгаръ, Сербовъ, Молдавянъ и Россіянъ. 20 монастырей и 11 скитовъ тутъ находящихся мѣстятъ въ собѣ еще днесь до 8000 монаховъ, живящихся по болшой части плодами своихъ садовъ и огородовъ, которыи сами обрабляютъ, и рыбами, которыи ловлятъ въ морю. Сбожья они не сѣютъ;

чинъ. Вернувши на Русь, поселился онъ на горахъ Кіевскихъ близъ печеры, выкопанной Иларіономъ, и основалъ тутъ монастырь, который отъ своего устройства подъ землею былъ названный печерскимъ. Въ сей монастырь вступали люди съ всѣхъ сторонъ, желающіи на уединеніи служити Богу. Въ числѣ ихъ былъ и преподобный Ѳеодосій. Онъ выбраный на игумена, коли число монаховъ возросло доста воздвигъ монастырь на поверхности земли съ церкви и ввелъ въ немъ „уставъ студійскій“*), сущность которого состоитъ въ общежительствѣ т. е. въ общой (вспольной) молитвѣ, общомъ столѣ и имѣнію монаховъ, ровно якъ и въ занятіяхъ всякого рода художества. Въ сей монастырь вступали люди всякого сословія и возроста, зъ близка и зъ далека, и уровновались въ одну братію. Нѣкоторыи изъ той братіи ходили въ Греціи и къ святымъ мѣстцямъ востока. Для того въ томъ монастырѣ съ всѣхъ сторонъ собиралися свѣдѣнія такъ о руской якъ и о другихъ земляхъ. Монахи поставили собѣ головною задачею трудитися въ пользу умственного просвѣщенія народа. И каждый изъ нихъ трудился въ томъ дѣлѣ по своимъ силамъ**). Монахи печерскіи дуже часто выбирааны были на настоятелей другихъ монастырей, а часто даже поставлялися епископами въ розличныхъ епархіяхъ; такимъ способомъ просвѣщеніе розходилося отси по всей руской земли и монастырь печерскій сталася правдивою школою для Руси.

Межи писателями, якихъ онъ въ теченію времени выдалъ множество изъ середъ своихъ стѣнъ, занимаетъ що до времени первое мѣстце самъ преподобный Ѳеодосій.

пшеницю и ячмень доставляютъ имъ ихъ поля недалеко города Солуня находящіися. Аѳонъ или „Святая гора“ была по Царьгородѣ головною точкою, отъ которой ишло на Русь греческое просвѣщеніе въ давныхъ временахъ. Въ Аѳонскіи монастыри часто ходили русскіи духовныи; Аѳонскіи монахи доставляли рускимъ книгъ греч. христіянск. литературы, а многіи изъ нихъ приходили и сами на Русь для содѣйствія духовенству въ укрѣпленію вѣры и поровственности христіянской.

*) Уставъ сей названъ „студійскимъ“ отъ монастыря св. Саввы, основанного въ Константинополи римскимъ патриціемъ Студіемъ. Уставъ самъ уложилъ Ѳеодоръ Студитъ, игуменъ сего монастыря, преимущественно ведля правилъ св. Василія Великого.

**) Въ келіи настоятеля Ѳеодосія монахъ Иларіонъ дни и ночи проводилъ въ списованью книгъ; Никонъ занимался ихъ сшиваньемъ и переплѣтаньемъ; самъ же Ѳеодосій прялъ волну для него и сукалъ снурки.

Сочиненія Преп. Ѳеодосія.

Изъ сочиненій Ѳеодосія дойшли до насъ въ позднѣйшихъ спискахъ (начавши отъ XIV в.) духовныи поученія и два посланія къ Велик. князю Изяславу Ярославичу (1054—1078). Всѣ они для насъ дуже любопытны; содержатъ бо въ собѣ много подробностей, дотычащихся внутренняго быта и религійныхъ понятій Русиновъ въ XI. вѣцѣ.

Въ первомъ посланію къ Изяславу поучаетъ Ѳеодосій князя, якъ по духу христіянскому праздновати Недѣлю. Въ томъ же посланію розрѣшаетъ онъ князя на мясо въ Середу и Пятокъ, если въ который изъ тѣхъ дней припадетъ праздникъ Господскій, или Богородичный или же 12 апостоловъ. Въ посланію о „латинской вѣрѣ“ выказуетъ Ѳеодосій Изяславу нѣкоторыи обрядовыи розличія обохъ Церквей, восточной и западной, наводитъ пороки, вкравшіи ся межи лат. духовенство, и упоминаетъ князя, союзника Болеслава II. (Смѣлого), крѣпко держатися своей Церкви. Въ поученіяхъ своихъ обличаетъ Ѳеодосій темныи стороны, якіи показовалися въ житію такъ мірянъ якъ и монаховъ. Особенно выступаетъ онъ противъ піянства*) и языческихъ обычаевъ и повѣрій, якіи еще удержалися были въ народѣ — якъ: игры, чародѣйства, суевѣріе — боязнь встрѣтитися съ чернцемъ, лысымъ конемъ, свинею.

Монахъ Яковъ. Современный препод. Ѳеодосію печерскій монахъ Яковъ лишилъ намъ такожь одно посланіе къ Изяславу, которого былъ духовнымъ отцемъ. Тое посланіе даетъ намъ доказательство, съ якою смѣлостію доховныи промовляли къ своимъ земнымъ владѣтелямъ. „Одно има великое не къведеть къ Царство небесное,“ говоритъ Яковъ Великому князю. Тому же Якову приписуется еще сказаніе о Владимірѣ Великомъ и сказаніе о св. мученикахъ Борисѣ и Глѣбѣ.

---

*) Межи иными порицаетъ онъ обычай на пирѣ запивати „чаши“ тропарями, позволяючи не больше цити трехъ чашъ: „Тропарей же не молвити чашамъ къ пирѣ лише три. Поставивше шѣдъ славится Хс. Бгъ нашъ, и сѣсти пити лѣпо есть и честно; егда же кончается шѣдъ, прославится Дѣва Мѳри; третьее ѡсподарю; а лише не велимъ.“

Сборники.

Кромѣ проповѣдей и духовныхъ поученій письменныи люди на Руси начали для своего образованія уже скоро пользоватися еще иного рода источниками. Тѣми были сборники (изборники), мѣстящіи въ собѣ выбранныи мѣстця изъ твореній святыхъ Отцевъ и сочиненій греческихъ мудрцевъ. Время поцадило намъ два такіи сборники въ подлинной рукописи, написаны для Изяславового брата Святослава Ярославича, кн. Черниговского († 1077). Одинъ написанный діякономъ Іоанномъ 1073 г. другій 1076 г. Первый есть только списокъ сборника болгарского, переведенного съ греческого, (вѣроятно для болгарского царя Симеона (889—927); для того въ языцѣ находится много болгарскихъ формъ. Онъ содержитъ въ собѣ розличныи статіи взяты изъ византійскихъ источниковъ. Именно находятся въ немъ отрывки изъ сочиненій св. Отцевъ и писателей греческой Церкви о предметахъ христіянского ученія, философіи, риторики, науки природной и др. Находящійся въ томъ сборнику рисунокъ, представляющій Святослава съ его семействомъ, указуетъ намъ на строй нашихъ давныхъ князей.

Другій сборникъ (изъ 1076.) розличается отъ первого своимъ больше норовственно-религійнымъ содержаніемъ и понятнѣйшимъ языкомъ.

Такіи сборники были въ давной Руси дуже улюбленными книгами, що уже показуется изъ множества списковъ ихъ, дойшовшихъ до насъ изъ розличныхъ вѣковъ, подъ розличными названіями, якъ: Пчела, Златоструй, Златая Цѣпь, Измарагдъ и т. п. Ихъ доставляла предкамъ нашимъ Греція по большой части уже въ готовыхъ переводахъ, мѣстящихъ въ собѣ кромѣ твореній греческихъ писателей часто такожь и оригинальныи сочиненія болгарскіи; съ временемъ же рускіи переписователи дополняли ихъ и собственными произведеніями.

Памятники исторического содержанія.

НЕСТОРЪ.

Историческіи сочиненія начинаются у насъ отъ описаній такихъ еобытій, которыи особенно поражали религійное чувство народа. Въ XI. в. такимъ событіемъ было убіеніе князей Бориса и Глѣба ихъ братомъ Святополкомъ.

Незавиненная смерть св. братьевъ, побудила монаховъ печерского монастыря, — видѣвшихъ въ Борисѣ и Глѣбѣ мучениковъ, подобныхъ мученикамъ терпѣвшимъ за христіянскую вѣру, — описати ихъ житіе и смерть. Одно изъ тѣхъ описаній приписуютъ, якъ высше сказано, монаху Якову; другое же подъ названіемъ „Сказаніе о св. братьяхъ Борисѣ и Глѣбѣ,“ сочинилъ печерскій монахъ Несторъ.

Несторъ родился 1056., вступилъ 1073 г. въ Кіево-печерскій монастырь, еще передъ смертію препод. Ѳеодосія, былъ постриженъ въ черници игуменомъ Стефаномъ, наслѣдникомъ Ѳеодосія, и поставленъ въ діяконы; умеръ въ второмъ десятку XII. вѣка (около 1114 г.).

Кромѣ сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ написалъ Несторъ еще Житіе преподобного Ѳеодосія. Сочиненіе тое отличается своею полнотою и ясностію въ представленію. Но далеко важнѣйшимъ сочиненіемъ отъ помянутыхъ житьеписей Нестора есть его Лѣтопись, означена именемъ „Повѣсть временьныхъ лѣтъ“. Есть то первая лѣтопись въ Европѣ писана не въ языцѣ греческомъ и не латинскомъ. Она содержитъ въ собѣ исторію Руси отъ найдавнѣйшихъ временъ ажь до початку XII. вѣка. Обзнакомленъ съ византійскими лѣтописцями Несторъ подобно имъ начинаетъ и свою лѣтопись исторіею заселенія земли потомками сыновъ Ноевыхъ. Дальше оповѣдаетъ онъ о розселенію Славянъ съ-надъ Дуная и образованью, ведля розличныхъ племенъ словянскихъ, независимыхъ отъ себе Славянскихъ владѣній. Затѣмъ слѣдуетъ исторія Руси. Тутъ розсказуетъ лѣтописецъ событія, начавши отъ 862 г., одни подробно, другіи же совсѣмъ коротко. Лѣта, въ которыхъ ничого не собылося, щобы особенно поразило современниковъ, наводитъ онъ просто безъ всякого примѣчанія.

При составленью своей лѣтописи Несторъ пользовался источниками устными и письменными.

Къ устнымъ источникамъ належатъ народныи преданія и розсказы современниковъ, къ письменнымъ: византійскіи лѣтописи, палея*), отдѣльныи повѣсти и сказанія о поодинокихъ лицяхъ и вѣроятно короткіи историческіи записки, якіи велися на Руси, особенно по монастыряхъ въ пасхальныхъ таблицяхъ т. е. такихъ,

*) Палея — слово греческое — значитъ: старина. Такъ называлася книга содержаща въ собѣ старозавѣтную исторію съ толкованіями Отцевъ Церкви и додатками изъ книгъ отреченныхъ и собственного вымысла, вымѣренными противъ Жидовъ и Магометянъ.

въ которыхъ находилися вычислены времена, когда припадаетъ Пасха и другіи подвижныи церковныи праздники.

Изъ лѣтописцевъ византійскихъ Несторъ употреблялъ особенно творенія монаха Георгія Амартола (т. е. грѣшника), писавшого въ IX. вѣцѣ, и Меводія, епископа Патарского. Изъ первого почерпнулъ онъ розсказъ о заселенію земли потомками Ноя*), вѣсти о законахъ и обычаяхъ нѣкоторыхъ народовъ старого свѣта и сказаніе о волхвѣ Аполлонію. Меводію завдячуетъ онъ сказанія о происходженію Торкменъ, Печенѣговъ и другихъ кочуючихъ племенъ, также преданіе о народахъ будьто бы заключенныхъ въ горы Александромъ Великимъ. Исповѣданіе вѣры св. Владиміра по принятію крещенія взято вкоротцѣ изъ сочиненія греческого писателя Михаила Синкелла**). Изъ Палеи внесено въ лѣтопись выложенье Владиміру, — еще навычнику,—старозавѣтной исторіи греческимъ миссіонеромъ и извѣстіе о обычаяхъ магометанскихъ. Вѣсти о св. братьяхъ Кириллѣ и Меводію и о начатку славянского письма Несторъ завдячуетъ житіямъ тѣхъ славянскихъ апостоловъ, сочиненнымъ въ южной Славянщинѣ.

Къ старинным преданіямъ въ лѣтописи принадлежатъ сказанія о Обрахъ-великанахъ (Аварахъ), о родоначальникахъ племенъ, о дѣлахъ и смерти князя Олега и др.

Изъ стариковъ-очевидцевъ, розсказами которыхъ Несторъ пользовался, наводитъ онъ самъ по имени: печерского монаха Іеремія „иже помняше (памятал) крещение земля рускыя“ и воеводу Яна Вышатича, внука того Остромира, для которого написано было извѣстное намъ Евангеліе. Тотъ Янъ участвовалъ не въ одномъ военномъ походѣ, бывалъ въ розныхъ сторонахъ Руси для собиранья княжеской дани и умеръ 90-лѣтнимъ старцемъ 1106 г. О немъ говоритъ Несторъ: „Отъ него же и азъ многа словеса слышахъ, ихже и вписахъ въ лѣтописании семъ“.

Іеремій отже памятал еще времена Владиміра В., Янъ могъ передати лѣтописцю вѣрныи извѣстія о событіяхъ на Руси при наслѣдникахъ Владиміра: Святополцѣ, Ярославѣ († 1054.) и Изяславѣ († 1078.); о временахъ же Всеволода († 1093.) и Святополка II. (Изяславича) († 1113.) писалъ онъ уже яко современникъ и по части очевидецъ событій.

При такихъ обстоятельствахъ возникла въ Кіево-печерскомъ монастырѣ лѣтопись, о которой ученый критикъ нѣмецкій Шлецеръ смѣло могъ выречи: „Nestors Chronik ist die einzige in ihrer Art. Die übrigen slavischen Völker, die Polen, Böhmen, Wenden, Illyrier u. s. w. haben nichts aufzuweisen, das dem russischen Annalisten an Alter, Umständlichkeit, Genauigkeit und Zuverlässigkeit verglichen werden könnte***).

Лѣтопись тая идетъ до 1110 года. Послѣ Нестора она продолжалася дальше. Первымъ ей продолжателемъ былъ Силвестеръ,

*) Зр. Миклосича Chronica Nestoris, VI и 183 — 146.

**) Опытъ историч. обозрѣнія русск. словесности Ореста Миллера ст. 262.

***) Probe russischer Annalen, A. L. Schlözer, Bremen und Göttingen 1768, S. 31.

игуменъ монастыря св. Михаила въ Кіевѣ, умершій яко епископъ Переяславля Кіевского 1124 г. Позднѣйшіи переписователи внесли въ ню и нѣкоторыи сочиненія другихъ писателей, якъ на пр. Поученіе дѣтемъ Владиміра Мономаха, сказаніе о ослѣпленію Теребовельского князя Василька, сочиненное священникомъ или монахомъ Василіемъ.

Форма, въ якой Несторъ представляетъ событія, есть больше драматическа, нежь повѣствовательна: тутъ часто не только поодинокіи лица, но и цѣлыи народы ведутъ межи собою розговоры.

Къ сожалѣнію и лѣтопись Нестора не дойшла до насъ въ подлинникѣ, мы имѣемъ ю лишь въ спискахъ, мѣстящихъ въ собѣ и труды ей продолжателей. Найдавнѣйшій изъ тѣхъ списковъ есть Лаврентіевскій, писанный за полтретья ста лѣтъ по смерти Нестора монахомъ Лаврентіемъ для Суздальского кн. Димитрія Константиновича 1377 г. Переписователи изъ розныхъ сторонъ и временъ подѣлали въ ней, каждый по своему, многіи языковыи измѣненія и по той причинѣ трудно означити съ точностію, якъ писалъ Несторъ самъ; но правдоподобно нашъ лѣтописецъ, яко монахъ, начитанный въ церковныхъ книгахъ, придерживался и ихъ языка, однако часто сходилъ на формы и выраженія рускіи именно въ народныхъ преданіяхъ и приповѣдкахъ и въ розсказѣ о текущихъ событіяхъ.

Памятники законодательства.

Въ Несторовой лѣтописи помѣщены и первыи памятники горожанского права на Руси. Суть то мирныи договоры рускихъ князей съ Греками: первый князя Олега, наслѣдника призванного изъ-за моря Рюрика I. зъ 912 г., вторый Игоря Рюриковича зъ 944 г. и третій Святослава, сына Игоревого и св. Ольги зъ 971 г. Они правдоподобно были сочинены по-гречески и доперва позднѣйше переведены на языкъ рускій, и въ томъ переводѣ внесены Несторомъ въ лѣтопись. Въ спискахъ при той же лѣтописи находимъ мы еще иный, нашой уваги далеко достойнѣйшій памятникъ собственно руского права. Тѣмъ памятникомъ есть „Руская Правда“ названная такъ для розличія отъ греческого права, которое находилося въ Номоканонѣ (законоправильнику) или

ОБЩЕСТВО ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

Кормчей книзѣ*), принесенной на Русь въ южно-славянскомъ переводѣ уже съ христіянскою вѣрою. Руская Правда ведетъ свое начало отъ Ярослава Мудрого. Щобы установити лучшій порядокъ въ судѣ и росправѣ, забезпечити ненарушимость власности и общественного порядка, приказалъ тотъ князь около 1020 г. списати въ Новгородѣ давныи, временемъ и звычаемъ освященныи уставы и уставы перенятыи отъ Варяговъ (скандинавскихъ Норманъ) и надалъ имъ въ томъ городѣ силу закона обовязуючого.

Сборникъ тѣхъ уставовъ наслѣдниками Ярослава розвитый и еще новыми уставами дополненный стался съ временемъ для всей старой Руси законодательною книгою Онъ содержитъ въ собѣ по большой части самыи уголовныи (криминальныи) законы. Примѣчанія достойнымъ есть то, що кара смертію не призначается за ніякое переступленіе. Родовая месть, войшовшая на Руси въ употребленіе отъ пришествія варяжскихъ князей, обмежается Рускою Правдою лишь на убійство и позволяется только найблизшимъ сродникамъ; на всѣ другіи перступленія назначена, грошевая кара (продажа) сорозмѣрна винѣ и розлична ведля стана оскорбленного человѣка. Но и месть за убійство, несогласна съ понятіями христіянства, замѣнена была наслѣдниками Ярослава на грошевую кару, которая называлася вирою (Wergeld).

Найдавнѣйшій списокъ Рускої Правды сохранился намъ при Новгородскомъ списку Кормчей книги зъ 1282 г.

Языкъ Рускої Правды, яко сборника постановленій для народа, представляетъ рѣшительную перевагу старо-рускаго надъ церковно-славянскимъ: термина и обороты суть взяты изъ языка розговорного.

Сочиненія Владиміра Мономаха.

Въ Лаврентіевскомъ списку Несторовой лѣтописи находятся два сочиненія Владиміра Мономаха, одного изъ славнѣйшихъ князей давной Руси: „Поученіе дѣтемъ“ и „посланіе“ къ Олегу кн. Рязанскому. Они вставлены тамъ оба разомъ якимъ-то переписователемъ подъ годомъ 1096. межи событіями не имѣющими съ ихъ содержаніемъ и цѣлію ніякой связи.

*) Кормити значитъ правити, управляти.

Видячи несчастья, якіи наводили на рускую землю непорядки и безперестанныи споры межи князьями, Владиміръ Мономахъ*) уважалъ потребою своимъ дѣтямъ и каждому другому „кто слышати будетъ“ его „грамотицю,“ письменно дати спасительныи наставленія и по той причинѣ составилъ свое „Поученіе дѣтемъ“, здается 1099 г.**; отже еще передъ вступленіемъ на Великокняжескій престолъ, которымъ онъ славно и мудро управлялъ отъ 1113—1125 г.

Въ томъ поученію представляетъ князь, якіи обязанности имѣетъ человѣкъ относительно религіи, своей родины и общества; возстаетъ сильно противъ споровъ (усобицъ), межи князьями; указуетъ, що княжеская честь не состоитъ лышь въ военной славѣ, но также въ справедливости и добромъ обходженью съ подвластными людьми; упоминаетъ стеречися лѣнивства и заохочуетъ учитися и чужихъ языковъ, причемъ ставляетъ въ примѣръ своего отца Всеволода, который зналъ пять языковъ; потомъ побуджаетъ сыновъ своихъ къ безперерывной дѣятельности, наводячи имъ въ примѣръ свои дневныи занятія, вычисляючи свои походы на вороговъ и свои многократныи борьбы съ дикими звѣрями на ловахъ (охотѣ), и кончитъ „Поученіе“ самымъ важнымъ во времена домашнихъ споровъ напоминаніемъ, щобы братья межи собою жили въ мирѣ и любвѣ. Тутъ въ доказъ и примѣръ свого миролюбія повторяетъ Мономахъ свое посланіе къ Олегу Святославичу Рязанскому, (написанное 1096 г.), въ которомъ прощаетъ Олегу все, що утерпѣлъ самъ и его родина отъ него.

При составленью „Поученія“ по части служили Мономаху образцемъ подобного рода творенія греческіи; особенно пользовался онъ поученіями св. Василія Великого. „Короткость, простота и естественность“ суть его отличія. Для насъ оно любопытно особенно для того, що указуетъ намъ тогдашній способъ житья князей рускихъ. Тойже князь дополнилъ „Рускую Правду“ уставомъ о „рѣзѣ“ (процентѣ).

*) Сынъ Всеволода, внукъ Ярослава Мудрого, а по матери внукъ греческого царя Константина Мономаха.

**) Опытъ обозр. русск. слов. Ореста Миллера стр. 278, 279 примѣч.

ВѢКЪ XII.

Судьба Руси.

Межи князьями споры. Только за временъ Володиміра Мономаха, оставшого 1113 г. по смерти Святополка Изяславича Великимъ княземъ, и его сына Мстислава (1125—1132.), которыи своею хоробростію и мудрымъ правленіемъ умѣли держати удѣльныхъ князей въ покорности и внѣшнихъ вороговъ въ страху, кровопролитія на Руси перестали. Но заразъ по смерти Мстислава роздоры отновилися и давали способность и отвагу чужимъ племенамъ вторгатися въ рускіи краины. Возстали князи, которыи не хотѣли признавати надъ собою верховодства Великихъ князей Кіевскихъ. Такъ уже внукъ Мономаха Андрей Боголюбскій (сынъ Юрія Долгорукого, основателя княжества Суздальского) основалъ и утвердилъ около 1157 г. новый Велико-княжескій престолъ въ Владимірѣ надъ рѣкою Клязьмою. Въ середней Руси вознеслися своею силою княжества Смоленское и Рязанское; на сѣверо-западѣ же княжество Полоцкое, еще отъ временъ грозного Всеслава. На югѣ хитрый и мужественный Владимірко, сынъ Володаря Ростиславича кн. Перемышльского*) учредилъ 1140 г. надъ Днѣстромъ, межи Карпатами и обома Бугами княжество Галицкое**), которое прійшло до значной силы, могущества и блеска подъ мудрымъ правленіемъ его сына Ярослава Осмомысла (1152 1187.) и еще больше, коли по смерти Владиміра Ярославича хоробрый Романъ Мстиславичъ***) прилучилъ къ нему (1198 г.) и свое княжество Волынское На сѣверѣ торговый Новгородъ управлялся самостоятельно своимъ вѣчемъ****) и мало бралъ участія въ дѣлахъ прочей Руси. При Новгородѣ вознеслся своею торговлею и промышленностію городъ Псковъ и сдѣлался независимымъ.

---

*) Володарь былъ правнукомъ Ярослава Мудрого.

**) Присоединивши къ землѣ Галицкой княжества Перемышльское, Теребовельское и Звенигородское.

***) Потомокъ Мономаха, отецъ короля Данила.

****) Вѣче или вѣще означаетъ народную думу, соймъ; слова съ тѣмже коренемъ суть: вѣщати, со-вѣтъ, от-вѣтъ и. т. п.

Образованье въ томъ вѣцѣ сосредоточивалося въ монастыряхъ; образованною клясою народа было духовенство; свѣтскому бо человѣку при княжескихъ спорахъ и войнахъ трудно было спокойно отдаватися занятіямъ умственнымъ. Для того часто бояре и князи, если хотѣли отдатися спокою и духовнымъ книгамъ, поступали въ монастырь. Но были также межи князьями такіи, которыи и безъ стѣнъ монастырскихъ все таки найшли возможность читати книги а даже и писати. Такій былъ, якъ мы выдѣли, Владиміръ Мономахъ; гдекоторыи же изъ князей заводили школы въ своихъ княжествахъ. Такъ на пр. Романъ Ростиславичъ основалъ въ Смоленску духовную школу, въ которой кромѣ языка славянского учили также языковъ греческого и латинского.

Памятники въ XII. в.

Изъ церковныхъ книгъ, написанныхъ въ XII. вѣцѣ, имѣемъ мы:

Евангеліе Апракосъ, писанное межи лѣтами 1118—1128.

Евангеліе Мстиславово (Апракосъ) написанное, якъ читаемъ въ его послѣсловію, для Мстислава Володиміровича, князя Новгородского (1125—1132). Правопись руская, однако мѣстцями находятся еще и носовыи самогласныи, которыи указуютъ, що тое Евангеліе переписано было изъ рукописи староболгарской.

Евангеліе Галицкое (Крылосское), написанное 1143 г. за владѣнія Володимірка Володаревича. Оно есть межи всѣми до нынѣ открытыми рукописями Евангелій найдавнѣйшій списокъ Тетра-Евангелій (Четверо-Евангелій). Правопись руская, находятся уже и слова рускіи въ такой формѣ, якъ они нынѣ выговоруются въ Галиціи: на пр. тобѣ, собѣ, половы старосл. плѣкы) пшеніцю (старосл. пьшеницѫ), дъжчь (старосл. дъждь) и др.*), Рукопись находится въ Москвѣ.

Евангеліе (Апракосъ), писанное 1164 г. (якъ читается въ послѣсловію): дьѧкомь (діякономъ) сѫтыхъ апостолъ Константиномь, а мирскы Добрило, Семеонъ, попови сѫтаго Иоана Предитеча. Правопись руская; самогласныхъ носовыхъ совсѣмъ нѣтъ.

Служебникъ Антонія Римлянина, монаха и основателя монастыря пресв. Богородици въ Новгородѣ. Правопись руская.

---

*) У ученого крылошанина А. Петрушевича находятся двѣ пергаменныи картины Апостола, которыхъ почеркъ, правопись и языкъ такіи самі, якъ сей Галицкой рукописи Евангелія.

Стихирарь, писанный 1157 г. Правопись текста руская; надъ словами стоятъ пѣвческіи знаки, совершенно розличны отъ нашихъ теперѣшнихъ нотъ.

Парамейникъ т. е. книга, содержащая въ собѣ собраніе парамій или выбранныхъ мѣстць изъ св. писанія, читаемыхъ особенно на вечерняхъ праздниковъ. Языкъ и правопись старобол-гарскіи.

Псалтирь съ поясненіями, переписанными изъ старословенского перевода.

Паломникъ.

На початку XII. вѣка явилося на Руси твореніе нового рода, которое позднѣйше выкликало цѣлый рядъ подобныхъ твореній. Есть то „Странникъ или хожденіе Даніила Паломника“ въ Іерусалимъ. Обычай ходити на св. мѣстця, особенно въ Іерусалимъ, — мѣстце для Христіянина найбольше святое—войшолъ на Русь уже скоро по введенію Христіянства. Богомольци, ходившіи къ гробу Господню назывался Паломниками (пальмоносцями), ибо они вертали домовь съ пальмовыми вѣтвями (галузками), освященными въ Цвѣтную Недѣлю въ Церкви гроба нашого Спасителя. Одинъ изъ такихъ Паломниковъ, именемъ Даніилъ, „рѣскым земли игумѣнъ“ (кажутъ Черниговскій), ходившій въ святую землю за владѣнія Великого князя Святополка Изяславича, (когда по первомъ крестовомъ походѣ Іерусалимъ былъ въ рукахъ Христіянъ, подъ властію Балдуина) описалъ все, що тамъ его особенно заняло. Онъ описуетъ положеніе Іерусалима, мѣстця освященныи стопами Спасителя и пресв. Богородици, обрядъ освященія воды на Іорданѣ; розсказуетъ о своемъ принятію отъ князя Балдуина, о моленію при св. гробѣ (цѣли свого путешествія) и о святомъ свѣтлѣ на томъ же святомъ мѣстци въ ночи на день Воскресенія Христового. Весь розсказъ Даніила полный теплой вѣры и любви къ св. мѣстцямъ и порываетъ сердце читателя своею простодушностію и чистосердечностію. Для того то сочиненіе тое найшло многихъ переписователей и наслѣдователей; чимъ Нестора Временникъ для лѣтописцевъ, тѣмъ былъ „Странникъ“ Даніила для послѣдующихъ Паломниковъ. Найдавнѣйшій списокъ его имѣемъ мы изъ XV. вѣка.

105

Духовныи посланія и проповѣди.

При Святополцѣ II. Изяславичѣ присланный былъ изъ Византіи для Руси митрополитъ именемъ Никифоръ, который управлялъ Кіевскою митрополіею отъ 1104 — 1121 г. Той лишилъ намъ три посланія, изъ которыхъ два онъ написалъ къ Владиміру Мономаху и одно къ Ярославу Святославичу, князю Муромскому. Изъ посланій къ Мономаху написалъ онъ одно, якъ говоритъ самъ, слѣдуючи звычаю Церкви во время великого поста удѣляти князьямъ духовныи наставленія*). Въ немъ Никифоръ, выказавши коротко пользу поста, указуетъ на „источникъ,“ изъ которого „истѣкаетъ“ въ человѣцѣ всякое добро и всякое зло при чемъ розсуджаетъ о души человѣческой и ей трехъ силахъ: о словесномъ (умѣ), яростномъ (чувствѣ), желанномъ (воли) и пяти слугахъ (чувствахъ), черезъ которыи она дѣйствуетъ въ тѣлѣ человѣка.

Другое посланіе сочинилъ Никифоръ на желаніе самого князя, хотѣвшого знати причины роздѣленія Церквей восточной и западной**).

Въ немъ вычислены головныи розличія въ обрядахъ обохъ Церквей. По духу сочиненіе сіе сходно съ посланіемъ Преподоб. Ѳеодосія Печерского къ Изяславу. О томъ самомъ предметѣ писалъ Никифоръ и къ князю Муромскому.

Въ языцѣ сочиненій Никифора находятся Грецисмы. Суть мнѣнія, що той святитель, не умѣючи добре руского языка, сочинилъ свои посланія по-гречески, а Русины перевели ихъ на языкъ рускій.

Проповѣди славныхъ учителей греческой Церкви, переведены на языкъ церковно-славянскій, въ томъ вѣцѣ не только читалися и переписовалися, но также находили межи рускими проповѣдниками даровитыхъ наслѣдователей. Такимъ наслѣдователемъ является Кириллъ, епископъ Туровскій.

КИРИЛЛЪ родился отъ богатыхъ родичей въ Туровѣ (надъ рѣкою Припетью). Уже отъ малыхъ лѣтъ съ великою любовью читалъ онъ св. книги. Отрекшися по смерти родичей отъ богатой спадщины по нихъ, постригся въ черници. Но и монастырскимъ житьемъ не задоволенъ, заперся

---

*) Отъ слова его: „И сего ради дрѣзноухомъ мы, яко оуставъ есть церковный и правило, въ время се (поста) и къ княземъ глаголати что полезнов.“

**) „Вѣпрашалъ еси былъ, благородный княже, како отвѣрженни (!) быша Латина отъ святыя соборныя и правовѣрныя церкве.“

въ столиѣ, где упражнялся въ постѣ и молитвѣ и писалъ набожныи сочиненія. Имя его сталося славнымъ въ цѣлой окрестности, такъ що коли въ Туровѣ упорожнилася епископская катедра, жители Турова разомъ съ своимъ княземъ, конечно хотѣли имѣти лишь его епископомъ у себе. Кириллъ на ихъ просьбу поступилъ на епископскій престолъ въ Туровѣ и управлялъ нимъ до конця своего житья († 1185 г.).

Кириллъ писалъ обличительныи письма противъ Ростовского лже-епископа Ѳеодора („Ѳеодорця“)*) и духовныи посланія къ Суздальскому князю Андрею Боголюбскому; но тіи творенія до насъ не дойшли. Изъ его сочиненій найдено въ позднѣйшихъ спискахъ:

1. три поученія о монахахъ;
2. проповѣдь на Недѣлю Ваій;
3. рядъ проповѣдей на время отъ Недѣли Пасхи до Пятьдесятници, состоящій изъ седми словъ**);
4. поученіе въ формѣ притчи о слѣпци и хромци;
5. Слово о постѣ;
6. молитвы и канонъ покаянный.

Проповѣди Кирилла що до характера найблизше сходятся съ поученіями св. Іоанна Златоуста. Они содержатъ въ собѣ общехристіянскіи истины и норовственныи науки; къ потребамъ же и нравамъ свого времени они лишь дуже мало примѣнены. По той причинѣ они лишь слабое свѣтло кидаютъ на тогдышню жизнь рускихъ Христіянъ; но они достойны всякой уваги для своей формы. Ихъ отличаетъ форма символическая. Каждая его проповѣдь богата въ образы, созданныи воображеніемъ. Особенно характеризуютъ проповѣдника слова: на новую Недѣлю по Пасцѣ (Ѳомену), на Недѣлю о разслабленномъ и на вознесеніе Господне. Въ первомъ подаетъ онъ значеніе Недѣли, которая у Христіянъ заняла мѣстце старозавѣтной Субботы; потомъ выясняетъ значеніе Недѣли новой и артоса, который въ тую Недѣлю роздается; дальше представляетъ Христіянство въ образѣ весны, язычество же и юдейство въ образѣ зимы, а грѣховныи помыслы въ образѣ

*) Епископовъ посвящали митрополиты Кіевскіи. Ѳеодоръ, игуменъ монастыря Суздальского, захотѣвши митры, а не получивши ей въ Кіевѣ, поѣхалъ въ Царьгородъ, обманулъ тамъ патріарха, будьто бы митрополитъ рускій умеръ, и для того онъ не получилъ посвященія на епископа, и патріархъ посвятилъ его на епископа Ростовского; но митрополитъ запретилъ Ростовской паствѣ признавати его своимъ епископомъ.

**) Не найдено проповѣдей на Недѣлю о Самарянинѣ и на Недѣлю Пятьдесятници.

106

бурныхъ вѣтровъ; на конецъ выкладаетъ испытаніе Ѳомою ранъ Іисуса Христа, при чемъ въ уста Спасителя и Ѳомы вкладаетъ просторонныи рѣчи, сочинены его фантазіею въ духу божественного Учителя и Апостола.

Въ словѣ на Недѣлю о разслабленномъ представлено съ полнымъ искусствомъ исцѣленіе Спасителемъ рода человѣческого, разслабленного волею.

Всѣ же другіи проповѣди Кирилла превосходятъ поэтическою красотою, богатствомъ и высотою образовъ его Слово на вознесеніе Господне: „Славится на западѣ поезія Данта (XIV. в.) своими чудными явленіями, въ которыхъ она переносила на небо блестательныи процессіи Италійской Церкви; но высше тѣхъ видѣній есть духовное видѣніе Кирилла (XII. в.), где такъ глубоко раскрыта основная мысль Христіянства: вознесеніе падшаго человѣчества на небеса въ лицѣ Спасителя, и олицетворена въ чудномъ, прекрасномъ образѣ“*).

Во всѣхъ проповѣдяхъ его находится розсказъ о событіи, на память которого установленъ праздникъ, розвитый подробностями дополненными фантазіею, и оживленный розговорами межи лицями, которыи участвовали въ событію.

Такіи проповѣди предки нашіи и слухали и читали съ жаждою — и величали Кирилла „Златословеснымъ учителемъ возсіявшимъ на Руси паче всѣхъ.“

Изъ XII. вѣка имѣемъ мы еще слово „о мытарствахъ“ и „о видѣніи Апостола Павла.“ Въ обохъ дано широкій просторъ религійной фантазіи. Въ первомъ представлено, що дѣется съ душею человѣка, коли имѣетъ розлучитися отъ тѣла, и куда она обходитъ по розлученію отъ него. Слово о видѣніи Апостола Павла состоитъ изъ жалобъ, якіи подносятъ къ Богу солнце, мѣсяць, моря, рѣки и вся земля на человѣка-грѣшника.

Изъ переводовъ твореній греческихъ проповѣдниковъ время пощадило изъ того вѣка сборникъ проповѣдей Іоанна Златоуста и Григорія Назіанзійского.

Вопрошаніе Кирика (или Киріяка).

Подъ тѣмъ названіемъ дойшли до насъ розговоры священника Кирилла или Киріяка съ славнымъ во свое время Новгород-

*) Шекурекъ.

скимъ архіепископомъ Нифонтомъ*) († 1156) и съ другими духовными лицами*) — о розныхъ предметахъ дотычащихся церковныхъ дѣлъ. Къ Вопрошаніямъ Кирика прилучено въ Кормчей книзѣ еще „Вопрошаніе“ якого-то Иліи, и оба сочиненія составляютъ тамъ одно цѣлое.

Той памятникъ для насъ особенно важный для того, що содержитъ въ собѣ многія извѣстія о тогдашнихъ рускихъ обычаяхъ, указуетъ на многіи суевѣрія, которыи въ народѣ остались еще изъ временъ язычества, (межи иными жертвы приносимыи Роду и Рожаницямъ, божествамъ судьбы), на злоупотребленія обычая ходити на св. мѣстця для богомолія, на вліянія варяжскихъ т. е. латинскихъ поповъ, на волхвовъ и т. д.

Кромѣ „Вопрошаній“ Кирикъ составилъ еще „Числоученіе“ т. е. родъ хронологіи.

Житія Святыхъ.

Легкое и занимательное чтеніе людямъ, знаючимъ писмо, доставляли книги, мѣстящіи въ собѣ житьеписи пустынножителей, особенно египетскихъ, и св. мучениковъ за христіянскую вѣру. Они находили въ каждомъ вѣцѣ своихъ переписователей. Изъ XII. вѣка лишилася намъ книга такого рода подъ названіемъ „Патерикъ“ (Отечникъ) Синайскій. Въ томъ вѣцѣ были написаны также житія двохъ рускихъ угодниковъ Божихъ; именно: Исаіи и Леонтія, которыи проповѣдали христіянскую вѣру Ростовцямъ, и Антонія Римлянина, который, якъ повѣдается въ его житьеписи, чудеснымъ способомъ прибылъ отъ Рима въ Новгородъ съ священными сосудами западной роботы, и основалъ тутъ монастырь пресв. Богородици.

Житіе Антонія написалъ его ученикъ Андрей, (отъ 1147—1157 г.) игуменъ помянутого монастыря.

Апокрифы. Духовныи стихи.

Съ книгами церковными, проповѣдями и житіями Святыхъ доставалися на Русь уже за-рана изъ Византіи въ южно-славянскихъ переводахъ и такіи рукописи, которыи мѣстили въ собѣ вымышленныи дополненія и поясненія св. писанія и выдуманныи розсказы и преданія о пресв. Дѣвѣ, о св.

*) Вопрашанїе Кюриково, еже вопраша Епископа Новугородьского Нифонта и инѣхъ.“

107

мученикахъ, пустынножителяхъ и другихъ Святыхъ. Христіянская Церковь предостерегала вѣрныхъ отъ такихъ сочиненій, однако они, доставляючи богатый кормъ религійной фантазіи, всегда читалися по домахъ тайно и для того получили названіе тайныхъ, отреченныхъ книгъ — или съ-греческа апокрифовъ*). Изъ такого рода сочиненій были рускимъ читателямъ вѣроятно уже въ XII. в. знаемы: Слово Адама во Адѣ къ Лазарю, Бесѣда трехъ Святителей, Хожденіе Богородици по мукамъада, сказанія о Давидѣ и Соломонѣ Премудромъ и др.

Въ словѣ Адама праотецъ человѣческого рода поручаетъ Лазарю, котораго Христосъ имѣетъ воскресити, щобы онъ припомнулъ Спасителю на души, терпящіи безъ своей провины въ адѣ. Въ Хожденію Богородици по мукамъ ада говорится, що пресв. Дѣва, хотящи видѣти, якъ души мучатся въ адѣ, удалася тамъ въ сопроводѣ Архангела Михаила. На вопросы Богоматери даетъ Архангелъ поясненія при каждомъ родѣ мукъ. Страшныи терпѣнія засужденныхъ возбудили милосердіе у небесной Царици. Она проситъ своего сына, щобы помиловалъ души христіянскіи. Спаситель за ей молитвы и за молитвы Архистратига Михаила и Святыхъ своихъ освобождаетъ души отъ мукъ на время отъ великого Четверга до Недѣли Пятьдесятници. Содержаніе „Бесѣды трехъ Святителей“ составляютъ вопросы и загадки дотычащіися начала міра и его дальшой судьбы. Тая бесѣда и сказанія о царѣ Давидѣ дополнены вымыслами руской фантазіи, дали основаніе стиху „о Голубиной книзѣ.“ Въ томъ стисѣ христіянскіи имена и преданія смѣшаны съ апокрифическими выдумками и преданіями передхристіянской старины. Стихъ начинается розсказомъ о книзѣ - голубиѣ, которая — будьто бы — спала съ неба. Къ ней приходило много „царей и князей и всякого народа“, но только передъ царемъ Давидомъ она ростворилася. Рускій князь Владиміръ, хотѣвшій довѣдатися, откуда взялися: свѣтъ, солнце, мѣсяць, земля... умъ - розумъ, міръ - народъ и познати значеніе самыхъ важныхъ предметовъ въ мірѣ, приходитъ къ Давиду и проситъ его прочитати тую книгу и обяснити ему „дѣла Божіи.“ На вопросы князя Давидъ въ отвѣтахъ своихъ розвиваетъ космогоническіи представленія народа. Такъ на пр.

„У насъ бѣлый вольный свѣтъ зачался отъ суда Божія;
Солнце красное отъ лица Божьяго;
Самого Христа Царя небеснаго;
Младъ свѣтелъ мѣсяцъ отъ грудей его;
Звѣзды частыя отъ ризъ Божіихъ;
Ночи темныя отъ думъ Господніихъ;
Зори утренни отъ очей Господніихъ;
Вѣтры буйныи отъ свята Духа;
Дробенъ дождекъ отъ слезъ Христа;
Самого Христа, Царя небеснаго.

Стихъ сей переходячи въ устахъ народа отъ одного поколѣнья къ другому дозналъ многихъ измѣненій и дополненій.

Межи сказаніями о Святыхъ подобалися народу особенно сказанія о такихъ Святыхъ, которыхъ его фантазія могла вблизити съ своими давными

*) отъ греч. слова *αποκρυπτω* скрываю, таю.

богатырями или миѳологическими богами. Такими найшолъ народъ св. Георгія Побѣдовосця, св. Ѳеодора Тирона, св. Димитрія Солунского.

Онъ дополнялъ ихъ житія преданіями о давныхъ рускихъ богатыряхъ и языческихъ богахъ, и на основанію тѣхъже укладалъ имъ пѣсни, въ которыхъ христіянскимъ Святымъ не рѣдко приписуются и черты несходны съ духомъ христіянства.

Тіи пѣсни получили названіе „духовныхъ стиховъ.“ Изъ духовныхъ стиховъ найбольше знаный „стихъ о Георгіи (Георгію) Храбромъ,

Поезія свѣтская. Слово о Полку Игоревѣ.

Народу припадали до сердця и такіи повѣсти, принесенныи изъ Греціи, въ которыхъ розсказовалося про богатырскіи дѣла свѣтскихъ людей, якъ н. пр. Александра Мекедонского и друг. Изъ такого рода повѣстей рускіи лѣтописци вносили многое въ свои творенія. Вкоротцѣ возстали даровитыи лиця, которыи звернули увагу на героическіи дѣла и военныи предпринятія своихъ князей, и начали ихъ опѣвати въ пѣсняхъ Такъ уже въ XI. в. „вѣщій“ Бонкъ складалъ пѣсни: старому Ярославу (Мудрому), храброму Мстиславу (его брату), красному Роману Святославичу († 1079); но изъ тѣхъ пѣсень Бояновыхъ не дойшло до насъ ничого. За то имѣемъ мы изъ второй половины XII. вѣка превосходный забытокъ письменной свѣтской поезіи. Тѣмъ памятникомъ есть „Слово о полку Игоревѣ.“ Въ немъ изображенъ несчастный Походъ Новгородъ-Сѣверского князя Игоря Святославича противъ Половцевъ*).

*) Ползовци или Команы (Турецкое слово kom или kum значитъ пѣсокъ поле, стень), — дикій, кочуючій народъ турецкого племени, приблизился отъ Каспійского моря къ южно-восточнымъ предѣламъ Руси, по покоренію сопленменныхъ собѣ Печенѣговъ. Подъ предводительствомъ своихъ князьковъ называемыхъ ханами они, начавши отъ второй половины XI. вѣка, часто нападали на рускую землю, корыстаючи изъ межиусобныхъ споровъ нашихъ князей, опустошали поля, палили села, розбуровали городы и врывалися и въ самый престольный Кіевъ. Рускіи князи то поодиноко то соединенными силами частѣйше предпринимали противъ тѣхъ варваровъ военныи походы, щобы освободити свою землю отъ ихъ опустошающихъ нападовъ, нѣкоторыи же изъ князей съ поодинокими ханами заключали союзы противъ своихъ братей, або входили съ ними черезъ супружества въ родинный связи. Были времена, когда земля отъ Волги до восточныхъ границъ Угорщины были подъ властію Половцевъ. Доперва Татаре переломали ихъ силу. Шлецеръ говоритъ о тѣмъ дикомъ народѣ: Es waren Wilde, welchen Köcher mit Pfeilen angefüllt über die Schultern hangen, in der einen Hand führten sie den Bogen, in den andern die Streitaxt. Sie verfertigten

Лѣтопись розсказуетъ намъ, що нѣкоторыи князи подъ начальствомъ Великого князя Святослава III. предприняли были противъ того же варварского народа 1184. г. походъ, который былъ увѣнчанъ счастливымъ успѣхомъ. Половци были на берегахъ Угла или Орели розбиты; много изъ нихъ досталося въ неволю, а межи ними былъ и ханъ Кобякъ. Игорь, сынъ Святослава Ольговича Черниговского, который уже отъ давна имѣлъ сильное желаніе пойти „на поганыхъ“, съ причины слабости не могъ участвовати въ томъ походѣ. Коли же довѣдался, що Святославъ снова побилъ Половцевъ подъ ханомъ Кончакомъ (1. Марта 1185. г.), тогда не могло его уже ничого воздержати отъ похода, давно уже намѣренного. Еще того самого года собралъ онъ войско и безъ вѣдомости старшихъ и сильнѣйшихъ князей, отправился къ рѣцѣ Дону лишь съ трема другими Сѣверскими князьями: съ сыномъ своимъ Владиміромъ Путивльскимъ, съ братомъ Всеволодомъ Курскимъ, племенникомъ Святославомъ Ольговичемъ Рыльскимъ и помощнымъ войскомъ Черниговского князя Ярослава Всеволодовича. Сойшовшися съ Половцями рускіи войска остались побѣдителями; но потомъ, отрѣзаны отъ воды и окружены свѣжими толпами половецкими, были страшно побиты. Князи досталися въ неволю, изъ которой Игорь при помощи своего конюшого спасся бѣгствомъ; Владиміръ же оженился съ донькою хана Кончака, и вернулъ въ отчину по двохъ лѣтахъ разомъ съ Всеволодомъ.

Тотъ отже походъ Игоря „на поганыхъ за землю рускую“ прославляется въ Словѣ о Полку Игоревѣ.

Слово начинается объявленіемъ сочинителя, що онъ имѣетъ намѣреніе „старыми словесы“ — на ладъ старинныхъ пѣсень, опѣвающихъ подвиги героевъ — розсказати „трудную (скорбную) повѣсть по былинамъ своего времени — по исторической дѣйствительности, а не такъ якъ дѣлалъ вѣщій Боянъ, который въ своихъ пѣсняхъ дѣйствительность любилъ украшати баснословными вымыслами. Затѣмъ изображается характеръ Игоря,

Kähne aus zusammengenähten Thierhäuten und schwammen so, an den Schweif der Pferde sich haltend, die gleichsam als Segel dienten, über die breitesten Flüsse. Zur Nahrung diente das rohe Fleisch wilder Thiere, Wölfe und Füchse. Sie verschluckten Hamster und Mäuse, tranken hiezu das Blut der Thiere und gegohrene Stutenmilch“ (кумыз). Sp. die Völker des südlichen Rußlands von Karl Friedrich Neumann, Leipzig 1855. S. 133.

героя пѣсни. Затмѣніе солнця предвѣщаетъ князю неудачу предпринятія; но онъ не уважаючи на то, хочетъ „преломити копіе“ съ Половцями, и заохочаетъ къ тому свою дружину. Въ Путивлѣ ждетъ онъ еще своего брата Буй-Тура*) Всеволода, по пришествію котораго князи отправляются въ походъ. Зловѣщіи знаки указуются имъ и теперь, но рускія полки ними не отстрашаются; они поступаютъ дальше, здыбуются съ Половцями и относятъ надъ ними славную побѣду. Слѣдуетъ описаніе второй битвы, которое пѣвецъ перерываетъ воспоминаніями о давныхъ вѣкахъ Трояновыхъ (Владиміровыхъ?), о счастливыхъ лѣтахъ Ярослава и о началѣ межиусобныхъ военъ, отъ которыхъ руская земля ослабѣла, такъ що Половцямъ не трудно было опустошати ю. — Пораженіе руского войска и взятіе Игоря въ неволю наполняетъ рускую землю смуткомъ, въ которомъ беретъ участіе и сама природа. „Трава никнетъ отъ жалости, а дерево отъ туги къ землѣ приклонилось.“. Святославъ Кіевскій видитъ „мутный, зловѣщій сонъ“; бояре толкуючи его Великому князю росповѣдаютъ ему о несчастью Игоря. Слѣдуетъ негодующій голосъ Святослава, а тутъ приходитъ вѣсть, що Половци уже напали на Ромны, городъ кн. Владиміра Глѣбовича. Затѣмъ взываются найсильнѣйшіи изъ современныхъ князей, щобы вступилися „за землю рѣскую, за раны Игоревы, бѣдного Святославича“; указуется на несчастья съ причины домашнихъ споровъ и пригадуется Изяславъ Полоцкій, который во время межиусобій одинъ провадилъ войну не съ братьями, но съ внѣшними ворогами**). Голосъ той перерывается плачемъ Ярославны (Евфросиніи), доньки Галицкого кн. Ярослава Осмомысла, а жены Игоря, которая осталася была въ Путивлѣ. Природа сочувствуетъ тому плачу: Игорь утѣкаетъ изъ неволи. Половецкіи ханы (Гзакъ и Кончакъ) женутъ въ слѣдъ за нимъ; но онъ счастливо достигаетъ своей отчины. „Солнце свѣтится на небесѣ; Игорь князь въ рѣской земли.... Страны ради, гради весели,“ восклицаетъ пѣвецъ, „пѣти слава Игорю Святославичю“! хоть не за побѣду, то за тое, що онъ имѣлъ сильную волю побѣдити вороговъ и предпринялъ походъ противъ Половцевъ, а не противъ братьевъ.

---

*) т. е. отважного и сильного якъ дикій волъ.

**) „Единъ же Изяславъ позвони своими острыми мечи о шеломы Литовскыя.“

109

Прекрасныи поетическіи образы, удачныи картины природы, превосходна сила выраженія, искренняя любовь къ отчинѣ — надаютъ той пѣсни много прелести и суть способны тронути чувство и увлечи сердце не только Русина, но и каждого, кто ю розумѣетъ. Для того то она найшла многихъ любителей не только межи рускими, но и межи просвѣщенными людьми другихъ славянскихъ и неславянскихъ народовъ. Даровитыи мужи розличныхъ народностей посвящали и посвящаютъ свои труды на переводы и поясненія той пѣсни.

Кто былъ сочинителемъ „Слова о Полку Игоревѣ“ не знаемъ по имени, однакъ изъ самойпѣсни можна о его личности сказати:

1) Що сочинитель былъ человѣкъ свѣтскій; ибо въ пѣсни находятся воспоминанія о давныхъ языческихъ богахъ и повѣріяхъ народныхъ, якихъ певно было бы не допустилося въ своемъ сочиненію лице духовное. 2). Онъ былъ мужъ начитанный; представляетъ бо все изъ минувшого времени согласно съ лѣтописями. 3) Выраженія находящіися въ „Словѣ“: „начати же ся тъй пѣсни по былинамъ сего времени, — почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря“ и дальше прямыи возванія къ тогдашнимъ князьямъ, (а межи ними къ Ярославу Осмомыслу, умершому уже 1187. г.) и наконецъ цѣлое представленіе событія якъ бы наочнымъ свидѣтелемъ, голосно промовляютъ за тѣмъ, що сочинитель пѣсни жилъ ровновременно съ Игоремъ, и що онъ уложилъ ю въ коротцѣ за самымъ событіемъ, вѣроятно еще передъ 1187. г. 4). Вѣрныи картины природы южной Руси, образы и выраженія въ пѣсни, находящіися и до нынѣ въ тѣхъ сторонахъ, где были Сѣверскіи княжества, позволяютъ намъ домышлятися, що пѣвецъ походилъ изъ южной Руси и жилъ вѣроятно въ княжествахъ Сѣверскихъ, а можетъ быти въ самомъ Новгородѣ Сѣверскомъ.

И сей дорогоцѣнный памятникъ старинной нашой поезіи дойшолъ до насъ не въ подлиннику, а лишь въ одномъ сборнику, писанномъ при конци XIV. или на початку XV. вѣка; но и той сборникъ сгорѣлъ въ Москвѣ 1812 г. и теперь изданіе „Слова о полку Игоревѣ“ Мусинъ-Пушкина и Малиновского (Москва 1800). заступаетъ утраченную рукопись. При такихъ обстоятельствахъ трудно намъ що положительное сказати о первобытномъ языцѣ нашой пѣсни, бо мы знаемъ, що переписователи въ каждомъ сочиненію дѣлали языковыи измѣны въ корысть свого власного, розговорного языка; до того и помянутое изданіе Московское не было съ всѣмъ вѣрное и точное. Можна предположити, що уже въ

подлиннику „Слова,“ яко сочиненія свѣтского, вымагающого словъ и формъ языка жіющого въ народѣ, языкъ рускій имѣлъ значную перевагу надъ церковнымъ.

Слово Даніила Заточника.

Изъ конца XII. вѣка имѣемъ мы еще одинъ памятникъ свѣтской письменности. Есть то Слово або Моленіе якого-то Даніила, заточенного на озеро Лаче*), написанное нимъ къ своему князю въ цѣли полученія отъ него милости и прощенія своей провины.

Оно состоитъ изъ розсужденій о розличныхъ норовственныхъ предметахъ, на пр. о умѣ и глупости, о добрыхъ и злыхъ владѣтеляхъ, о мудрыхъ и глупыхъ „думцяхъ“ (совѣтникахъ), о добрыхъ и злыхъ женахъ и др. Мысли высказуются въ формѣ народныхъ притчъ и пословицъ въ соединеню съ изреченіями св. Писанія, св. Отцевъ и древнихъ греческихъ мудрцевъ, выписанными изъ „Пчелы“ т. е. переведеного греческого сборника, который мѣститъ въ собѣ такіи же изреченія уложены по предметамъ. Тіи изреченія и народныи поговорки, имѣючи всегда и всюда свое значеніе, и то шутливый то серіозный и печальный тонъ Моленія припали до сердця тогдошнему читающому кругу. Оно часто переписовалось и переоблялося, и тому дойшло до насъ въ розличныхъ видахъ, розличныхъ редакціяхъ, межи которыми головныи двѣ: одна изъ XII. другая изъ XIII. вѣка**).

Къ которому князю именно написано было „Слово“ Даніломъ, до нынѣ еще не вполнѣ розъяснено. По редакціи XII. в. удается Заточникъ съ своимъ прошеніемъ къ „сыну Великаго князя Владиміра,“ подъ которымъ одни розумѣютъ Ярослава Владиміровича (сына Владиміра Мстиславича) княжившого въ Новгородѣ съ нѣкоторыми перерывами отъ 1182—1199 г, другіи же Юрія Долгорукого, иныи снова Андрея Переяславского. Въ редакціи же изъ XIII. в. сказано: „Возглаголемъ къ господинѣ своемъ всемилостивомъ князю Ярославѣ Всеволодовичю.“

Межи памятниками XII. в. належитъ намъ вспомнути еще о грамотѣ, которую выдалъ Мстиславъ Владиміровичъ Кіевскій

*) Въ теперѣшней Олонецкой губерніи въ Россіи.

**) Первая сохранилась въ рукописи изъ XVI—XVII. в. вторая же въ списку XV. в.

Новгородскому Юрьеву монастырю межи 1128—1132 г. Тая грамота межи всѣми, сохранившимися въ подлиннику, найдавнѣйша, и достойна нашой уваги особенно съ взгляда на свой языкъ и правопись. — Кромѣ Мстиславовой грамоты дойшла до насъ еще грамота отъ его сына Всеволода Мстиславича, кн. Новгородского, данная 1134—1135 г. церкви св. Іоанна Предитечи въ Новгородѣ.

ВѢКЪ XIII.

(До пришествія Татаръ).

Изъ церковныхъ книгъ отъ того времени знаны намъ:

Евангеліе, писанное въ Новгородѣ попомъ Домкою межи лѣтами 1215—1230.

Апостолъ съ поясненіями, писанный около 1220 г.

Тріодь.

При безпрерывныхъ походахъ противъ внѣшнихъ вороговъ и войнахъ межиусобныхъ образованность и теперь сосредоточивалася преимущественно въ кругѣ духовенства и отъ того розливалася на другіи клясы народа разомъ съ проповѣдію Слова Божого.

Писателями являются самыи духовныи. По той причинѣ характеръ письменности исключно духовный.

Монастырь Кіевопечерскій выдавалъ и теперь съ-посреди своихъ стѣнъ просвѣщенныхъ людей, которыи прославилися своими письменными твореніями. Такими были Симеонъ, отъ 1215 г. Епископъ (первый) Суздальскій и Владимірскій и его ученикъ и сродникъ — Печерскій монахъ Поликарпъ.

Поликарпа желали два монастыри имѣти своимъ игуменомъ; княгиня Верху слава, внука Андрея Боголюбского, старалася его возвести на епископскую каѳедру въ Новгородѣ, Смоленску или Юрьевѣ; братъ же Верхуславы, Юрій Долгорукій хотѣлъ его поставити намѣстникомъ реченного епископа Симеона въ Владимірѣ. Предложеніе такъ многихъ достоинствъ возбудило гордость въ Поликарпѣ; онъ уже не хотѣлъ повиноватися своему игумену Акиндину, и пересталъ въ опредѣленныи часы приходити на Богослуженіе. Довѣдавшися о томъ Симеонъ, написалъ Поликарпу „Посланіе“, въ которомъ краснорѣчиво и ярко рисуетъ проступки его противъ монастырского Устава; выхваляетъ монастырь Печерскій и вычисляетъ епископовъ, которыхъ тая обитель дала рускои землѣ; наконецъ, щобы тѣмъ сильнѣйше подѣйствовати на Поликарпа примѣрами, святитель заключаетъ свое Посланіе рядомъ житьеписей Свя-

тыхъ Печерскихъ, изъ которыхъ онъ о однихъ говоритъ яко очевидецъ, о другихъ свидѣтельствуетъ отчасти изъ розсказовъ очевидцевъ, отчасти же изъ преданій, сохранившихся въ Печерскомъ монастырѣ. Въ томъ Посланію находится также Сказаніе о созданіи Печерской Церкви пресв. Богородици.

Посланіе Симеона подѣйствовало на Поликарпа. Онъ отправился къ своему учителю въ Суздаль, и по нѣякомъ времени вернулъ въ Печерскую лавру, покорившися своему игумену. Перебываючи въ Суздалѣ, Поликарпъ написалъ Акиндину „Посланіе“, въ которомъ помѣстилъ житьеписи еще другихъ Печерскихъ угодниковъ, которыхъ былъ поминулъ Симеонъ. Источниками къ тому служили ему устныи розсказы Симеона и лѣтопись. На одномъ мѣстци ссылается онъ и на лѣтопись польскую.*)

Житьеписи Симеона и Поликарпа, дополнены сказаніями Нестора, послужили основаніемъ Печерскому Патерику (Отечинку).

Изъ житьеписей переведенныхъ сохранилось отъ того времени „житіе Нифонта Константиноградскаго“ въ рукописи изъ 1219 г.

Въ то самое время, коли жилъ Поликарпъ, былъ митрополитомъ на Руси ревный и ученый Кириллъ I. (1224—1233).

Онъ, хотя родомъ Грекъ, принималъ живое участіе въ судьбѣ руской земли; видячи несчастья, якіи наносили споры и безпорядки, часто посѣщалъ свою духовную паству и всѣми силами старался примиряти князей межи собою. Ему приписуютъ сочиненіе „Поученія къ крестяномъ“ (христіянамъ), сохранившогося въ „Златой Цѣпи“ — сборника писанного въ XIII. в. Желаючи, щобы былъ миръ межи всѣми, миролюбивый архипастырь духовный учитъ въ своемъ поученію, якъ обходитися съ другими людьми, щобы не дати повода къ спору и гнѣву; не опускаетъ онъ безъ взгляда и домашнихъ слугъ. Онъ наказуетъ „челядь свою одѣвати, обувати и кормити до сыти“, и то кормити не только хлѣбомъ, но и ученіемъ, которое должно быти не только ласкою, но если будетъ потреба, и „лозою“; однако послѣднее не имѣетъ въ ніякомъ случаи перевысшати 30 ранъ (ударовъ),

Современный митрополиту Кириллу Архіепископъ Новгородскій Антоній, (называвшійся передъ вступленіемъ въ монастырь Добрыня Адренковичь), лишилъ намъ описаніе своего путешествія въ Царьгородъ, которое онъ предпринялъ около 1220 г. въ набожной цѣли.

*) Польская хроника писалася тогда въ языцѣ латинскомъ.

Около того же 1220 г. умеръ въ Смоленску чернецъ именемъ Авраамій, о которомъ говоритъ его ученикъ Ефремъ въ описаніи его жизни, що онъ былъ мужъ „зѣло книженъ“— и що умѣлъ въ такій способъ толковати писаніе, що люди всякого возроста его понимали. Изъ письменныхъ твореній того ученого монаха не дойшло до насъ ничого.

Лѣтописи.

Въ Кіевѣ лѣтопись Нестора продолжалась дальше. По примѣру Нестора описуютъ уже и въ другихъ мѣстахъ: споры князей, войны внѣшніи, дѣла церковныи, незвычайныи явленія природы и т. д. Такимъ образомъ возникаютъ въ поодинокихъ княжествахъ свои мѣстныи лѣтописи. Велася лѣтопись въ Новгородѣ, Переяславлю, Ростовѣ, Суздали, мало позднѣйше въ Галичи и Псковѣ. На погибшую лѣтопись Ростовскую ссылается Симеонъ Суздальскій въ своемъ посланію въ Поликарпу.*)

Лѣтопись Новгородская мѣститъ въ собѣ короткій розсказъ о событіяхъ всей Руси; доперва отъ 1137 года оповѣдаетъ она подробно событія Новгородскіи. Изъ ей списователей знаемъ мы по имени Тимоѳея пономаря, который подъ годомъ 1230, описуючи погребеніе игумена Саввы, споминаетъ о собѣ мовлячи: „А дай Богъ его св. молитву всѣмъ христіяномъ и мнѣ грѣшному Тимоѳею пономарю.“ Въ той лѣтописи находится также повѣсть о взятію Царьгорода крестоносцями (1204 г.), внесена изъ иностороннихъ источниковъ.

Лѣтописецъ Суздальскій звертаетъ свою увагу особенно на событія въ княжествѣ Суздальскомъ и сѣверо-восточной Руси. Розсказъ его сухій и вялый, не найдемъ у него красоты и живости Несторового розсказа.

Увага. Лѣтописи Галицкой или Волынской приглянемся позднѣйше.

Изъ грамотъ писанныхъ въ первой половинѣ XIII. в. сохранилася въ подлиннику: Договорная грамота Смоленского князя Мстислава Давидовича съ городомъ Ригою и готскимъ (балтійскимъ) берегомъ отъ 1228. г. Тая грамота содержаніемъ своимъ указуетъ намъ, въ якихъ сношеніяхъ были рускіи торговыи го-

*) „Ище хощеши всѣ оувѣдати, почти лѣтописца стараго ростовьскаго.“

роды съ такими же городами нѣмецкими, и кромѣ того она важна въ исторіи рускаго языка своими граматичными формами.

Чѣмъ больше приближаемся къ половинѣ XIII. вѣка, тѣмъ сильнѣйше поражаетъ насъ безплодіе на поли нашой письменности. Причиною того безплодія была несчастная доля, которая постигла рускую землю въ томъ времени. Изъ далекихъ Азіятскихъ степовъ двигнулася на Русь, якъ густая непрозримая хмара всеопустошащой шаранчи, дикая орда татарская, поразила надъ Калкою 1224 г. половецкіи и рускіи войска, выйшовшіи ей на встрѣчу подъ начальствомъ Галицкого князя Мстислава Удалого*), а 1238 г. вложила свое тяжкое иго на сѣверо-восточныи княжества рускіи, которое угнетаючи ихъ сверхъ 200 лѣтъ, измѣнило имъ видъ, внесло новыи понятія въ жизнь общественну и умственну. Въ два лѣта по покоренію сѣверовосточной Руси 1240 года — Татаре подъ предводительствомъ Батыя розбурили старинный Кіевъ, окрасу и свѣтило руской земли, опустошили Волынь и Галицію, такъ що по ихъ удаленію надъ рѣку Волгу, земля ровналася страшной руинѣ. Цвѣтущіи городы (межи ними Галичъ и Перемышль) лежали въ розвалинахъ, изъ которыхъ многіи уже больше не поднеслися, красныи села спопелѣли, роскошныи поля лежали отлогомъ. Безчисленное множество народа погибло подъ мечемъ лютыхъ варваровъ, або найшло свою смерть въ поломени своихъ жилищъ, а множество дикая Татарва погнала на арканахъ (долгихъ мотузахъ) далеко въ ясырь (неволю) собѣ на услугу, остальныи же скрывались по лѣсахъ, вертепахъ и горахъ, або хоронились за багнами та мочарами и не скоро верталися до своихъ згарищъ.

Въ то самое время, коли Батый громилъ южную Русь, княжества западной Руси (Новгородское, Полоцкое, Псковское, Смоленское) были принуждены отпирати напады Шведовъ, Литвы и Ливонского ордена Меченосцевъ.

При такомъ загальномъ несчастью, при такъ тяжкихъ ударахъ умственная дѣятельность не могла ніякихъ дѣлати успѣховъ; она перестаетъ. Трудно бо было передаватись занятіямъ умственнымъ, всегда требующимъ покоя, коли всюда непокой и трепетъ, коли кругомъ опустошенія и пролитія крови.

Мы видѣли, що сѣмена греческого просвѣщенія, засѣяны на руской нивѣ разомъ съ свѣтомъ христіянской вѣры, принялися и

*) Мстиславъ Удалый княжилъ до 1219 г. въ Новгородѣ, потомъ отъ 1219—1227 въ Галичи. Его старшая донька Марія была за Даніломъ, молодшая же, также Марія, за угорскимъ королевичемъ Андреемъ.

112

взойшли роскошно, начали подростати и розростатися въ различныи вѣтви; Русь имѣла уже своихъ духовныхъ проповѣдниковъ, которыи ясно и краснорѣчиво умѣли промовити до сердця и ума, имѣла своихъ законодателей, своихъ историковъ и поетовъ, которыхъ твореніями она днесь насмѣло можетъ повеличатись; а имѣла ихъ уже тогда, коли не одинъ изъ тѣхъ народовъ, которыи нынѣ могутъ похвалитися значительнымъ богатствомъ своей литературы, не имѣлъ ни одного дѣла написанного въ своемъ языцѣ. Нѣтъ сомнѣнія, що образованность у насъ была бы достигнула высокой степени и литература была бы розвилась самостоятельно, если бы Всевышній далъ былъ Руси счастлившую долю. Однако Его Провидѣнію иначе было угодно. Неизслѣдимы суть совѣты Божіи!

Онуфрій Лецкій.

По що шо орати? по що гноити землю?

На тіи вопросы отвѣтъ не легкій; ибо абы ихъ докладнѣйше поняти, нужно съ всею природою, съ ей ладомъ и съ ей хотяй гдекоторыми силами ознакомитися. Отже що-до вопроса первого.

Не многіи тварі Божіи на земли уже совершенно живыи на сей свѣтъ приходятъ, якъ: человѣкъ и тіи существа, которы у грудей матери своей первый кормъ получаютъ; прочіи же вси, отъ найбольшого до найменьшого, безъ ніякой познаки житья, едино въ яечкахъ тутъ являются, а изъ тѣхъ доперва теплотою материнского тѣла, либо теплотою все оживающого солнца выгрѣты, оживлены выдобываются.

Такъ приходятъ на свѣтъ сей всякіи птици, ужи, ящерки, жабы, слимаки, рыбы, раки, многородныи хрущи и безчисленныи овады, мухи, комары, муравли, пауки и пр.

Премудрость Божа все тое такъ устроила, щобы ни одинъ родъ тварей Его не загнибъ, но множился и возрасталъ. Найсильнѣйше въ томъ взглядѣ дѣйствуе любовь матерей и отцевъ къ плоду своему. Тая любовь у гденѣкоторыхъ есть такъ жарка, такъ превелика, що перевышае неразъ самъ горячѣйшій напоръ до жизни своей собственной; не одна бо тутъ матка охотню гине

для охороны плода своего, самоохотно умирае, абы тамтому жизнь забеспечити.

Родичи премногихъ тварей Божихъ еще передъ пришествіемъ на сей свѣтъ плода своего много уже о немъ печалятся. Найвидочнѣйше явствуе тое у всякой птици, якъ то она уже попередно гнѣздочко увивае, устеляе! Къ сложенію въ немъ яечокъ своихъ, къ огрѣванью ихъ и отулюванью изъ нихъ выклюватися имѣющого дробненького племени своего. Гнѣздочки тоти суть по большой части такъ искусно основаны, крѣпко устроены и уладжены, що умъ человѣческій неразъ чудуеся. А розличны птички розлично въ розличныхъ мѣстцяхъ дѣлаютъ собѣ гнѣздочка; то на найвысшихъ вершочкахъ, якъ бы до небесъ сягающой деревины, то посередъ низонького корчика при земли самой, инша посередъ невеличкой травици на чистомъ полю, инша на лузѣ межи розцвилыми цвѣтками, инша снова на высокихъ вежахъ, въ стрѣсѣ и подъ стрѣхою обиталищъ человѣка, якъ бы тутъ у него искала плоду своему покрова, а инша въ ущельяхъ и берегахъ з мныхъ и ей пропастяхъ и т. п. А все то тое по премудрости самого Творца Бога, о всѣ твари свои искренно печалівого Отца, въ судахъ своихъ непонятного. Тому то тѣмъ болезнѣйше погадати: сколько то рука нерозумной дитины, пакостного хлопця, а часто и дорослого, но дикостію затьменного, ошеломѣлого человѣка гнѣздочка бѣдной птички, безсильной а невинной, лукаво нивечитъ, яечка тамъ сложенныи безпотребно забирае а даже живый уже плодъ ей безмысленно и безпощадно губитъ! Тое все есть противъ отвѣчнымъ законамъ въ премудрости непостижимого всего-строителя и питателя Отца небесного. Онъ поставилъ человѣка яко верховника надъ прочими своими тварями, якъ бы имъ на стражи въ оборону, будьто на мѣстце себе самого; но никогда на то, абы имъ пакости дѣлати, безмысленно губити! А по святѣйшему Его всюда присутствію и всевѣдѣнію, не можна допустити, щобы Онъ не бачилъ тяженькой кривды невинной птички, котору самъ щоденно кормитъ-питае. Онъ яко найсправедлившій не може безкарно пустити тѣхъ, которыи предерзостно, якъ бы на перекоръ ему, дѣло рукъ Его безсовѣстно нивечатъ.

Але уже часъ повернути до гнѣздочокъ не самой птички, но и прочихъ существъ Божихъ на земли, приходящихъ на свѣтъ сей въ яечкахъ безъ всякого знаменія жизни. И тіи повиннующіися предвѣчнымъ законамъ въ премудрости не изслѣдимого а въ добротѣ неистощимого жизниподателя Бога, дѣлаютъ такожь ведля

113

складанья, выгрѣванья и оживленья плода своего по можности своей, по большой части искусныи гнѣздочка. Такіи устрояе слимакъ и хрущъ всякого рода въ земли. Здавалося бы, що такъ первый, якъ и другій не посѣдае нужныхъ орудій до здѣланья для яечокъ своихъ отвѣтного гнѣздочка; а однако, устрояютъ они гнѣздочка свои такъ искусно, що не може бачити таковыи безъ удивленія. Пчела робитъ плоду своему искуснѣйшіи коморки съ вощины. Паукъ складае яечка свои въ искусномъ гнѣздочку съ паутинъ основанномъ; гденѣкоторыи роды его въ гнѣзочку, величиною своею перевысшающомъ его самого, а куда повернеся онъ, носитъ тое на собѣ, або двигае за собою. Трудолюбивый моравель сноситъ на гнѣздо ради яечокъ своихъ великіи купины земли и много другихъ вещей. Ужи и ящерки складаютъ яечка свои въ такихъ мѣстцяхъ, где бы плодъ ихъ лучи солнца либо грѣющій гной въ достаточномъ степени тепла къ выгрѣянью его и возбужденію житія прислуговалися. Мотыли въ цѣли складанья яечокъ своихъ добираютъ мѣстця, где бы изъ нихъ и плодъ ихъ живый выклювался и заразомъ вскорѣ находилъ кормъ для себе необходимый, яко: на галузкахъ и въ шпаркахъ коры дерева, подъ листьями и на листьяхъ ростѣній на кормъ ему придатныхъ. Гденѣкоторыи снова тоти прекрасныи, веселенькіи цвѣтокъ подруги, складаютъ яечка свои уже ажь во время сближающойся холоднѣйшой осени, а изъ тѣхъ доперва по прошедшой зимѣ слѣдующой весны молоденькій плодъ вылазитъ. Придивитися тому, що то тогда тіи цвѣтокъ любовники къ охоронѣ плода своего противъ лютымъ зимы морозамъ и всякимъ непогодамъ не дѣлаютъ? то истинно умъ человѣка въ удивленію укоряеся, а сердце, хотя бы каменное, мягчится. Гденѣкоторыи бо, обсновуютъ яечка свои, якъ бы теплымъ кожухомъ, густо сбитыми паутинами, которыхъ ни мартова шаруга не просякне, ни ніяка буря не протне, ни сорвати въ силѣ. Иншіи ховаютъ ихъ по-за скалубинами деревъ, якъ бы за доброю загатою, а иншіи, абы охоронити певнѣйше отъ зимовой стружи, надъ всѣ матери всѣхъ тварей Божихъ печальнѣйшіи, закрываютъ ихъ всѣмъ тѣломъ своимъ, тратятъ жизнь собственну, абы спасти, статися покровомъ противъ непріязненнымъ стихіямъ, еще въ зародѣ умилованного племени своего. Мухи всякого рода несутъ такожь яечка, а изъ тѣхъ доперва въ коротшомъ або долшомъ времени молоденькіи вылазятъ. И тіи, якъ всѣ попередніи, знаютъ где снайти и устроити гнѣздочко яечкамъ своимъ, абы возбудити и забеспечити жизнь дробненькому плоду своему.

Мухъ и прочихъ, такъ зовимыхъ насѣкомыхъ, найбольше число родовъ обрѣтается; изъ нихъ премногіи, що не мало удивительно, складаютъ въ тѣлахъ иншихъ тварей Божихъ нечка свои; гдеякоторыи же несутся межи шерстію звѣрятъ; тутъ выклюваны, окомъ человѣка недозримыи робачки въѣдаются въ кожу звѣрятъ тѣхъ, тамъ выростаютъ, якъ бы въ материнской утробѣ а совершенно виросшіи вылѣтаютъ отъ туда воздухъ въ Божій и бренятъ полнотою жизни своей. Иншіи въ самыхъ внутренностяхъ звѣрей вылягаются; иншіи въ листочкахъ деревъ розличного рода безчисленно изъ положенныхъ тамъ нечокъ вылѣтаютъ; многіи же уже въ заледво розцвилыхъ цвѣточкахъ розличныхъ деревъ овощныхъ и въ цвѣтѣ прочихъ ростѣній киненны, тамъ изъ недозримого нечка выклюваются, въ завязующихся изъ цвѣтовъ овощахъ, разомъ на счетъ ихъ соками тѣхъ годуются, возрастаютъ и до совершенного приходятъ житья. Природоиспытатели вѣдаютъ, що многіи мушви, якъ и наприкренный намъ въ лѣтѣ комаръ, и м. и. въ болотахъ и калужахъ водныхъ изъ сложенныхъ тамъ нечокъ вылазятъ и отъ туда возлѣтаютъ цѣлыми роями.

А кромѣ звѣрей, птицъ и прочихъ тугъ по части изчисленныхъ тварей Божихъ не множится, не живетъ уже ничого больше на семъ свѣтѣ? О, живетъ и безчисленно розмножуеся. А такой изъ нечокъ, яко: всѣ дерева лѣсовъ и садовины, всѣ сбожья, изъ которыхъ хлѣбъ насущный поживаемъ, всѣ травы, зелія и вси прочіи плоды земли. А суть же они живы? Суть всѣ безъ изъятія живы, а якъ многіи дерева, даже дуже долгожизныи. Инакше не росли бы, не розцвиталися бы, не умножали, не болѣли, не усыхали — не умирали. Они всѣ, якъ уже сказано, такъ якъ прочін попередно изчисленныи, такожь изъ нечокъ множатся, а то по отвѣчнымъ законамъ въ премудрости и силѣ недостижимого Сотворителя неба и земли. Нечка тіи суть то ихъ насѣнныи зернятки, а изъ тѣхъ нечокъ выклюваютъ — выкольчуются молоденькіи ихъ плоды. Такими то нечками суть зерна гороху, проса, пшеници, жита, ячменю и всѣ прочіи всѣхъ ростѣній насѣянны зерна. Тіи нечка такъ, якъ всѣ прочіи, абы выклювалися — выкольчили, не отзовно требуютъ соотвѣтныхъ природѣ своей гнѣздочокъ. Природа, тая то о всѣ свои плоды премного дбалая мати, не залишила и тутъ всякому существу въ множенью и въ возрастанію дѣлательной помощи приносити, она все нужное въ цѣли той мудрѣйше устроила. Дозрѣлыи нечка, насѣнныи зерна деревъ, поспаданныи въ слѣдствіе тяжкости своей на землю, прикрываютъ родичей ихъ густо пороненныи листочки, охороняютъ ихъ не только отъ надмѣрной не разъ стужи, але и выгоды творятъ имъ къ выклюванью гнѣздочка, а нечка всякого сбожья и прочихъ ростѣній прикрывае, подобно на землю доставшіися, все тѣло, яко: гать, солома, — материнское. Такъ уже у гдеякоторыхъ родовъ мотылей мы бачили. Но человѣкъ завладѣлъ всею природою, якъ тое въ розвязываньо второго нашего вопроса ширше окаже ся, забажалъ все на земли въ корысть свою обертати, забралъ подъ правленіе свое премного, забралъ межи прочими и нечка такъ зовимыхъ сбожей, а безчисленными корыстями тѣхъ веденный, на найширшій розмѣръ розмножати ихъ собѣ на свою руку усиловался, такъ що уже гнѣздочка природою обмышляны имъ, оказалися недостаточными, то человѣкъ подбалъ самъ таковыи дѣлати. Изобрѣлъ онъ плугъ и борону и прочіи иншіи ко осягненью цѣли той нужныи орудія. Плугъ орючи и борона роздроблюючи святую землю, устрояе нечкамъ сбожей къ росплоду и умноженію ихъ нужныи гнѣздочка. Але чѣмъ гнѣздочка тіи лѣпше, отвѣтнѣйше цѣли своей уладятся, тѣмъ и въ гнѣздочка сложенныи нечка сбожья нашого, борше и лѣпше выкольчатся, лѣпше и скорѣйше возрастаютъ и большій полонъ приносятъ. А изъ того уже видно, по що орати землю? Але на що ю гноити?

Все живущое на земли отвѣтнымъ природѣ своей живится кормомъ. Безъ нужного корму ніяка тварь Божа на земли али рости, ани множитися, словомъ: жити не може. Земля и окружающій ю воздухъ суть загальнымъ кормомъ всего живущого; они суть единыи жерела всякого корму всякому живущому тутъ; вода бо сложена едино съ воздушныхъ частей. Кромъ тѣхъ источниковъ корму нѣтъ уже иныхъ. Но якъ розличныи живущіи существа переполняютъ землю и воздухъ, такъ меньше або больше розличною въ складѣ своемъ и въ розличный способъ кормятся они изъ жерелъ тѣхъ общою собѣ стравою, такой въ значной мѣрѣ изъ однихъ, другихъ ради, сложенною.

По той причинѣ, всѣ живущіи существа на земли суть уже отъ самой природы на двѣ головныи роздѣлены части. Одну такую часть составляютъ всѣ твари земскіи, обдарены свободно довольнымъ изъ мѣстця на мѣстце рухомъ, яко: человѣкъ всѣ звѣри, птици, амфибіи и всѣ насѣкомыи. А другу часть складаютъ всѣ живущіи существа земскіи неимѣющіи той свободы; тіи суть до мѣстця, где проживаютъ, приросли, якъ бы прикованы, яко: всѣ дерева, сбожья, травы, зелія и т. п.

Тіи послѣдніи кормятся землею и воздухомъ впростъ, не посредственно, а первыи уже единственно самымъ воздухомъ безъ посредственно, а въ прочемъ посредственно, т. е. они кормятся, уже разъ землею и воздухомъ безпосредственно выкормленными существами. Но не конецъ на томъ; тутъ суть еще и такіи существа, що единственно разъ переробленною стравою незадоволяются; они два и больше разъ переробленного бажаютъ корму. Тіи именуются мясожерчіи. А человѣкъ надъ всѣхъ пожирливѣйшій: онъ споживае ростѣнія и росплодъ ихъ. Споживае деревъ розличныхъ овощи; споживае пчелою на цвѣткахъ ростѣній узбиранныи соки; споживае вола и овцю; ѣсть солонину, птицю и рибы, ба и земныи плѣсни-губы, и премного больше иного, що тяжко бы почислити, а даже не однъ споживае що-то такого, що дивящомуся на тое другому, такой може и справедливо, робится гидко.

Изъ повыспого подѣла всѣхъ существъ Божихъ на земли видко, що не требуютъ всѣ они искати собѣ нужного корму; неимѣющимъ бо свободы изъ мѣстця переходити, самъ кормъ къ захованью жизни необходимый, приплывае имъ отъ все окружающого воздуха, а изъ земли, въ которую вроспися, ссутъ якъ бы изъ материнской груди оживляющіи соки. Но имѣющимъ довольный рухъ изъ мѣстця на мѣстце скорше або повольнѣйше переходити не приходитъ кормъ нужный такъ легко; они его собѣ сами, кромѣ воздуха, искати суть принуждены. И не по иной кромѣ плодженіяся причинѣ, дана имъ свобода довольного руха; ибо безъ той свободы ніякъ бы имъ существовати.

При томъ всемъ заходитъ тутъ еще вопросъ не малой ваги: чи при безчисленности своей живущіи земскіи гвари, а еще яко премногіи не мало пожорливыи, не истреблятъ съ временемъ помянутыи жерела изъ всякихъ умѣщенныхъ тамъ имъ корму засобовъ? Нѣтъ никогда; ибо изъ земли и воздуха никогда и ничого и найменьше не пропадае. Не изглубимая премудрость Сотворителя, являеся намъ тутъ въ всей своей удивляющой насъ блестателности. Помимо реченного у гденѣкоторыхъ живущихъ существъ на земли довольного руху, есть еще рухъ всему живущому и неживущому помимовольный общій. Рухъ въ всей вселенной, рухъ въ безконечности найдробнѣйшихъ часточкахъ такъ земли, съ якихъ сложены, якъ и воздуха и всего на земли и въ воздусѣ существующого. Въ слѣдствіе того мимовольного руху недастся и найкоротша частинка времени погадати, где

бы що и найменьше на томъ самомъ единомъ постояло мѣстци; все безперестанно, вѣчно перетворюеся, вѣчно неперестанно порушаеся. Такимъ мимовольнымъ рухомъ есть круженіе крови у человѣка, прочихъ звѣрей и имъ подобныхъ, и круженіе соковъ въ деревахъ и ростѣніяхъ всякихъ; такимъ рухомъ есть отдѣляніе частей воздуха на кормъ существамъ служащихъ; такимъ рухомъ есть перетворюванье кормовъ и такимъ рухомъ есть неперестанное круженіе частей воздушныхъ и земныхъ отъ земли во высшіи верствы воздухи къ небесамъ и наповоротъ на землю. Всѣ тіи мимовольныи рухи суть вниманія нашего премного достойны; они по найбольшой части къ розвитію, къ поддерживанію общой жизни вымѣрены, а именно рухъ той послѣдній въ дѣятельности овой къ той цѣли, истинно удивительный; рухомъ тѣмъ премногіи части земли и воздуха изъ верствъ приземныхъ вознесены въ ростворы поднебесныи, тамъ якъ бы въ безмѣрномъ котлѣ, переваруютъ, перетворуются, абы тѣмъ пожиточнѣйшу до присвоенія животнымъ здѣлати страву, а рухъ воздушный, названный вѣтромъ, розноситъ пищу тутъ здѣланну по всей широтѣ земской алчущимъ ей дѣтямъ.

Однако изъ всего реченного не видко еще, щобъ ничого не пропадало изъ земли; тое во скорѣ увидимо. Естъ еще рухъ на земли, засудомъ отвѣчной премудрости изреченный: „Прахъ еси и въ прахъ извращаешися.“ И той рухъ всему живущому общій безперестанно дѣятельный, все изъ земли взятое повертае ей безъ изъятія совершенно, безъ найменьшого ущерба. Щося але касае воздуха, и тутъ такожъ неизглубимая премудрость Творца Бога здѣлала премного намъ удивительного.

Воздухъ, становляцій источникъ такожъ неисчерпаемый всему живущому на земли нужного корму, сложенъ съ головнѣйшихъ частей своихъ: съ квасороду, що-то всяку кислоту возбуждае, и азоту, що надае тугости всѣмъ живущимъ тѣламъ земскимъ. Всѣ твари, имѣющіи свободу довольного руху, втягаютъ въ себе нероздѣленный въ частяхъ своихъ воздухъ; они въ собѣ его роздѣляютъ: квасородъ оставляютъ, а же такъ скажу, кормятся нимъ, а азотъ вызѣваютъ. Но абы первого черезъ споживаніе не малѣло и воздухъ въ складѣ своемъ не измѣнялся, то супротивно все иное живущое, не одаренное вольностію свободного руху, ровно якъ первыи, втягаютъ въ себе не роздѣленный воздухъ, въ мѣстце же квасороду, задержуютъ въ собѣ азотъ, а первый яко не нужный, выдыхаютъ. И такъ, що однимъ непотребное, то другимъ неиз-

бѣжно нужное; они взаимно подаютъ то собѣ, а въ конецъ такъ, якъ земли все взятое, совершенно изворочаеся, такъ и тутъ ничого ни изменьшаеся; ибо все повертае на свое мѣстце. Не можь тутъ не воскликнути: Велій еси Господи! и чудна дѣла твоя!

Изъ выспе реченного здавалося бы явствовати, що Провидѣніе святое заосмотрило всѣ существа живущіи на земли всякимъ кормомъ такъ подостаткомъ, що не потребно никому и никогда въ помощь имъ приходити съ нужнымъ кормомъ. Но такъ не есть, помимо найменьшой вины Провидѣнія святого. Кромѣ помянутыхъ, довольныхъ и мимовольныхъ руховъ навести нужно еще одинъ мимозольный а другій рухъ довольный, ободва отъ всѣхъ попередно реченныхъ неизмѣримо величавѣйшіи.

Не конецъ тому, що все на земли безперестанно порушаеся: до того есть еще движенье земли въ цѣлости ей собственное; она порушаеся со всѣми своими существами живущими и не живущими со всѣми движеніями ихъ, въ около солнца, безчисленно отъ земли большого. А движенье тое отвѣчно поступающое, а въ бѣгу своемъ никогда въ одномъ отъ другого рока скорпое или повольнѣйпое, всегда однаково и единственно тою самою дорогою повсегда бѣгущое, а въ бѣгу своемъ такъ скорое, въ поровнанью чого, ничимъ есть летъ кули, хотябы и изъ найсильнѣйшой пушки выпущенной.

Земля наша, по изчисленію ученыхъ, добре дѣла того свѣдомыхъ людей, обѣгае въ около солнца въ 365 дняхъ и щось минутъ. Уже бы бѣгъ ей той былъ дуже скорымъ, если бы она по краю солнца, або въ маломъ отдаленію отъ него, бѣгъ свой усовершала; но земля отъ солнца отстоитъ дуже далеко. Ученыи въ томъ взглядѣ докладно и по истинѣ обчислили, що если бы млынскій камень низвергъ кто изъ солнца къ землѣ, то девятьдесять лѣтъ летѣти бы ему сюда нужно. А такій камень не летитъ лѣниво. Отже еще въ такой дали отъ солнца, въ около него, уже и такъ величины незмѣримой въ реченномъ времени обѣгае. Не извѣстно ми, чи поровновалъ кто той бѣгъ земли съ скоростію искры електричной, котора дротами телеграфовъ перебѣгае, со всею докладностію; но и отъ того скорого бѣгу, обѣгъ земли на около солнца чей и нескорѣйшій?

Кромѣ того удивительного бѣженія земли въ около солнца, кромѣ скорости искры електричной, существуе еще бѣгъ довольный о много скоршій; бѣгъ отъ всѣхъ бѣговъ реченныхъ, хотя бы разомъ совокупленныхъ, хотя бы и въ бѣгу взаимъ подпирающихся,

о, безконечно скорѣйшій! Тѣмъ бо рухомъ—не потреба едной днинки, одной годины, даже одной минуты, ледво времени одного мгновенія ока, обѣжится все бѣженіе земли около величавого солнца, перебѣгнеся всѣ ншіи найскорѣйшіи бѣженія всѣхъ намъ извѣстныхъ движеній. О! обѣжится съ ничимъ въ скорости своей несровнанною человѣка мыслію.

Тая сила мысли человѣка, не есть силою земными творами кормящогося его тѣла, изъ недостатку корма того ничтожно въ землю обертающогося. Сила тая не изъ утлого и немощного тѣла, она гдесь отъ инуды починае-родится; она бо надъ земскою силою дѣйствуе. Источникомъ силы той не есть кто ншій, якъ духъ человѣческій.

И силою своего духа подбилъ чоловѣкъ подъ власть свою все на земли живущое; затворилъ въ зелѣзную клѣть громкого льва, хищного тигра и лютую гіену; запрягъ сильного вола въ ярмо, быстрого коня похватилъ въ узды; велѣлъ трудолюбивой пчелѣ сносити собѣ солодкій медъ; изъ паутинъ дряхлого мотыля (шолковницы) уткалъ собѣ дорогіи ризы и безконечно здѣлалъ прочіи. Онъ овладѣлъ самыми стихіями; послушными собѣ здѣлалъ громовъ перуны; переплылъ со всѣми преисподними своими неизмѣрены и неизглубимыи океаны и переходитъ по нихъ якъ бы по суши; потужною силою водъ и вѣтру заступилъ утлыи свои физическіи силы; обнялъ всю пространь земли своею незначною жменею; безконечное время подѣлилъ на части и частинки и загосподствовалъ надъ временемъ, а всеуничтожающій огонь принудилъ въ розличный способъ служити собѣ. Онъ перемѣнилъ не въ одномъ порядокъ здѣланный надъ всемъ господствующою природою на всей земли на ладъ и строй свой собственный; онъ совокупилъ широкіи моря каналами; помѣрилъ всю пространь земли, якъ бы пядію; отвѣчныи багна замѣнилъ въ твердь суши; познижалъ высокіи горы; выровналъ глубокіи яруги и долины; многовѣчныи лѣсы поистреблялъ съ коренемъ; непроходимыи оживилъ пустынѣ и силою того своего духа надае руки въ пользу свою недвижимымъ тѣламъ. Онъ воистину покусился, бодай въ части изображати Того, который по не изслѣдимой премудрости и силѣ своей, здѣлалъ, уладилъ и удержуе всю вселенную.

Человѣкъ покусилъ, поважился на много, и въ многихъ предпринятіяхъ повелося ему по мысли величавого его духа; но не во всемъ и со всѣмъ удалося ему; але онъ тѣмъ не устрашенный, онъ премного постоянный, неразъ съ упрямостію такой все ему по своему хочеся.

Природа, премного дбалая и печаливая о все живущое на земли мати, кромѣ повысше реченного, во всемъ достатного дѣтемъ своимъ корму призначила, еще где найлѣпше розумѣла, кождому тутъ существу участь принадлежную найотвѣтнѣйше собственную, а уладила поверхню земли такъ, що всякая тварь Божа получила мѣстце тутъ пожаданное исключно. Але человѣкъ силою своего духа веденный, предерзостно на свой строй на земли ладитъ безперестанно, и ладъ его зродилъ про кормъ животныхъ премногіи замѣшательства. Онъ не конче вопрошае, где природа якому сотворенью ко пропитанію его предѣлъ означила; онъ не совсемъ бачно застановляеся, чи на предѣлѣ томъ существо, изъ иншого предѣла выкормитися довлѣе; онъ безъ взгляда на тое, едино що ему найкористнѣше видится, на свою руку, часто безъ порады матки природы, однимъ означенныи предѣлы забирае а другимъ предѣламъ удѣляе, явно съ немалымъ ущербомъ однихъ на мнимую корысть другихъ, у которыхъ собственной искае корысти.

Такъ забралъ онъ предѣлъ означенный скотинамъ и пчелѣ на пашу, нѣбы то ему неужиточну степь; такъ въ многихъ мѣстцяхъ, искоренилъ лѣсъ, а то все примѣстилъ до предѣловъ розличного сбожья. По той причинѣ дозналъ онъ въ недолгомъ времени не малой скорби. Скотина когдась буяющая на предѣлѣ своемъ свободно, прекрасно, по забранью ей того предѣла змарнѣла и що разъ больше уменьшалася; человѣкъ не могъ не постерегчи того; но онъ въ предпринятію своемъ не цофаемый, ибо и годѣ ему тутъ собою зопсованный, здѣланый ладъ природою направити. Онъ не лякаеся труда, здѣланну скорбь скотинѣ насиліемъ, вынадгородити ей искусностію; бере ю до себе, устрояе ей стайню, коситъ траву, робитъ сѣно, засѣвае конюшину, садитъ бураки и иншіи кормящіи землеплоды и изъ рукъ годуе ю. Подобно и съ пчелою дѣлае. Видитъ, засѣянны не въ предѣлахъ своихъ сбожья не удаются а наветъ и въ отвѣтныхъ собѣ засѣяны мѣстцяхъ, що разъ меньше приносятъ полону по причинѣ за премногого умноженія ихъ. Но онъ и тутъ, якъ бы тое направити, промышляе; слѣдитъ причины злого, находитъ ихъ, слѣдитъ за средствами, якими бы тое зло направити, и ровно якъ скотинѣ, допомагае сбожью засѣвомъ искуственнымъ, запомагае ролю нужнымъ ведля сбожья кормомъ, словомъ: гноитъ поле.

Гр. Савчинскій.

117

Поселство до Папежа Рымского Сикъста чешвертаго, отъ духовенства и княжатъ и пановъ рускихъ з Вильна,

рокъ ҂ѕо҃ѳ҃ѕ (1476) мѣсяца марта дї днѧ, черезъ посѣловъ въ томъже листѣ нижей меновныхъ.

Все во святыхъ и всесвятаго великаго Бога произволеніемъ дышучіе, сію епистолію послахомъ Вашей Святости.

Вселенскомъ Папе великомъ солнцъ всемирномъ светилникъ, церковнемъ свѣтъ, всесвятомъ и всенаисветешемъ отцъ отцемъ и всеначальнеишемъ пастыръ пастыремъ, блаженномъ Сикстъ святым вселенскиа Соборныа Апостолскиа Церкви, викарию наидостоинеишемъ во первыхъ; священныхъ чыноначалиа светлосиящемъ просвещеніемъ, невеснаго разума озареніа, священно начальнеишаго великаго свѣта, паче часно зрителныхъ херувимовъ, блистаяся умовиднымъ просвещеніемъ великаго ума, всенайпресветлейшаго к себе чыно образъ нося, единомъ точенъ отъ Серафимовъ. Пламеноблистаемыхъ свѣтокъ, чюдномномъ, и все светломъ Серафимъ, огнемъ божественнымъ разгараемъ, и многорачителнымъ желаніемъ всегда палимъ отъ божественныя любви, и паки во божественную любовъ, оу престола сущи славы вѣчнаго Бога трисватую емъ пѣснь приносяще о всехъ и за всѣа. И отъ него просвещаемъ и освещаемъ, во духовную благодать свершеннымъ просвещеніемъ всесветлога свѣта на всесвященіе душамъ всѣхъ, привлачыа желаніемъ любви паче к немъ в чюдныи его свѣтъ, еже есть непостижымъ всякомъ уму. И тако отъ него много просвещенъ бывъ всенапресветлейшимъ блистаніемъ свѣта. Паче всѣхъ священночыноначалии церковныхъ и прочымъ преподобнаа, и сущымъ подаваше свято божественною священноносною Святынею; комуждо по мѣры раздѣлиа духовнаа дарованиа, имымъ просвѣщеніе, кѣпноже всѣмъ конечное прощеніе, и совершенное благословение, во всѣа на всѧ церковныа чыны, начала же и власти, черезъ нихъже и во всѣческаа человическиа духи, и уумы, изливаа в нихъ изобилно свѣтъ благоразумиа къ просвещению ихъ душамъ, юже ти подасть многоразличнаа премудрость божиа, совершенною Святымъ пасти свою церъковь и избранное стадо своихъ словесныхъ овецъ, паче ти Господь самъ врѣчи а не человѣкъ.

Великии пастырь пастыремъ, пастыремъначалникъ, и всѣхъ священноначалѣхъ первенѣйшемъ свѣтъ, Церковномъ свѣтилникъ всемирномъ слонцъ, всѣхъ ходатаи израдна предположивъ къ ходатаю новаго завѣта Христова избравшаго тѧ всии радъ и чинъ, по благоволенїю хотения своего во образъ свои божественныи и святыи, и посажени тѧ на престолѣ великаго Рима, на седалицы святыхъ верховныхъ своихъ Апостолъ. Провѣщя слово истинное истиннаго Бога, возвещающы во всю вселенную, и въ концы ѣя спасение божые во свидителство всемъ хотящымъ вѣровати истинномъ сынъ божию. Подаи всимъ миръ и здравие и все спасенное благословенїе, силою подавъ ти отъ всемогъшаго Бога на спасение дшамъ. Такобо оугоденъ есть, во всимъ первосвятитель, по писанию, преподобенъ, незлобикъ, безскверненъ, благозгоденъ, всемъ милостивъ и отдѧченъ отъ грѣшникъ, нравомъ и жытиемъ, егоже порожденiемъ, ни отъ похоти мѫжескиа, ни отъ плоти ни отъ крови, но отъ самаго Бога Дхомъ свыше породивъшисѧ отъ просвещения славы великаго свѣта иже просвещаеть всякаго человѣка градѧщаго во миръ. И выше небесъ избранъ быкъ, отъ самаго того серафимскаго лика, иже всегда предстоаи оу престола славы великаго Бога и пресвѣтломъ величествию на небесѣхъ, по образъ сѣщемъ оуказанномъ имъ на горе святеи, святымъ сѫжитель и сѣни истинеи юже самъ Господь водрѧзи а не человѣкъ, иже можетъ приносити всегда жертвъ жывъ святъ и благозгодънъ Богъ, нетокмо о себѣ, но и о людскихъ невижествинхъ и грѣховъ, тако да бѫдеть приношение еже о словесныхъ овцахъ приятно Богъ и освещено дхомъ святымъ и истинною.

О великоначалнѣишыи всѣхъ святыхъ, отцемъ отче, тако великъ итако многоблаженъ еси неизреченною достонностию Бога, да кто отъ человѣкъ возможетъ изглаголати или изрещы предивныи достоиности и величествиа святынь твоихъ или оублажити Ти по достоянию святителство твое израдное, имже тѧ Господь Богъ самъ оублажилъ паче всѣхъ земныхъ сыновъ человѣческихъ, и самъ хотехъ сыновъ свѣта, славою и честию венчавъшы тѧ. Мню оубо тако много оублаженныи святителю божыи великии пастырь, вселенскии оучителю законоположенныи второи Моисею; паче Аарона прославленныи отъ Бога архиерею, самаго того превышыи чѫднаго Самѫила, новаго завѣта Христова въ немже лежатъ не скрижали каменны но самое тое слово божие живо написанно, и позлащенно Дхомъ светымъ во серцы

твоемъ святомъ вкорененно отъ Дха свата манною небесною, и воспитанно все скатѣишою и пречистою плотию и кровию агньца непорочнаго Христа избавителя всего мира: недремлющее церковное око, правителю новаго ковъчега завѣта Христова.

Да что еще о семъ предолжам врѣмя много глаголемъ о конституѫ яко ни единно есть слово тако возможно быти еже отъ насъ достойно или возможно ко похвалению чѫдныхъ и предивныхъ святыхъ твоихъ, которое бо благое похвалениѣ мы земнородныи и неразѫченныи принесемъ ти: оублаженному сѫщу отъ самаго вышнего Бога богоносне всеблажение отче? неможетъ бо отъ человѣкъ отъ Бога данныа ти милости или почести словомъ изрещы. Аще кто и всѣхъ премѫдрости разѫмъ языкъ имать, но токмо еже отъ оусердиа теплыа вѣры и палимыа любве юже имамы къ тобѣ, всенасвятеишыи божыи святыи мѫжѫ, поелику возможно еже отъ насъ сие ти приносимъ малое грaнесловие, оублажающыта Господень, великии святителю, отъ Бога во праотецъ всемъ Христианскимъ дшамъ прежде лѣтъ вечныхъ прознаменамъ еси, и Дха святаго свыше порожденiемъ Папа вселенскии нарековаеся святыа великиа вселенскиа соборныа апостольскиа Церкви сопрестолникъ и причастникъ и всеначалнѣишыи никарии исправлениа вѣри, столпъ крепокъ отъ лица вражиа, храбри воинъ царя небеснаго, вътори Исусъ Навинъ на иноплеменныа полки побеждаи и секѫщы ихъ нещадно глаголомъ божымъ мечемъ дховнымъ враги креста Христова: кѫпноже всѧ видимыа и невидимыа ратники и противники Христовы, Авраамовъ образъ на себе вземъ пленники отпленивъ отъ лести вражиа и враги со царами ихъ поразивъ ихъ гонивъ даже до Дадана; паче же оудобие рещы прогонивъ ихъ отъ человѣческихъ дшъ святыми твоими молитвами даже и до ада преисподняго. Сего ради преболшии еси въ Архиереехъ, тако дрѫгъ божии нарецеся.

О много блаженныхъ даровъ свышше дарованныхъ ти силою великаго Бога вѣры ради твоея юже к немъ, въменилосѧ ти есть во правдѫ к родъ и родъ до вѣка. О всесвятыи изъбранныи божии? Вселенскии пастырь великаго пастыря Христа, воистинѫ истиннии ты еси священникъ Бога вышнаго приносѧщыи емъ жертвъ святѫю безкровнѫю, ѡ мире всего мира и ѡ благостоянии святыхъ божиихъ церквахъ, и о совокѫплении ихъ паки во едино дондеже достигнѫть вси во единение вѣры и к разѫмъ любве сына Божыа к мѫжа совершенна, в мѣрѫ возра-

ста неполненїа Христова; не по закоⷩ Ааронове, но чиⷩ Мелхиседекове, козносим честныа дари с похвалами ко Богⷩ отцⷩ во воню благоⷯанна Пречистое Тѣло и Кровь сына его возлюбленнаго господа нашего Исⷭа Христа за спасенїе всего мира и ѡ свѧщенн҃ї дⷭш, кⷭпоже и о всѣхъ и за всѧ, паче же о заблⷭдшыхъ и погибшыхъ овцахъ домⷩ Христова, яко да много милосердии Богъ премногимъ своим человѣколюбиемъ симъ ѡмоленъ бывъ, расточенныа паки собереть и совокⷭпить ѧ во едино стадо и ангелъ и человѣкъ, во церковь первородныхъ написаномъ на небесѣхъ милосердиа ради милостю своеа багатыа: не изреченнаго человѣколюбнаго ради благоⷭтробиа, иже всѣмъ имать яко щедрыи человѣколюбецъ твоимъ поистинни ѡ многоблаженны ѡтче предстателствомъ свѧщенносл҃жбе и пречистыхъ жертвъ приношенїе со богоприятными твоими молитвами и молеиѣмъ паки всѣмъ намъ милостиваго содѣлаи претвораа его гнева на кротость милосердиа, яко да отъ него ѡвращⷭть всѧ милость во день сⷭдныи, ибо господне есть благословенїе на людехъ твоихъ и благословенїе твое отъ нын҃ и до вѣка.

Но ѡ всемъ семъ твоемъ таковомъ премⷭдромъ промышленїи и попечении божественныхъ ѡвецъ, мы вси сⷭщыи зде на стране далече словесныа овцы тогожъ стада христова отъ дворⷩ его сѧтаго сѧтыа соборныа тоѧжъ апостолскиа церкви ѡтъ четирехъ евангелистъ вселенскихъ просветленшыхъ патриарухъ греческихъ ѡтъ ѹстава ихъ ѡбычаа и преданиа, наⷭченїемъ ихъ греческимъ церковнымъ сⷭще порожденны ѡтъ кⷭпели сѧтыа и живоначалныа Троицы, ѡбновленны баиею паки бытиа свыше благодатию сѧтаго Дⷭха добре пасⷭщеся ими, во истинномъ благовѣрыи(?) на пажитехъ живоносныхъ, на благоцвѣтⷭщыхъ горахъ северныа страны, а страны яже сⷭть ребра северова градъ цара великаго, понеже бо Богъ в тѧжестехъ его знаемъ есть егда застⷭпаеть и ѡтъ всѧкаго насилиа вражиа, сⷭпостата стараго змиа и диавола, козднⷭнаго князя тмѣ злобы поднебеснаго, еже восхотѣ престолъ свои поставити на нашыхъ северныхъ странахъ и быти подобенъ вышнемⷭ. Сего ради Богъ и опроверже и намъ сию страну дарова, самъ пасѧ насъ въ мѣстехъ сихъ панствехъ, тⷭ насъ и на водахъ покойныхъ воспита, дⷭша наша обратилъ есть к собѣ, наставляа насъ на стезиа правды заповѣдей своихъ сѧтыхъ имени своего ради в неже крестихомся приемше печать сѧтого Мыра имⷭще написано на челехъ нашихъ благодатию сѧтаго Дⷭха. Сего

ради аще и ходимъ подъ сенїю сени смертныа князя сего прежде реченнаго власти воздⷭшъным и не ѹбоимся зла, яко самъ Господь с нами есть жезломъ и палицею своею ѡтгонитъ и бия, мысленныа волки, яко да ни едина отъ ѡвецъ его погибнеть и стадо все цело соблюдено превⷭдеть. Сею палицею и жезломъ ѹтешаетъ дⷭша наша и пасетъ яко милосердъ пастырь и щедрый овчелюбецъ милостию своею, поганыа насъ и нехотящыхъ приближитися к немⷭ яже не сⷭть ѡтъ двора сего и онаго его, а тыа подобно симъ хощетъ привести, востягивая броздами и ѹздами челюсти ихъ, да бⷭдⷭтъ вси едино стадо подъ единымъ пастыремъ Христовымъ.

По семъ же Вашеи Сѧтыни всѣмъ порⷭченнымъ ѡтъ Христа пастыремъ старѣишаго пастыра, иⷭть бо на лица зрѣниа ѡ Бога, якоже ѡ семъ вещаетъ началнеишыи пастыръ по Христѣ вѣрныи Петръ: яко ко всѧкомъ языцѣ отецъ комⷭ Богъ и делаа правдⷭ приятенъ емⷭ есть. Къ симъ же великиа Павелъ Серафимскии надⷭтый языкъ глаголеть: всѧкъ иже аще призоветъ има Господне спасется, тойбо есть Богъ осемъ богатыи во всѣхъ яко комⷭ хощеть раздѣлять мѣрⷭ дарованиа вѣры по своеи емⷭ воли, воли бо его кто противится, и сего ради заткрилъ Богъ вса неопротивленїа да помилⷭеть всѣхъ, понеже во единоа главы Христа все тѣло христианскихъ всѣхъ дⷭш составленїе истъкменно. Крещенїемъ воды и сѧтаго Дⷭха ѡ немже всякое созданїе составляася растеть во церковь сѧтⷭю о господи в немже и мы созыдаемся во жилище сїе божиимъ дⷭхомъ яко да вселимся кⷭпно вси вдомъ Господень в долготⷭ дни вѣка. Несть бо разнства ѡ Христѣ Грекомъ и Римляномъ и намъ сⷭрымъ росиⷣскимъ словѧномъ, вси едино тоже сⷭть, в немже кто званъ бысть, втомъ да пребываетъ кождо во своемъ чиⷩ: всѣмъ намъ начатокъ Христосъ потомже христовнї. Елицы во Христа крестистеся во Христа облекошася, ни едины бо послⷭшницы закона оправдаются (якоже нѣцыи мнятъ), но творцы закона оправдаются сиⷩ сⷭть праведнї ѡ Бога, естествомъ законная творяще имⷭще законъ написанъ во сердцахъ своихъ. Сего ради сиа написахомъ к Вашои всенасѧтѣишои Сѧтости. Слышахомъ никихъ ѡ насъ предъ Вашею Сѧтынею испокѣдающе глаголы ложныа хⷭлящаа насъ и глаголюща яко несмы совершенныи и истиннии христиане сѧтыа православныа вѣры Христовы, и инаа таковаа много на насъ хⷭлящаа, блядениемъ дышⷭще завистию опалаиемы в коле рож-

119 21

дества своего языкомъ клевещуще раждженнымъ отъ огня геенскаго ради лѣпоты неправды исполнь сущи ада смертоноснаго; имже обыкоша Бога отца благословити, симже паки клевещутъ на вѣрныя человѣки, благовѣрно живущимъ созданнымъ Духомъ святымъ по образу божию и по подобию званнымъ же прежде лѣтъ вѣчныхъ во благодать сію, и по призрению великаго Бога, егда еще миръ не бысть, якода внидутъ къ вѣрѣ сію Святѣю, надежду и любовь къ собѣ имуще ко Господу, чающе иного божественнаго упованія и просвещенія славы, великаго Бога Господа нашего Іисуса Христа. Сиїже елика убо не-ведятъ хулятъ, еликаже повестествуютъ яко безсловесна животна видятъ разумѣюще себе душевно а не духовно сими прелщающеся глаголютъ, клевещуще на вы: конституютъ сиї суть облацы безводни отъ вѣтръ преносими, древеса безплодна есенна, волны сверепыя моря воспѣнающе своя срамы, звезды прелестныя имъ же мракъ тмы во вѣки блюдется, о нихъ же пророчествова седмыи отъ Ѵдама Енохъ сиа глагола, якоже свидѣтельствуетъ о семъ Іюда и Іаковль во соборномъ своемъ посланіи пиша о сихъ пространнѣ: Таковыи нехотятъ да быхомъ были вси едино тѣло и Христе, не слышатъ самаго Христа заповедающа и глаголюща, сие заповедаю вамъ да любити друзгъ друга, якожи и азъ возлюбихъ васъ. О семъ познаютъ васъ вси яко мои оученицы есте: аще любовь имѣти будете между собою. Я идеже несть любви тамъ Богъ не пребываетъ. Такова премудрость несть свышше нисходящая, но земная душевна бесовская, идеже ко зависть и рѣвненіе, ти нестроеніе, всяка зла вещь. Мы же вѣруемъ насвятѣишои вашои, всеи и многоразумѣноп во благоразсужденіи велико глубинноп премудрости яко не имете вѣры симъ, и тако к томъ подобнымъ нанымъ прочымъ вещемъ, еже на насъ клевещутъ не поистинне хотяще, раздражыти твое незлобивое благосердие еже к намъ, но аки премудръ вселенныи пастырь, и оучытелныи отецъ, мѣсто придаси своемъ всесвѣтломъ уму, к разсужденіі святыхъ истинныхъ писаній, идеже обращается незазорна правда к намъ, и ко всѣмъ требующимъ благословенія твоего святаго. Послѣдующе тобѣ своего первоначалнѣишаго пастыра Христа, яко градущихъ к немъ не изгонитъ вонъ, но всѣхъ равнокупно, милостиве к собѣ приемлетъ, отъ костокъ и западъ, севера и мора, яко да о немъ возъблагословятъся вся колина земная, и вси языцы оублажатъ его. Мы бо вси вѣруемъ и исповѣдуемъ быти Тебе вся наисвятѣи-

шаго пастыра и вселенскаго всеначалнѣишаго, старѣишины всѣмъ сущымъ священнымъ отцемъ, и православнымъ патриархомъ, верховнаго праотца, и подкладаемъ главы наша со всякимъ благоговѣнымъ послушаніемъ не отъ нужда ни отъ скорбы, но отъ вѣры желаемыя любве благоволеннаго сердца, требующихъ отъ твоея святыни, всеначальствующаго твоего благословенія, въпрошавшы умъ во глубины божественныхъ словесъ, святаго писанія и отъятъдъ извлекъше многоценныи бисеръ разума, аки пчелныи сотъ, отъ много цвѣтущихъ цветовъ собравше, идуще принести духовныи медъ, во многочисленныхъ и дивнеи некако устроенныхъ во воскосоставныхъ пчелныхъ сосудехъ, со многою честию и похвалами сложивши отъ сладкоточныхъ словесъ принесемъ къ похвалению всеначальствующихъ святынь твоихъ, якоже и кыше и сихъ писахомъ отъ сѣверныхъ странъ, мы словесныи суще овцы. Аще убо Ааронъ древныи инъ законныя скіи, ветхаго завѣта священникъ жертвами безъсловесныхъ и кровию юнчею и козлею и попеломъ юнца крепца, осквернены осващаше, къ плотнѣи чистотѣ, и отъ сюдъ памяти сподобляемъ съ похвалами во святыхъ Божіихъ поминаютъ имя его въ законныхъ псаломскихъ книгахъ; не много ли и колми паче новаго завѣта Христова преболшыи великии архиерею, много блаженныи отче, и всеандостойнѣишы Еникъсте, похвалами высочаишыми быти достоинъ еси яко священникъ Бога вышняго, въторыи Мелхиседекъ таинникъ, недосмѣнныхъ таинъствъ, великия оныя жертвы небесныя, священникъ и служитель, внюже желаютъ аньгели приникнути, ею же очищаешы и осващаешы не токмо ко плотнѣи чистотѣ, но и отъ совѣсти мертвыхъ дѣлъ всѣхъ душа спасаешы. Я тако много болшы иного достоинъ быти похвалами и памяти въ сыновъ христианскихъ всегда прославляти ся имя твое все пресвятѣишое, въ соборахъ и служебахъ поминающе, яки отца началнѣишаго всего собора христианскаго? Но и таковомъ великомъ святомъ которыи достоинъ похвалы словомъ предъставимъ, иже паче славы достоинъство вѣтхи любославныя, молчаніемъ вмѣсто славы добродитель похвалати наказуютъ? и самаго естества превозшедшемъ мѣри, а всего видѣніемъ горнихъ возхищеннаго, и не инако иже в тѣли ко вѣрующа жизнь разви богославнаго языка оученіемъ емуже и певецъ склада и слова глаголаше, языкъ мои трость книжника скорописца. Чтожъ с кимъ дерзнемли убо къ похваламъ вашеи святыни, дерзнемъ

всѣ, ко оусердію любовнѡмѹ насъ влекѫщи къ вашеи всѣ наисвѧтѣишеи wтческои сѧтости ниже бо безбѣдно намъ молчати такова wтца всего христианства нарекшыися чадомъ не іако да ваша прославленная сѧтости похвалами лѹчъшиї бѹдете, каково ижє со апостолы водворающиися, и тѣхъ возвращающы число, самаго wбраза Неѣса на собѣ носѧ, се wтклѧ явленно, понеже бо прежде апостолскоє житие отъ самое юности изволи, Петрѹ по ревноваль апостолскомѹ верху, и Заведеовымъ сыномъ, и не wставлъ ли всѧ про ницетѹ возлюбшемѹ и наѣчившемѹ тебе владици Христѹ. Высокое бо истинное любомѹдрыє иноческое єже есть и мнишеское глаголю житие избравъ, и благо всѣ ко всѣмъ присвоившеся, єже есть не возможно инако разви иже wтъ оусердиа стяжати любовъ, и быти с нимъ єдино, возлюбивъ законъ много лѣтъ пребываша, оуставъ рекгѹлы сѧтаго отца Францишка, в немше много лѣтъ пребывъ, и достоине ходивъ. житие жестокоє искѹсивъ, дондеже призре Господь на смиреніе твоє видя многии трѹдъ и терпиніе оудрѹченіе тѣла твоего, зрѧ в немъ сиающю твою дѹшѹ паче слонца к немѹ палящю любовию, къ любимомѹ любви любителю, сего ради посити ти есть востокъ свыше, направилъ ноги твоѧ на пѹть светителства Рымскаго престола да оупасеши люди его христианское стадо всѧ приводя ко единеніе и совокѹпленіе прежніа славы и любве, любовию паче пастырскою, нежели палицею желизною вышняго Бога Слова, наѣчитеся wтъ мене іако кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ. Подобаетъ бо премѹдростию любовною, кротостию растворяти іако не требовати wрѹжыа ярости wтнюдъ ко исправленію таковыа паствы, многихъ бо въ нашыхъ странахъ видимъ, отъ части западниа церкви wбычаи тои содержашчыхъ, wтъ нарицающыхся пастырей, яростию мняще снабдѣвати стадо болши погѹбляютъ тои и предавшемѹ сѹды wтдаютъ достоиныа влажѫще и мѹчаще, а иныхъ силою влекѫще из благочестиа во благочестіе и соѹзъ мира любве завыстнымъ гнѣвомъ разтерзающе, wбобо кричаниемъ прерѹтивъ, не искѹсныи пастырь напрасно и скоро низверже и отъ числа wтпѹсти wбобо жезлъ пѹстивъ престрашаа врази во главѹ и мертвости абие оузре предъ собою, дрѹгое стремленіемъ wбюродѣвъ, ногою пхнѹвъ и хребетноє составленіе преломи или ребренные кости имиже внѹтренниа защищаются. Но милосердыи пастырь всихъ сихъ чѫждъ вне wвритается кротко оубо зрѧ на своіе стадо тихо оустъ не движа исоплемъ дѹха wглашаа стадо во едино

совратися соткорщаетъ да и прочаѧ не расходна бѹдѹтъ, и хрома на рамѹ носа содѣловлеетъ не wставлати, ико іаковъ обычаи извыкше wвца, сладкаго wнаго пастырева гласа ко слѣдъ течахѹ чѫждаго wтбѣгающе, и тако пред нимъ радостныма стѹпаа ногама, на апостолскаа и пророческаа полиа єѵангелскимъ пѹтемъ наставляетъ и часто wбращаяся, и зря сихъ благочестіе коеже шествовати, во єже раждатися, во єже тѹчно пасти, веселишесь, іако не токмо мѹдѹ совершенно приати отъ Господина стадѹ, чести чаа сподоблен быти. Таже и зною наставшѹ отъ солънечнаго вара, и хладѹ велико потребно сѫщѹ, на Єѵангелскихъ горъ высотѹ сиа возводить и свободѹ всѣмъ подаваетъ приимати, такоже wтъ тѹдѹ на небеса предпосылаетъ. Сиа вся и инаа множаа такова wбретаютсѧ и дѣйствѹютъ ся во сердцы твоемъ всѣ сѧтомъ действом пресватого Дѹха дѣйствѹющаго к тобѣ. Видимъ бо и иныю премѹдрость пастырства Башеа Сѧтыни іако иныа wвца іаже несѣть отъ двора сего любовию оукротевающѹ и привсовокѹпление единомѹ сотвораа ихъ да бѹдѹтъ вси єдино w Христе кождо єже во своемъ чинѹ да пребываетъ, такоже изволилъ изыкилъ бѣ из млада своимъ пажитемъ растимо отъ тожъ росы небесныа, іако да оуже ктомѹ ни звѣрие ни татие ни разбоиницы ни дивии мысленныа волки дерзнѹтъ ко стадѹ пристѹпити, не стрелами бо ни працею, ни песнемъ лаганіемъ wтъгонимы бываютъ но силною молитвою, и не сопшымъ бденіемъ того ковщыся wни, и гласа вашего наисвѧтѣишаго пастырскаго іако грома трепещѫще далече отъ стада wтъбегаютъ, іако да стадо цѣло и не вреженно пребѹдетъ твоими сѧтыми молитвами, и ходатайствомъ и застѹпленіемъ. Отъ таковыхъ и толикихъ твоихъ чѹдныхъ промышленіи попечении wвещъ тебе таковаа и толико великаго пастыра всѣ наисвѧтѣишыи wтцѣ wтклѧ ты похвалимъ, каколи ты прославимъ, коимъли ты словомъ оублажимъ, ты бо владеешы всеа вселенныа христианъствомъ и державою морскою и деже от нихъ пребывають, возмѹщение єже волнъ грѣховныхъ отъ вѣтръ вражныхъ ты оукротевлеши. Ты смирилъ еси іако извенна гордаго денницѹ мышцею силы твоеа данныа ти свыше отъ Бога твоа сѹть небеснаа дарованиа, и твоа естъ земнаа всенаисвѧтѣишаа благословенна вселенныю всю и концы ея благословлаеши и просвещаешы конечнымъ разрѹшениемъ отъ всѣхъ грѣховъ ихъ. Понеже бо тобѣ оурѹчены сѹть ключы царства небеснаго вязати и решати отъ самаго Бога wбласть приемъ,

сего ради и мы ти wтселе припадаемъ и молимъ твое человеколюбие w владыко милостивъ бѕди намъ жыкѕщымъ далече на северныхъ странахъ во граде свѣтле росiйскиѧ чреды, подъ ѹставомъ и рядѕ восточныя церкви содержащиеся светыхъ седми вселенскихъ соборовъ, к нимъ же кѕпно и wсмыи флорентiйскии ѹхваляющы, и паче на нихъ ѹставленнаѧ святыми wтцы, сихъ всихъ держащеся крепко и цело во вѣры святои, истинны соблюдающе держимъ, да того ради вѣдимъ и ѹмолиемъ милостивное твое милосердие wбычнаго ти нрава ходатаствѣи милостивне и о насъ ко Богѕ да спасеть тебе ради дѕша наша, паче благословенiемъ твоимъ, и всеконечнымъ прощенiемъ разрешение приiмемъ, всемъ грехомъ нашимъ, к семъ нынешнемъ веце, и wномъ бѕдѕщомъ, а наша вѣра велiкое желание, еже имамы къ тобѣ, приими з любовию, всепанесвятѣишы wтче, вмѣсто много священныхъ даровъ, и наше прошение и хотение исполни паче милосердiи пастыр. Понеже бо доходить насъ слѕхъ сеи в наше страны паче настоить нынѣ годъ пятьдесятныи, во преславномъ Рыме, имеи в собе милостивное лѣто, на wтпѹщение всимъ грехомъ, на wставление всимъ долгомъ на спасение дѕшамъ нашимъ, на wсвящение смысломъ, на просвещение ѹмомъ, на избавление отъ мѕки, на wправдание жызни, на порождение пакибытiа к прежнiе сыновство, аки непорочныи младенцы изъшедшеи изъ чрева матере своеи, отъ матки святыя церкви: вси кѕпно просвѣщаются wсвящанiемъ дѕшъ, вси кѕпно просвѣщаются, вси ново порождаются wсвященiемъ дѕшъ свыше милосердiемъ божiимъ: вси кѕпно нескверныи и безгрѣшны паки бываются, и wправдани настоящаго ради лѣта милостиваго сего преданнаго отъ вѣка Богомъ во книгахъ левитскихъ древняго завѣта, w немъ же Исаиа велегласно проповеда: Дѕхъ Господень на мнѣ, егоже ради помаза мѧ благовѣстити нищымъ посла мѧ исцѣлити сокрѕшенныя сердцемъ проповѣдати пленникомъ wтпѹщение и слепымъ прозрение призвати лѣто Господне благоприятно еже есть сие нынѣ настоящее лѣто, милосердиа божественнаго безчисленно многомилостиве, съмилование исполненое, егоже и мы вѣрѕемъ wтомкнѕти wтсюдѕ ключамъ небеснымъ, богодѕховеннымъ свыше. й. псалм. дѕхомъ сокрѕшеннымъ и сердцемъ смиреннымъ, и к томѕ пятми ранами христовыми, wтворити двери милосердиа небеснаго Бога Отца аще к томѕ намъ да поможеть сего ваша святаа воля всепанесвятѣишы wтче. Вѣрѕемъ бо вашеи много ѹблаженнои Свя-

тыни, паче да сего намъ не возбранишы, но милостивне намъ все кѕпно подаси и зычыти намъ сего милосердие восхощеши: паче же намъ сыновомъ светло росiйскиа чреды, паче да на семъ знаемъ милосердие твое любовное, аще имаши к намъ некое благоволение аки милосердыи wтецъ; сего ради молимъ ти ся много паче да не возъбранишы намъ сего прещедраго и wбщаго всимъ великаго и многомилостиваго лѣта, кiемже лежать сокровища безчисла, обилно милосердиа безчисленнаго божыа, полно падаема тобою, всимъ ѹбогимъ грѣшникомъ кѣрою желающымъ его паче да wбогатятся паки вси кѕпно помилованiемъ его святымъ.

Бѕди же ѹже к томѕ насватеиши wтче намъ всемилостивъ и щедръ, паче же и самъ тои wтецъ небесныи милосердъ есть ко всимъ wсеваа слонце свое на злыа и благиа, такожде и wдождеваа дождь на праведныа и грѣшныа, не хотяи никогоже отъ нихъ погѕбити, но всимъ спастися, и в разѕмъ истинны прити, праведники любѣаи и грѣшники миласаи, и всихъ зоветь ко спасенiю за wбещанiа бѕдѕщихъ своихъ благъ, паче щедрии милостивы человѣколюбецъ. Тако Богъ wтецъ возлюбилъ есть мира, иже сына своего не пощади, но за всихъ насъ предасть его на смерть, да мы спасемся имъ отъ гнева и бѕдеть правда божиа w немъ, то како ѹбо ѹже к томѕ, не всели намъ всимъ, с нимъ намъ подасть Богъ самъ wправдаиа и то кто есть wсѧждаиа. Нѣсть бо разиства, вси бо согрѣшаемъ и лишаемся славы божыа, wправдающеся тѕ не того благодатию и избавлениемъ еже w Христе Iесѕе, его же предложы Богъ wчыщение вѣрою и кровию его во явление правды его за отпѹщение прежде бывшыхъ грѣховъ, во ѹдержанiи божыи во явленiи правды его во нынешнеи врема даровавъ намъ вся прегрѣшениа wмывъ кровию его, распятiемъ Сына своего имже смиривь к собе весь миръ, не вменивъ темъ ксихъ согрѣшенiихъ, не посла бо Богъ сына своего да сѕдить мирови, но да спасеть ся имъ миръ. Всемъ познаваемъ велiкое милосердие божые бывшее ко всимъ грѣшникомъ, и нынѣ еще тоеже есть и бѕдеть, и пребѕдеть даже до скончания вѣка. Сиа писахомъ не яко не вед̃щеи вашеи святыни w семъ, но яко да тымъ милостивнеишыи и милосердneишыи бѕдеши къ намъ, паче да явится и на насъ милость божыа спасителнаа всимъ человикомъ, наченъ отъ вашеи насветеишеи святости преславнаго Рыма, даже и до последнихъ земаи, и дозде идеже мы пребываемъ, чающе отъ вашеа

всеначевшатѣйшое святости принати посланїе вѣлныхъ епистолїй святыхъ написанныхъ къ намъ. Вашое всесвятое благословение, и совершенное прощение и всекончное отъ всѣхъ грѣховъ разрѣшение егоже вѣрою и любовию чающе блаженнымъ оупованиемъ сне полꙋчити.

О всепренаившатѣйши отче помыли, еже иное слово глаголюще великаго wвцамъ пастыра Христа ко первоначалнѣйшомꙋ всѣмъ прежде пастырꙋ верховномꙋ Петрꙋ емꙋже самъ оурꙋчил вѣ пасти свои wвца и агнца, повелевшаа емꙋ не токмо седмъ кратъ на день человѣколюбие грѣшникомъ wко да не wтчаваютсѧ спасенїа своего имꙋще толико wвещанїе на wставленїе долгомъ. Аще некако на врѣмя прогнѣвается но не до конц , тогда посещаетъ жезломъ беззакониа ихъ и ранами неправды ихъ, милость же свою никогда розоритъ отъ нихъ, не побезаконии нашемъ сотворилъ есть намъ ни по грѣхомъ нашимъ воздалъ есть намъ. Но wко по высоти небесней отъ земля оутвердилъ есть Господь милость свою на боꙗщихъсѧ его и елико wтстоитъ востоци wтъ западовъ тако далеко оудалилъ есть отъ насъ беззакониа нашихъ. Я wкоже оущедретъ и милꙋетъ господь всѣхъ боꙗщихсѧ и оуповающихъ на милость его, ибо тои самъ знаетъ создание наше wко единои персти вси создании есмы человѣци, вдꙋхновениемъ божиимъ wживлени быхомъ на wбразъ и подобие божественное воспрнемше отъ сꙋщества его оумъ слово и дꙋхъ, wко да сихъ разꙋмиваемъ превышнее бытие горнего сꙋщества. Просвещение славы великаго Бога, три едино превѣчно безначалнꙋю силꙋ святыа Троица, ꙗюже содержатсѧ всѧческаа. Манием державы благоволениемъ ѣа wко да в насъ не бꙋдꙋтъ вози мнози, но намъ всимъ кꙋпно да бꙋдетъ единъ Богъ wтецъ всемогии, всѣ мы ѡ него, и единъ Господь нашъ Iисꙋсъ Христосъ, имꙋже вся и мы темъ, и единъ Дꙋхъ святъ, в немъ же всѧческаа, и мы в немъ, тривыатыи Богъ единъ отъ негоже и имже, и в немже всѧческаа томꙋ слава во вѣки.

Тако вѣрꙋемъ тако исповѣдꙋемъ Бога быти wтца самаго отъ себе, не отъ единаго сꙋща безначалнаго сꙋща и нерожденна. Сына же отъ wтца рожденнаго прежде всѣхъ вѣкъ Бога правого съ правого, во всѣмъ равно сꙋществомъ и хотѣнием кромѣ рождениа, Дꙋха же святаго равна кꙋпна исходяща отъ Отца прежде, тажде и Сына единемъ дꙋхновениемъ и подаемъ и изливаемъ на всѧкꙋ плоть wбилно, Господемъ нашымъ Иесъ

123 5

Христомъ: все бо елико wтчее сыновъне разве неродства; вниемже елико сыновие Дꙋхова, разве родства: все же елико Дꙋхово отчее и сыновие, разве схождениа, и сего ради Отецъ и Сынъ и Дꙋхъ нерождением, рождение исхождение. Вся бо елика имать Отецъ, тожъ имать и Сынъ, разве не рождениа, wкоже выше всемъ рекохомъ. Вся елика паки имаетъ Сынъ, Дꙋха сꙋть, разве рожденна, всѧже елика сꙋть Дꙋхова, Отче и Сыновие разве исхождениа, понеже бо Дꙋхъ нерожденно исхожденъ отъ Отца: а тако сии имена нерождение и рождение и исхождение имꙋтъ: во трехъ лицехъ едино божество единa сила, едино сꙋщество, едино хотение равно собе во всимъ, равно деиствꙋющее во всихъ wкоже комꙋ хощетъ тако и творитъ. Сиа есть вѣра наша и тако исповедаемъ святꙋю Троицꙋ быти, да оуже к томꙋ загради сѧ оуста глаголющихъ на насъ неправдꙋ предъ нашымъ святителескимъ и всеначевшатѣйшымъ лицемъ, повѣдающе wко быхомъ инако вѣровали, и исповедали святꙋю и живоначалнꙋю нераздѣлимꙋю Троицꙋ, еже несть инако, разве точыю wкоже наꙋчени быхомъ отъ святыхъ Апостолъ и святыхъ божественныхъ wтецъ Никенскаго собора изложившыхъ православиꙋ вѣрꙋ еже есть: Вѣрꙋю но единаго Бога, имꙋще в себе ѣi членовъ святыа соборныа апостолскиа церкви. Мы же симъ последꙋюще, тако и вѣрꙋемъ, тако исповедꙋемъ единомꙋ крещению быти во оставление грѣховъ, а не двема, wкоже нецыи творятъ в нашихъ странахъ зде сꙋщыи некиихъ и силою влекꙋще отъ нашеа церкви и паки второе крещение на ня воскладающе и глаголюще, wко тако намъ повеливаетъ всеначевшатѣйшы wтецъ папа творити: разсмотри разсꙋди сне w всеначевшатѣйшыи wтче премꙋдрыи, аще есть семꙋ тако лепо быти: и сиа тако оугодно творити. Единоа главы сꙋще Христа, всѣ тѣло едино бꙋдꙋщи вси мы, еже тѣло и оуды имать многи в себе, вси же оуди единаго тѣла мнози сꙋще разностьмъ, едино сꙋть w Христѣ тѣло и во единомъ дꙋхꙋ мы вси, во едино тѣло крестихомсѧ: аще ли иꙋдеи, аще ли еллины, аще рабы, аще свободны. аще и мы в тожъ росиискиа сыны и весь нашъ великородныи и многии словеньскии ꙗзыкъ и вси единымъ пивомъ дꙋховнымъ напоꙗхомсѧ. Ибо все тѣло несть единъ оудъ, но мнози, аще речетъ нога wко несмъ рꙋка несмъ отъ тела, не отъ сего несть отъ тѣла? и аще речетъ оухо, wко несмь wко несмъ отъ тѣла? и аще бы было все тѣло око, где слꙋхъ? аще все слꙋхъ, где оуханіе? нынѣ же положы Богъ оуды единаго кождо в тѣлеси wко же восхоте, аще ли бы были

вси единo оудꙑ где тѣло? Нынѣ же мнози оубо оудове единo же тело, не может же ѡко рѣци рѕцѣ, не требѣ ми вси или паки глава ногама, не требѣ ми есте, но много паче мнящꙑися оудꙑ тѣла немощнѣишꙑ бꙑти, потребнѣишꙑи бꙑти сѕть, паче мниме нечестнѣишꙑ бꙑти тѣла, сими. честь множайшꙋю ѡблагаемъ: ини благообразнии нашꙑ, благообразіѣ множаише имѕть а благообразнии нашꙑ не требѣ имѕть: но Богъ растворі тѣло, лишащемѕся болшꙋю далъ честь да не бѕдеть распри в телеси, но тождѣ пекѕться в собѣ вси оудꙑ: и аще страждеть единъ оудъ, то с нимъ страждѕть вси оудꙑ, аще ли же славится единъ оудъ то срадꙋются вси сним оудꙑ. Вси же есмꙑ тѣло Христово и оудꙑ его ѡтчасти. Да по чтоже сиа нестроенна, распри и расколꙑ во единомъ тѣле деются? Сѕди и се вся наказателнꙑ ѡтче праведно, аще Богъ повелѣваетъ семѕ тако бꙑти нестроению и зависти, паче деются в тело Христово, а не паче любовъ паче есть союзъ всякомѕ совершенѣствꙋ, без негоже никтоже внидеть ко Господѕ, аще мнить се и тмꙑ благихъ дѣлъ имѣти в собѣ, тако и онꙑа бѕна дѣвꙑ ихъ же есть пять числомъ. Потребно оубо есть ѕѣло потребно всенаставѣишои ѡтческои святости ѡ семъ помыслити добре и благоразѕмно, и благолюбно ѡ таковомъ дѣли прилижно попещися, тако да не бѕдеть распри во единомъ тѣли Христовѣ, противящеся дрѕгъ дрѕгѕ, и закидающе собе противленіемъ законнꙑмъ. единъ дрѕгаго хѕлящe о вѣре Христове. Не возможно же сима инако бꙑти къ союзъ мира и въ любви Христови, разви аще не пошлете ваша всенаставленшаа много оублаженнаа святꙑни, в наша страны зде двѕ некꙋю нарочитꙋю доброразѕмꙑныхъ мѕжей, добре законъ сведѕщꙑхъ, и ѡбꙑчаа ѡбоа церкве оуставленіе и флоренѣтскаго собора не зазорно хранящихъ, тако тогда оуставлено и оухвалено премѕдрими обоа страны бꙑсть. Сеже глаголемъ единo дабы далъ самъ сѕщꙑмъ гречѕнѕ восточныа церкви греческиа весь законъ и оуставъ самъ хранящꙑи и вся оуставы ея не лицемерно соблюдающꙑ: а дрѕги такожде западныа церкви Римски законъ свои хранящꙑ: ѡбои же сии да бѕдѕть светители премѕдріи, оучꙑтелны, не зазорныі, не лицемирныи, не славолюбивыи, не человѣкоѳогодницы, не мздо имъцы, не сребролюбцы, не злотособратели, не страшливыи, не стыдъливыи лицъ человѣческихъ правды ради божиа; но правдивыи, и законолюбителне, миролюбцы, миротъворъцы, смиренномѕдрыи, кротцыи, не гневливы, не величавы, милосерѣди, милостивы, боголюбцы, любящы миръ

124. 5

и любовъ и братское пребꙑваніе в покою имѕщꙑмъ, ѡ совершеннѕю отъ Вашеи всенаставѣишои скꙑтꙑни имъ поданое ѡ мироточеніихъ любокъ ихъ паки приводити; но тако тако да кождыи ихъ своеа церкви ѡбꙑчаи и оустав не порѕшꙑмо соблюденіе да имѕть, кождо ихъ ѡ своемъ да стоитъ. И тако средостение ѡграды вражды ихъ еже есть межꙑ нами разорено бѕдетъ. И бѕдемъ смирени оба, ѡ единѕ любовь Христовѕ; такоже есть писано о семъ блажени миротворцы тако тии сынове божии нарекѕться, такоже и Христосъ самъ сѕщꙑ истинныи сынъ божии смиритель бꙑсть междѕ Богомъ Отцемъ и человѣкомъ, подаваа началнѣишꙑмъ пастꙑремъ ѡбразомъ да послѣдꙋютъ стопамъ его. Сего ради долженъ еси всенаставѣишыи отче о таковꙑхъ вещехъ промꙑшлꙗти и трѕдитись, аки началнѣиши пастꙑръ о овцахъ Христова стада, да не разыдѕться по горамъ снедены бѣдѕтъ отъ дивꙑхъ волковъ или отъ татеи и разбойниковъ и расхищенны ѡ своа имъ дворы. Сеже глаголемъ о Тѕрцехъ и Татарехъ и о инꙑхъ прочихъ поганꙑхъ. Бидѫще они наше нестроеніе и не мирнꙋю промеждѕ нами нелюбовъ, многиа страны христианскиа поседоша, и ѡ свои законъ Махметовъ многихъ отъ нихъ обратиша, оуже бо и самехъ плесъ близѕ сѕть, а паче приклꙋчшаяся отъ нихъ близѕ ѡ нихъ не вѣмы, Богъ единъ вѣсть. На таковꙑхъ подобаетъ вражду имѣти кѕпно всемѕ родѕ христианскомѕ, на враги креста Христова и Христовы вѣры: а сами христиане на себе возставающи прещенна гнева ѕростию дꙑшꙋще, раздоровъ и хѕленна на противѕ себе полны сѕще, а единъ дрѕгаго ѡ вѣре ѡпичижающе еѓоже не подобаетъ христианомъ творити; писано бо есть, тако вси предстанемъ сѕднѕ Христовѕ и тогда комѕждо бѕдетъ похвала отъ Бога, а прежде времени не повелено намъ есть сѕдити ничтоже, ани паки тежь винити кого, дондеже приідетъ Господь їже просветитъ таинна тмы и явитъ совести сердечныа, и тогда похвала бѕдетъ комѕждо отъ своего благочестна емѕ, и тако бо не возможно никомѕже приіти к сне похваленіе отъ Бога, разве аще не бѕдетъ кто имѣти въ себѣ, сего мирнаго милосердаго милованна и милостивнаго любленна прежде къ Богѕ, потомже к всемъ равно человѣкомъ ближнимъ своимъ, созданныхъ по ѡбразѕ божию бывшы и по подобию его. Разѕмеемже се отъ святаго писанна, тако симъ милосердꙑмъ и милостивꙑмъ милованнемъ вси опъравдаться, благочестивии во день сѕдныи по глаголѕ Господню; симже паки осѕдатьсѧ

вси немилосердыи, человѣконенавистницы и нелюбящыи Бога. Но довольно намъ оуже w семъ вѣди бесѣдовати к вашеи всеиаисвятѣишои Свѧтости, да не предолженіемъ многихъ словесъ некое стѫжение подамы слѣхѫ вашемѫ всесвятомѫ, ино зде сим оставивше, на прежнюю пѣчынѫ дѫховныхъ словесъ къ вашои всеиаисвятѣишои пастырскои благоѫтробнои милости паки возвращаемѣсѧ, ведѫще яко в тоѣ лежатъ сокровища божіа премѫдрости и божиего смилованиа милосердныхъ и многихъ его щедротъ, яже сѫть шестеры милосердные большыи добродителі преданые самымъ Господемъ, яже сѫть сиа: алчнаго накормити, жаждънаго напоити, страннаго къвести въ к домъ, нагого приодѣти, болнаго посетити, в темници сѣдѧщаго пришедъ къ немѫ его оутешити. Сиа всѧ знаменіа сѫть милосердіа божего бывшего ко всимъ человѣкомъ, и паки отъ всѣхъ насъ тогож требѫетъ повеликамъ къ всимъ кѫпно правъно подавати, всимъ неимѫщимъ и требѫющымъ того. Паче же вамъ всеиаисвятѣишымъ отцемъ, и высоконачалнѣишымъ пастыремъ повелено есть дѫховно подавати всимъ требѫющымъ отъ вашихъ свѧтынь того.

Нынѣ же и мы того ради желаемъ всихъ сихъ шестерыхъ добродителныхъ даровъ отъ Вашеи Всеиаисвятеишое милосердное Свѧтости аки отъ пастыра милостиваго, и оутишителя дѫшъ, да подаси намъ обилное се въ наслажденіе и насыщение на спасение дѫшамъ нашымъ к вѣчномѫ животѫ. Понежебо алчны есмы небеснаго дарѫ милости божіа сего ради молимъ твое человѣколюбие алчѫщыхъ насъ накорми, и насыти сим небеснымъ хлебомъ дѫховною пищею ангелскимъ брашномъ божественною манною. Насыщениемъ свѧтаго Дѫха отъ поученіа свѧтыхъ божественныхъ христовихъ словесъ, егоже брашна желаемъ евангелскихъ, не сего брашна гибнѫщаго, но пребывающаго въ животъ вѣчны: оном трапезы небеснымъ идеже вси ближніи снедѧтъ обедъ онъ во царствіи божыи. Подаиже намъ всѣмъ всеиаисвѣтѣиши Отче отъ плода пшеници сея небеснымъ и вина и елеа своего егоже оумножилъ ти есть Богъ подати, да и прочимъ подаси требѫющымъ того отъ тебе, яко да отъ тѫка пшеничнаго напитаемы мы, и отъ камене медѫ дѫховнаго насыщены бѫдемъ всякодовольно, к себе сего имѫще небеснаго ядениа насытившеся сего божественаго хлѣба неимамы взалкати во вѣки: понежебо вкѫсихомъ и оувидихомъ яко благъ и зѣло сладокъ есть Господь, сего ради алчемъ и желаемъ его на всяко время,

да насищени бѫдемъ дондеже явитсѧ намъ слава Господнѧ, по глаголющемѫ пророкѫ, жаждѫщехъ насъ напой дѫховнаго пива отъ источникъ спасеныхъ, ибо зѣло желаімъ на водѫ сию, аки желаетъ елень на источники водныѧ, тако желаетъ дѫша наша ко источникомъ симъ спасеным воды жыви отъ неѧже пивше не возжаждемсѧ к томѫ во вѣки.

Мы бо кѣрѫемъ быти тебе всеиаисвятѣишы Отче такого источника спасенна, сего ради со благочестіемъ кѣри притекаемъ прилежно ко источникомъ симъ спасеннымъ пречыстымъ теченіа спасеннаго словомъ смотрѫще, да з радостию почерпаемъ отъ сюдѫ нелестны оутишенія потокъ, приносѧще жаждѫ божественнѫю со твоимъ всесвятымъ благословеніемъ, всемѫ миръ пребивающѫ, охлаждам дѫша отъ нежаждна недѫга, яко да в сытость напаемсѧ, вси ми отъ обилиа домѫ твоего и отъ потока пища твоеѧ напоишы ны желаемыхъ сихъ небесныхъ даровъ, ибо отъ тебе истекаетъ всимъ источникъ животѫ, и источникъ присно текѫщыѧ живыѧ воды, по среди раѧ, божественною же благодатию безпрестани кипѧщи и отъ него истекаютъ четыри рѣки напаюющы всякѫ тварь на оживление евангелскимъ благословенстъ возваніемъ чрезъ четыри вселенскиа патріархи оутвержденныхъ, святыа столпы, восточныа церкви, отъ ниже рѣкъ сиа точащыа благодатныа воды мы вси напаѧхомсѧ, сѫщи зде на стране северной прилежащои къ востокомъ, имѫщи к ней всякъ доволь изобилно всемъ к насыщению дѫшамъ нашимъ и ко прохлаждению сердечнымъ жаждамъ на всякѫ потребѫ собе черплюще отъ нея юже омываемсѧ, и крещеніемъ святымъ очыщаемсѧ, и осващаемъсѧ и просвѣщаемсѧ чающе онаго блаженнаго оупованиа, и прощенія славы великаго Бога и спаса нашего Іисѫса Христа, ѥѧже воды еще измлада сѫще обыкохомъ пити во всѧ дни живота нашего, и мы и отцы наши и отцы отцевъ нашыхъ даже и до нынешнаго дня а прочыихъ иныхъ водъ не обикохомъ вкѫшати сѫмнящесѧ къ ней яко противна сѫть естествомъ нашемъ. Сего ради молимъ тѧ о владико онѫ водѫ перкѫю, пошли намъ, четверострѫиныхъ сихъ бистринъ, яко да насыщаюресѧ отъ нея не вожаждемъ сѧ во вѣки, возирающе на тебе, на источника жизни присно текѫщаго прежде всихъ сим жывым воды возвращающи всихъ к наслажденіи живота онаго вечнаго.

Страныхъ насъ къ домъ Господень воведи великоначалный пастырѫ благословенны Авраамѣ странно милостивы прием-

ниче дрѹже возлюбленны божый ико странны есьмы пришелци на земли чѹждей, и неимамы зде града пребывающаго но лѹчшаго чаемъ онаго небеснаго емѹже хитрецъ самъ Богъ, и сего ради изволихомъ пребывати въ домѹ Бога нашего, паче нежели жыти намъ везде в селехъ грѣшничихъ, ико лѹчше день единъ во дворихъ его паче тысящъ, да того ради возлюбихомъ благолѣпие домѹ его, и мѣсто вселения славы его, ико да не погѹбитъ со нечестивыми дѹша наша, и единаго сего просимъ всегда отъ Господа, и того возыскаемъ даже жыземъ къ домѹ Господни всѣ дни живота нашего и зримъ неизреченьѹю красотѹ Господню его посещающы всегда церковь скатѹю его, церкви же лѹкавьѹющыхъ возненавидехомъ со совершенною ненавистию, и сего ради допомози намъ, о отче всеначескатѣишыи внити въ домъ сей Господень, ико да въ немъ ходяще оузримъ свѣтъ неприкосновения славы его, идеже есть всѣхъ веселящихъся жилище, оу него многа бо оу отца небеснаго обители сѹть по мере дарования комѹждо разделени. Я тобѣ сия всѣ отъ кишнего Бога небеснаго дарования комѹждо разделеныи оурѹчена сѹть, сего ради молим тя богатого щедродавца сего возлюбленнаго домѹ, благолѣпие раздѣлити и намъ корысть, ико да и мы блажени бѹдемъ жывѹще къ домѣ его во вѣки.

Яще неимамы одеяния брачна да достойни быхомъ были внити всеи небесны чертогъ, но твоими скатыми молитвами и благословениемъ всѣ сия возможна намъ бѹдѹтъ, ибо оснежыхомъ въ Силѹамлей бѹпели скатыя Троици, облечении свыше благодатию скатаго Дѹха чающе взыти на горѹ сию скатѹю божию в домъ небесны горѹ в неиже самъ Богъ благоволи жити до конца, ибо колесница божия тьмами темъ тысяща гобзѹющихъ всегда предъ нимъ есть, ико да и мы его восхищени бѹдемъ во многочисленное се число избранныхъ проходяще сквозе мѣста крова дикиа до домѹ божия, во гласе радования и исповѣдания шѹма праздньющаго, идеже есть гласъ безпрестанный великаго дарования в селехъ праведникъ. Простьри къ намъ страннымъ рѹкѹ твою деснью, милостивыи страннолюбче, и сподоби насъ недостойнихъ внити въ домъ сей Господень. Самъ оттвориа намъ двери небеснаго царствия, ключарь небесныи, вовода насъ страннолюбно страннихъ пришелцовъ отъ далекихъ странъ, вѣрою къ тобѣ пришедшихъ, ико внидемъ радостию в домъ божый небесныи, во градъ царя великаго, во горныи Єрусалимъ, и оузримъ славѹ Бога нашего, и поклоннимся на престолѣ

седящемѹ великомѹ Богѹ вишнемѹ царю и агньцеви вземлющемѹ грѣхи мира, и тако всегда со Господемъ бѹдемъ с нимъ царствѹюще мы в домѹ его во вѣки, и споспишествѹющыми тконими молитвами о насъ к Господѹ.

Нагихъ насъ приодени, ико назы есмы, понеже мы во Христа крестихомъся сего ради и во Христа облекохомся, но ико одеждѹ первѹю окалѧхомъ многими грѣхами, и обнажени бихомъ на врема отъ враговъ. Сего ради молимъ тя оумилосердися паки надъ намы Отче Скатый и приодей насъ одеждою спасения и ризою благословенаго прощения облеци насъ ико да наготѹ нашѹ снимъ паки покриеши своимъ всескатымъ отеческимъ милосердиемъ и тако согрееши дѹша наша теплотою скатаго Дѹха отъ стѹдены мраза грѣховнаго померзаемаго люте дондеже не постигнетъ онъ лютеишыи ледъ скрегтания зѹбнаго никогда растаемый великомразный лютыи тартаръ отъ негоже да избавитъ ны Господь твоими скатыми молитвами милостивыи пастырь, понежебо во крове крыл твоего надеемся да покриеши ны на месте озлобления отъ лица кражы и отъ лица всѣхъ ненавидящыхъ насъ ико, да оузревши насъ облеченыхъ во одеждѹ отмщения кратницы адовы оустрашишася, видящы насъ Христовыхъ во орѹжиихъ во всѣ орѹжиа Божия могѹщимъ намъ оуже ктомѹ стати, противѹ всимъ кознемъ дияволскимъ, имѹщы на собе броня вѣры: скатыя церкве Христовы цытящихъся крестомъ, скатаго животворящаго Креста, имже возможемъ всѣ силы неприязнены раждженныхъ на насъ оугасити благословениемъ твоимъ скатымъ, и шлемъ спасенъи мечь обоюдѹ остръ, врагъ нашихъ имѹще, иже есть глаголъ Божїи, острое копие Іисѹсово имя, дондеже придетъ именемъ лютаго князя того воздѹшнаго и темныя власти и всѣхъ дѹховъ поднебесныхъ злобеначалниковъ а тако не возбранно предстанемъ лицѹ Христовѹ хвалящи и благодарящи всемогѹщаго Бога и тебе ко милосердїи милостиваго Отца, ико проидохомъ сквозе водѹ непостоянньѹ, дѹша наша ико птица избависа отъ сети ловящыхъ, сеть сокрѹшися и мы избавлени быхомъ именемъ Господнимъ, и покровомъ одеяния, тконихъ скатыхъ молитвъ, приодевшихъ нашѹ наготѹ, и представившы насъ непорочныхъ и немерзаемыхъ мразомъ грѣховнымъ, праведномѹ солнцѹ Христѹ, твоимъ помилованиемъ всеначесвѣтѣишыи Отче пречестныи.

Болящыхъ насъ посети и исцели многими недѹгами отягченныхъ, и болезнами различными тяжкими грехы стагнѹтыхъ,

и вопiющыхъ к тобѣ из глубины дш҃а, о врачѹ дш҃амъ потщисѧ ѹмилосердившисѧ на ны, и помози намъ ꙗко изгибаемъ отъ грѣховныхъ недѹгъ люте, Тебе бо такова премѹдра врача недѹще, могѹща исцелити, и спасти всѧкъ недѹгъ греховныи и всѧкѹ ꙁлобѹ къ людехъ. К тобѣ прибегаемъ вѣрою ѻнаго сотника, центѹрiѧ именемъ, смиренiемъ припадающа, любовiю просѧща несмеюще тѧ, ни помышленiемъ двигнѹти, толикаго и таковаго ѹчителѧ и врача, да къ намъ приiдеши, несмыко того достоины, да ни подъ кровъ отъ предѣлъ некихъ домовъ страни наша кiиждеши, а то ни отънюдь возможно есть, не токмо намъ но и всѣмъ странамъ, и то токмо рѣци слово о насъ к Господѹ тогда исцелѣютъ дш҃а наша, и тако спасени бѹдемъ отъ всѣхъ болезней нашыхъ, и немощей нашыхъ, или оно милостивное слово, изърцы намъ глаголѧ отпѹщаютъ сѧ камъ грѣхи наша, и по вѣри ваю ꙗкоже хощете бѹди вамъ отъ Господа милость здравiе и спасенiе къ всѣмъ. Всѣко свѣми се, и ꙗко самъ молостивыи Богъ велiки врачъ дш҃амъ и тѣломъ слово се рекъ есть самъ глаголѧ, ꙗко нетребѹютъ здравыи врача, но болѧщiи во гресѣхъ, тои бо повелiваетъ намъ ищете рече и обрящете, просити и дастъ сѧ вамъ, толците и отверзетъ сѧ вамъ, сего ради помѧни сѧ о всенайсвѣтѣйшiи милостивыи отче, како самъ Богъ слезы Манасiины и Ниневитѧнъ покаанiѧ и Давидово сокрѹшенiе, и Ѳекiиново воздыханiе, Мариѣмъ Магдалыниинъ плачь, Петровы слезы, Хананеины Ѳроанки жены вернѹю молитвѹ разбоiническое исповѣданiе, Павлово обращенiе, и иныхъ безчисленно многихъ во гресѣхъ и лютыхъ недѹгъ слежащыхъ, во всѣхъ сихъ милостивне воспрiемъ и вскоре всѧ помилова Спасъ. Такожде и ты всенайсвѣтѣйшыи Отче прiими нынѣ наша молитвы, и подаждъ намъ здравiе болѧщимъ о немже тѧ молимъ. Христосъ сынъ Божiи сына вдовича и дщерь Iировѹ, ѹмершѹю ꙗко Богъ воскресилъ есть, Тыже ꙗко добрыи врачь, отъ него навченыи нынѣ насъ возведи отъ грѣховъ смертныхъ, болѧщыхъ ожыви и исцели. Тыбо еси пѹть и животъ всѣмъ христiанскимъ дш҃амъ, не токмо бо Богъ самъ сиѧ творѧ по Тавiѳѹ, тобѣ со престолнымъ Петромъ воскресивый, и Ѳутиха юношѹ ожiви падъшаго с высоти отъ трикровника долѹ, иже нынѣ тобою болѧщихъ насъ ѹзводитъ и ѹмершихъ грѣхми оживитъ, послѹшавъ тебе своего церковнаго, всенаiприемнѣишаго молебника, всѣко свѣмы, ꙗко ѹмрети ны есть, Богѹ тако изволившѹ: но на малое се времѧ милостивне к насъ Богъ, да пождетъ еще во благо,

да не оклеветаютъ насъ горѣдни, и дондеже не приспѣетъ вечерни часъ смертныи, насъ неготовы сѹща, и сего ради просимъ здравiѧ, пособствѹи и помагаи нашемѹ сирощтвѹ всемѹ наисвѣтѣишыи Отче и милостивыи пастырю и врачѹ. Тыбо вси времѧ и часъ, егда ѹмолити всемилостиваго Бога да подастъ намъ здравiе тобою, и прощенiе отъ всѧкаго грѣха и свое многое милосердное смилованiе, на спасенiе дш҃амъ нашымъ. Отче милостивыи врачѹ твоѧ преславнаѧ чѹдеса да и насъ достигнѹтъ нынѣ, бесы прожены, недѹги погѹби немощи ѹздрави, раны исцели, болезни ѹкрачѹи, отъ всѧкиѧ ꙁлобы спасы ны, печаль нашѹ преложы на радость, и всѣмъ тѧжкимъ недѹгамъ, бедамже и печалемъ и скорбемъ запрети, страшнымъ и великимъ именемъ Господнимъ ꙗко да к томѹ ѹже отъ селѧ ни коснѹтись насъ дерзнѹтъ, дондеже всемы к животѣ нашемъ. По ѥвангельскомѹ вѣрующы глаѳ, отъ твоеѧ свѧтости ищемъ милости, ꙗкоже и вышше сего писахомъ, просите бо рече и дастьсѧ вамъ, аще не за прошенiе, но за достѹженiе чаемъ прiати. Ꙗки она вдовица отъ сѹдiи, тако и мы предстоiмъе нынѣ, вѣрою тебе молимъ, ищемъ отъ тебе отвѣта милостиваго да речеши к намъ оно слово глаголюще: востаните и ходите, се ѹздравiете, ꙗко ѹже отъ васъ отъбеже болезнь, и печаль и воздыханiе и отатъ Господь всѣ слезы отъ лица вашего и благословенiе Господне к томѹ на васъ отъ нынѣ и до вѣка, и во вѣки вѣковъ жывотъ вѣчны вамъ даровалъ есть Богъ.

Къ темницы телесъ нашихъ дш҃а седмцаѧ и к темнихъ сѣни смертнаго мира сего содержымыѧ пришедъ к намъ дш҃хомъ посети и во печали нашеи окованныхъ нищетою и железомъ дш҃овне ѹтеши, ибо самъ Господь ꙗкоже вещаетъ великiи Петръ дш҃хомъ сошедъ, а не плотiю, к сѹщымъ въ темницы проповеда преставльшемсѧ иногда егда ожыдаши Божiе долготерпенiе во дни Ноевы, егда сѹдъ примѹтъ по человѣкѹ плотiю, но жывѹтже по Бозе дш҃хомъ. Таина сiи есть великаѧ, мыже своѧ словеса к тобе всенайсвѣтѣишы Отче, да послеши к намъ нѣкаѧ ѹтешителнаѧ словеса, отъ свѣтыхъ книгъ божественнаго писанiѧ сими ѹтишаѧ насъ глаголѧ: иже во ѹшахъ изидите, и иже во тмѣ открыетесѧ, и непросто тако, но и просвититесѧ, ꙗко лица ваша ѹже к томѹ не постыдатъ сѧ. Сиѧ намъ благовествѹи радость к темници седмцымъ да паки придемъ на первое блаженьство своего достоянiѧ раiского наслаждаютсѧ божественыѧ чести, ꙗже ѹмалени быхомъ нiчимъ отъ

127 29

аггелъ, а славою и честию оуже вѣнчанныхъ бывшихъ. Сиѧ всѧ погꙋбихомъ престꙋплениѧ ради праотцемъ нашымъ Ѧдамомъ и сего ради изъгнани быхомъ во тлю сѣни сеѧ смертныѧ, в мѣсто озлоблениѧ ко оудоль плачевнꙋ, намѣсте семъ идеже положени-есмы нынѣ, осꙋжденною облеченыи смертною кожею, иже есть темница горка дꙋшамъ нашимъ в неиже вси слежимъ изгнани сынове Евкины, алчꙋще и жаждꙋще и слезами сѧ обливающе, из глꙋбини дꙋша тѧжко воздыхающи къ милосердномꙋ Богꙋ кричаще, Господи изведи ис темници сеѧ дꙋша наша исповедатисѧ имени твоемꙋ свѧтомꙋ ожыдаютъ бо сего праведницы, дондеже воздасн намъ не по грѣхомъ нашымъ ани по беззакониемъ но по милости твоеи богатои, а ты всемилостивыи Отче допомози сего нам твоими светыми молитвами о насъ к Богꙋ, бꙋди мылосердыи ходатаи междꙋ Богомъ и нами человѣки, оумиряѧ миръ, оукротивѧ враждꙋ, ако да показнаѧ показнить насъ Господь смерти же не предастъ насъ до конца. Помани великаго чꙋдотворца Николаѧ, еже к жытии сыи, како в темници три мꙋжи избавилъ отъ смерти, не токмо сиѧ временыѧ но и оныѧ вѣчныѧ, оумоливъ оу Господа спасение и животъ вѣчны, и многимъ инымъ къ печалехъ и во бедахъ сꙋщымъ оутишытельныи отецъ бысть. Егоже преславнаѧ чꙋдеса, и в нашеи страны нынѣ обилно дѣютсѧ на многихъ мѣстехъ во свѧтыхъ церквахъ нашыхъ рꙋскихъ, подаваѧ всемъ исцелениѧ, и здравие комꙋждо на потребꙋ его, слепымъ прозрение хромымъ хождение, болящымъ здравие недꙋжнымъ исцеление, разслабленнымъ исправление, парализемъ забитымъ конечное прощение, мертвымъ воскресение, и всемъ кꙋпно радость и веселие, не токмо сие телесное но дꙋховное спасение, се намъ милостивыи Отецъ всегда дарꙋетъ, не срамлѧетъ сѧ нами ани церкви нашихъ гнꙋшаетъ сѧ к нихъ пребывати аще и рꙋскиѧ сꙋть оустав греческиї держащи, ибо и онъ гречинъ бе родомъ, и сего ради знаетъ свои, и свои емꙋ познаютъ его всѧ. Сего ради пансватѣишии отче милостивъ и ты бꙋди намъ, и помощникъ во скорбехъ оуветливъ бꙋди намъ, ако к тобѣ прибегаемъ, на четвероноснои божие носѧще, не отврати рабъ своихъ тощъ тобѣ во вѣрꙋемъ, великаго помощника имѣти и ходатаѧ израдна о насъ къ Богꙋ, ако да избавивши ноги наша на пꙋть смиренъ: во водѧ насъ паки во чꙋдныи его свѣтъ не мерцающии и въ незаходимыи, но присно сиѧющии блистаемыи не изреченною красотою и просвещениемъ славы божественнаго наслаждениѧ,

идеже вси праведнии веселѧтъсѧ отъ вѣка радованиемъ вѣчнымъ, ако извавление и благословение Господне на нихъ и веселие вѣчное надъ главою ихъ. Хвала и радование и веселие постигло ихъ ако к томꙋ оуже не оумрꙋтъ, и смерть имъ не одолеетъ, от неже бо отъ нихъ всѧка печаль и болезнь и воздыханїе. Тамо желаетъ и дꙋша наша вникнꙋти, идеже вси свѧтыи праведници почиваютъ, оу Ѧвраама, Исаака и Ꙗкова на лоне, ихъ же око не виде, ни оухо не слыша, ни на сердце человѣкꙋ не возыиде ѩже Богъ оуготова любѧщимъ его, сегоже да бꙋди и намъ полꙋчити благодатию и человѣколюбиемъ Господа нашего Исꙋсъ Христа, твоимъ всесвѧтымъ благословениемъ и молитвами и нынѣ и до вѣка, к ненощетным превѣчнимъ вѣки.... Ѧминь.

Во всихъ сихъ шестерыхъ добродителныхъ благословенныхъ дꙋховныхъ даровъ великихъ, щедрыи подавца и милостивыи податель бꙋди намъ отче всечестныи и всеванисвѧтѣишии Сиѣте четвероблаженныи тезоименитыи онымъ прежде тебе бывшихъ трехъ, самъ четвертое чысло сего имени на собе нынѣ обранъ носѧ. Четвероноснаѧ Херꙋвимскаѧ колесница божиѧ еже Езекиилъ виде на неиже ношашесѧ и опочиваетъ Дꙋхъ божыи всегда. Тыбо сии всеванисвѧтѣишыи Отче милостивыи о всихъ сихъ церковныхъ даровъ раздаватель, алчꙋщимъ питатель, жаждꙋщимъ напоитель, въ кодитель милостивыи к домъ, нагимъ покрыватель многоценными ризами, болящымъ врачь исъкꙋсъный и истинныи, въ темници и к оузахъ оутишытель и отецъ милосердныи. Странным всихъ всѧкъ, во всемъ быкаѧ, дакоѧ оутешыты да всѣхъ помилꙋеши, да оущедриши, да всѣхъ обдариши сихъ дꙋховныхъ деанни небеснаго дарованиѧ ѩкоже писание глаголетъ: блаженнее есть паче даѧти, нежели прыимати, того ради свойственно есть се кашеи свѧтости всѧ сиѧ дꙋховнаѧ подавати и намъ аки отъ отца оутишительнаго милостивѣ оусердиемъ любовнымъ приимати: понеже оубо нищыи есмы дꙋхомъ ѩко да наше царствие небесное бꙋдетъ, и сего со всякою кротостию ищемъ да наслѣдимъ землю онꙋ благꙋю, плачꙋщесѧ къ неи да тамо оутѣшены бꙋдемъ; алчꙋще и жаждꙋще правды Божыѧ, ѩко да ѥѧ насытимъ сѧ, милостию милости ищемъ да помиловании бꙋдемъ, вѣрꙋющимъ чистимъ сердцемъ Бога видети, сего ради и пишемъ мире и любве, всеванисвѣтѣишіе Епистолиї, ѩко да сынове божыи нареченъсѧ; терпѧ некое о части изгнание правды ради божыи да царствие небесное полꙋчимъ, и тако всегда стоѧще на сихъ осмерихъ свѧтихъ блаженныхъ

степенехъ, чаемъ полꙋчити осмого вѣка бꙋдꙋщаго, блаженное оупование воспоминающе въ собѣ всегда оныи гласъ блаженъныи, глаголющыи, блаженыи есте егда поносятъ вамъ и ижденꙋтъ вы лъжꙋще имене моего ради; радꙋитеся и веселитеся, ꙗко мꙁда ваша многа есть на небесѣхъ. Сиа всѧ дꙋховнаѧ словеса пишемъ къ вашеи все пренаисвятѣишеи Свѧтости, вѣдꙋще добрѣ, ꙗко всѧ премꙋдрости, и разꙋма глꙋбокихъ философѣскихъ оученіи, и свѧтаѧ свѧщеннаѧ божественнаѧ писанія богодꙋхновенныхъ богословныхъ книгъ, всѧ сиа Вашои великоразꙋмнои и все наисвѧтѣишои премꙋдрости ꙗве благоразꙋмна сꙋть, и всихъ всегда пребивающи всегда оумомъ твоимъ и остроꙋмнымъ разꙋмомъ зриши не изъреченънаѧ, ихъ же оумолчимъ оумъ человѣчь постигнꙋти не можетъ, ибо еси царское свѧщение ꙗзикъ свѧтъ свѧтельство блаженное, камень же живыи отъ Бога изъбранъ честенъ на немъже камени основалъ есть Христосъ церковъ свою, ениже врата адова не одолѣютъ. Того ради одеяние черъвленное отъ винограда косорѣска прообразꙋетъ ꙗко царскꙋю баграницꙋ отмщение победꙋ, Христовъ пленениѧ образъ вытажныи на собе носѧ тричастными коронами венчанъ на главе твоеи всесветои окрꙋженныи царскою дыядимою пресвѧтаго Дꙋха. Прообразꙋюще трисоставныи чинъ оныхъ небесныхъ оумовъ ограждаемыхъ ясно сиятельнымъ божественнымъ светомъ, всѧ сиа твоѧ все наипресвѧтѣишаѧ окрашенѧ. Свѧтительства твоего изряднаго отъ небесъ свыше истѣкана сꙋть, весь чинъ и образы в собе носѧ серафимскимъ лицемъ присно блистамся, и пламенно видным огнемъ Дꙋха свѧтаго всихъ согреваѧ оученіемъ твоимъ свѧтымъ, всихъ оумакъчиваѧ дꙋша ꙗки воскъ ꙗко да приймꙋтъ въображение печати, и надписание царское параклитова дарꙋ оутешителнаго Дꙋха, имꙋще имена написана на небесехъ въ книгахъ животныхъ.

О все пренаисветыи велико много премꙋдры свѧтоблаженныи Отче и намъ нѣкое оутешение милосердиѧ щедротъ подаждъ, и неленостенъ бꙋди к намъ отписати на сиї словеса, ꙗко да и мы видꙋще твоѧ всенаисвѧтеишаѧ некаѧ сладкаѧ и оутишителнаѧ словеса къ намъ писанаѧ кꙋпно возрадꙋемъ сѧ и возвеселимъсѧ дꙋшами полꙋчившими полꙋчивши желание свего хотенїѧ, во благодати сеи дꙋховнои. Обачеже ꙋдивлѧемъсѧ семꙋ великомꙋ и зѣло много томꙋ чꙋдимсѧ, ꙗко прежде сего малꙋ времени минꙋвшꙋ, послаша къ Вашои все наисвѧтѣишои Свѧтости отъ нашихъ странъ наши свѧтыи Отцы освященныи Епи-

129

скопы, таж и пренаимѣнешыѣ великославныи кнѧжата и вельможныи и многочестныи благородныи панове и вси благочестивыи нарочитыи мꙋжие написание нѣкоѣ благопотребно вашымъ Латъкатосомъ Антонiемъ именемъ, мꙋжемъ честнымъ и достойнымъ во свѧтости, егоже ваша пренаисвѧтѣишаѧ Свѧтость посласте к великомꙋ кнꙗзю Московскомꙋ дщерь царевꙋ въ бракъ емꙋ сочетавшы и сию емꙋ отъ себе честно посълавши и подавши, ꙗки милостивныи законнолюбезныи Отецъ. Но невѣми что к томъ есть, донесени ли бꙋдꙋтъ, таѧ писанія наша, предъ ваше свѧтительское всепренаисвѧтеишое лице, или нѣ. Да того ради много опечалихомъ сѧ на врема се помышлѧюще в собѣ: егда како не приятна бꙋдꙋтъ писанія наша предъ вашею свѧтынею, или ꙋзгорженнаѧ наша ꙋсерднаѧ чистаѧ любовь ꙗже исклонихомъ, отъ чиста сердца къ вашои наисвѧтѣишои Свѧтости чающе нѣкое ꙋтешителное отписание видети вашего свѧтительскаго благосердиѧ еже къ намъ, ꙋзѧви намъ се все наисвѧтеишыи Отче, коеѧ ради вины бысть се таковаго замедлениѧ дѣло, ꙗко неполꙋчити намъ желаемаго хотенїѧ отъ вашеѧ свѧтости. Вѣрꙋемъ бо мы вашои премꙋдрости, ꙗко ни едино отъ сихъ ваше нерадение некое на семъ познано бꙋдетъ въ насъ. но всѧ намъ сиа любовно отпишешы: ꙗки милостивыи Отецъ наше смиренїе и мирное желание вовсемъ напълнити, а не опечалишы нашихъ сердецъ ꙋже къ томꙋ болѣе, ибо милосердыи еси ꙋчитель и всеразꙋмныи Отецъ, вси ꙗко премꙋдростиею своею ꙗки оскорбленныхъ ꙋтешиши и печаль нашꙋ на радость преложишы, ꙗко да ꙗки кꙋпно вси возрадꙋемъсѧ и возвеселимсѧ о ꙋтѣшенїи твоемъ и ни единаго сꙋмнениѧ въ совестныхъ нашихъ къ семъ постражденъмъ к вашеи всенаисвѧтѣишои великомилостивои свѧтости. О отче пречестныи.

Но о семъ о всемъ слава ꙋже бꙋде во вишныхъ Богꙋ, ꙗко на земли миръ и благословение намъ человѣкомъ тобою даровасѧ, показꙋѧ во человецѣхъ благословение своеѧ благости, ꙗко да вси спасꙋтсѧ, и познаютъ его сꙋщаго истиннаго Бога давшаго тобѣ таинꙋ власть въ человѣцѣхъ предивнаѧ и великаѧ творитъ. Сего ради мы о толикихъ и тако великихъ твоихъ небесныхъ даровъ хвалимтѧ хвалимаго отъ всѣхъ человѣкъ, благословимтѧ благословеннаго отъ вышнаго Бога, кланаемъ ты сѧ, покланаемомꙋ отъ всего собора Христианьскаго, славословимтѧ разними словесы божественными ꙋблажающитѧ, благодаримъ тѧ великиѧ ради слави твоеѧ, ꙗже имашь свышше

отъ Бога велики архиерею Мелхиседече небесныи Отче дховныи, даровъ вседержителю. Сына единороднаго Господа Иеса Христа, единонравныи смѫ сѫжителю святыи, святаго Дха всесвятаа дше, отпѫщаи грѣхи миръ помиловаи насъ. Прощаи грѣхи всемѫ миръ приимы сиа молитвы наша седаи одесную престола славы величествию во церкви святеи, яко на небесѣхъ, паки глаголемъ помилуи насъ, и милостивъ бѫди намъ яко ты еси единъ святъ ты единъ Господь началныи отецъ всепресвятеишыи и многоблаженныи Сѫте, славою и честию отъ Бога Отца многопочтенъ сыи, паче всѣхъ земнородныхъ сыновъ человѣческихъ. Его ради хвалимъ и благословимъ. имя твое во вѣки, хваляще великаго Бога о несказанномъ его даре таковемъ сѫщимъ на тобѣ, имиже тя ѫблажилъ самъ велики мѫдрыи зиждитель единъ блаженныи, силныи царъ царъствующихъ и Господъ господствующихъ, единъ имыи безмертие, живыи во непристѫпномъ свѣти трисвѣтлаго Божества блистаемаго сиянии славы своеа всегда во премѫдрости, единосѫщныа и неразделимиа Троица, и отнюдъ никогда никомъ недоведомыа и неѕдобъ къ томѫ недомыслимыа, токъмо отъ оныхъ силъ небесныхъ ѫмовъ, в нихже и ты самъ жывеши всенавятѣиши Серафиме и комѫждо ихъ по мѣри просвѣщение божественное подаваетъ сѧ, в ныхъ же онъ непрестанно воспеваемыи, и славимыи и хваленыи есть Богъ, и отъ всѣхъ земнородныхъ родовъ величаемыи, и покланяемыи и благодаримыи, отъ всякаго дыханиа дивно ѫдивляемыи и воспѣваемыи и славимыи яко того есть единаго превѣчнаа слава, и честное веление и область и держава, яже еще прежде вѣкъ бѣ и нынѣ есть и еще бѫдетъ и пребѫдетъ и презбѫдетъ во безконечныа и неизчетныа превѣчныа вѣки. Ѧминь. Бѫдиже к томѫ благословение на насъ тобою все навятѣишии Отче, всегда нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Ѧминь: яко яви намъ сию милость свою, и спасение твое даждъ намъ отъ нынѣ и до вѣка паки три кратный Ѧминь. Честь святеи Троицы, яко да во всемъ славится три едино превѣчныи Богъ.

Писанъ ѫ Вилни в лѣто ѕ҃ѿ҃п҃д отъ перваго сотвореннаго Ѧдама. Подъ лѣты рождества Христова тисеча четыриста семъдесять шестого мѣсяца Марта ї҃д. дня индикта д҃.

Мисаилъ сващенныи епископъ Смоленьскыи електъ на митрополию Киевскаго престола и всеа Росиї.

130

Іwанъ Архимандритъ Лавры Печерскои въ wбители святыхъ богоносныхъ отецъ Антониа и Ѳеwдосиа.

Макариї Архимандритъ Виленъскиї wбители святыа живоначалныа Троици.

Князь Михаилъ братъ по плоти преществаго короля Полского Казимира Литовского и Рѕскаго пана.

Князь Ѳеwдоръ зъ Белое братъ великого князя Ѧндреа.

Князь Димитръ Ѧземски, сынъ князя Константина зъ Белое Рѕси.

Їwанъ Ходкевичъ наместникъ Витебскиї*) и маршалокъ вел. кнз. Литовскаго, въ воискахъ гетманъ найвышшыи.

Братъ его Павелъ наместникъ Каменецки.

Єкстафиї Василевичъ с Полоцка преволшиї въ боярехъ.

Романъ с Киева староста Пѕтивлскиї**).

Їwанъ с Киева строитель градски власти Троецкои и посолъ мирны к погаиомъ wѫтвержениї мира синовъ християнскихъ.

Ижѕбъ найвышшы писаръ Литовскиї и ключаръ Виленски послѫживыи к посланиї семъ.

Михаилъ Алеѯандровичъ з Загорова з земли Волынскои.

Выше приведены лица находятся подписаны на семъ посланіи, въ спискѣ тогоже сберегающемся въ музеумѣ заведенія Пропаганды въ Римѣ. Г. Кукулевичъ Сакчиньскій приводитъ еще изъ тогоже списка послѣ упомянутыхъ подписей слѣдующее означеніе мѣста и времени сего посланія:

Оѫ Вилни въ лѣто ѕѿцпд (6784) отъ перваго сотвореного Ѧдама. Подъ лети рождества 1476.

Въ другомъ спискѣ сего посланіа находящаемся въ Ватиканской библютецѣ между Словенскими рукописями N. XII, совсѣмъ нѣтъ приведенныхъ выше подписей при концѣ того посланія, но приводятся въ началѣ упомянутого посланія съ слѣдующимъ свидѣтельствомъ городского Виленского уряда съ 1605 года.

Посельство до Папежа Рымъскаго Єикъста четверътаго отъ дховеньства и княжатъ рѕскїхъ Вилни, рокѕ ѕаѳѳѕ мѣсяца

---

*) Arkiv za povjestnicu Jugoslavensku kn. IV. U Zagrebu 1857 стр. 375. I. Кукулевичъ Сакчинскій, читалъ вм. Витебскіи, Виленскій.

**) Кукулевичъ Сакчинскій и мой кописта читалъ ошибочно: Пустынскиі.

марта дї дня черезъ пословъ къ томъ же листе нижей меноканыхъ.

Лѣта божего нароженьа ҂ахѳ в середѹ мѣсяца Июня ѳ1. д.

Бѹрмистры и радъцы мѣста его королевъское милости виленьского, обоей стороны рымъсков и рѳсъкое, чинымъ шкъно всимъ вобецъ и кажъдомѹ зособъна комѹ о томъ ведати належитъ ижъ пришедъшы до ѹрадѹ местъского виленьского ратѹшъ, в бозе велебный вельможный, его милость отецъ Ипатей Потей, митрополитъ Киевъский, Галицъкий и всея Росии, владика Колодимеръскии и Берестейскии. Оказалъ естъ книгѹ знайденью в церъкви Кревъской,*) старосвецъкимъ писмомъ ѹставнымъ Словеньскимъ языкомъ писанью, инъ кварто инътроликгованью, вельми старью, в которой есть написанъ соборъ осмый Флоренътейскии, и листъ до свътейшаго отъца Сикеста четъверътого папы Рымъского писаный отъ митрополита Киевъского Мисаила и отъ аръхиманъдритовъ Печеръского и Виленьского. Такъже и отъ великихъ княжатъ, и панокъ рѳскихъ рокѹ по рожестве Христовомъ тисеча четыриста семъдесятъ шостомъ, который листъ, абы всимъ кѹ ведомости пришолъ, бачечы того быть потребѹ его милость ѹмыслилъ, здрѳкѹ на светъ по словеньскѹ и по польскѹ выдати. Якобы никъто спротивънымъ немогъ и не смелъ того мовити, и ѹдакати влюдехъ, жебы той листъ не с тое поменъное, вельми старое книги, але з новыхъ шкихъ екъземпларовъ здрѳкѹ на свѣтъ выданъ мѣлъ быти. Жадати его милость рачылъ, абы в той книзе ихъ милость панове бѹрмистрове, и радъцы и писары местские рѳки свои подъписали, и жебы оказанье тое книги на враде до книгъ местъкихъ радецъкихъ за писано было. Въ чомъ ѹрадъ видечы быти жаданье его милости слѹшное и потрѣбное, въ той книзе два панове бѹрмистри, а два панове радъцы, и два писары места Виленского радецъкие рѳки свои подъписали, и оказанье на враде тоей книги, до книгъ местъскихъ записати позъколили. С которыхъ и сеи выши съ подъпечатью местъскою радецъкою его милости есть выданъ.

Выпис с книгъ шляхетъныхъ пановъ бѹрмистровъ и радець места Виленского. Пречестъный в Бозе отецъ осьм-

*) Кревo мѣстечко Виленской губерніи Ошмянского уѣзда, былo нѣкогда столицею Кревского удѣльного княжества, одданного Гедиминомъ въ 1338 г. Ольгерду. Здѣсь былъ повѣшенъ знаменитый литовскій князь Кейстутъ честолюбивымъ своимъ племянникомъ Ягайломъ.

щеный епископъ Смоленьскии, Мисаилъ, выбраный електъ на митрополію Киевъского престола и всея Росии.

Честъный в законе отецъ Ионъ (Іоаннъ), архимандрытъ славъный лавры Печерскии в Киеве, во обытели святыхъ богоносныхъ Отецъ Янътония и Феодосия.

Достойный во благочестии сияющый честъный отецъ Макарии, аръхимандритъ Виленьскии обытели светыя жывоначальныя Троица.

Великославъное княжа шесне врожденъный Михаилъ братъ по плоти пресветълого короля польского князя Казимира Литовъского и рѳсского пана.

Благовѣрный князь Федоръ з Белое братъ во крове великого князя Янъдрея.

Благовѣрный князь Дмитръ Кземъский сынъ князя Конъстянътина з Белое Рѳси.

Благородный и великонарочытый в полате, Иванъ Ходъкевичъ наместникъ Витебъскии и маръшалокъ земъли вѣликого княжества Литовского къ войскахъ гетъманъ найвышшый.

Благородный братъ его панъ Павелъ, наместникъ Каменецъкии.

Благородъный панъ Евъстафии Васильевичъ, с Полоцъка, пребольшый в боярехъ.

Благородъный панъ Романъ с Киева староста Пѳтиикскіи.

Благородный братъ его панъ Иванъ с Киева, строитель градъскии Троецъкое власти, и посолъ миръный къ погановъ о ѹтверъжении мира хрестиньскихъ сыновъ.

Благораѳмный в законе божиемъ панъ Мѳѳкъ, найвышъшый писаръ великого княжества Литовского, и ключаръ Виленьскии послѹжывый къ посланию семъ.

Благородный панъ Михаилъ Алеѳанъдровичъ с Загорова честъный в боярехъ земъли Волыньское.

Благородъный братъ его панъ Янъдрей с Попортеи*) сынъ папа Алеѳандра подъскарѣвего.

Благородъный мѹжъ панъ Салътанъ Алеѳандръ великославъный рыцаръ божиа гробѹ, и ѹшъпаньски златого стры-

*) Попортье, Poporcie, у древнихъ нѣмецкихъ писателей Boparten, Poparteu, поблизъ лѣвого берега р. Виліи, нѣкогда крѣпость, двѣ мили отъ Кернова.

ха**) носитель подъскарѣвин великославнаго двор8 пресвѣтлого короля Казимира.

Благочестѣный свѣтлый въ божественѣныхъ писании книголюбецъ, кнр8 Иванъ, братъ ихъ юнѣйшый, выкранный нынѣ подъскарѣвимъ найкышъшымъ земъскимъ, великого кнмзъства Литовъского, послужывый керъне дѣхомъ къ посланни семъ.

Выше приведенное посланіе къ папѣ Сикету IV, напечаталъ я по списку находящемъся въ архивѣ Галицкои Митрополіи въ городѣ Львовѣ, составленномъ съ переводомъ паралелнымъ на латинскомъ языцѣ, лицемъ намъ неизвѣстнымъ, кажется въ самомъ городѣ Римѣ, въ намѣреніи обнародовлвнія тогоже печатью. Жаль только что сей списокъ неполный осмотренъ любопытнымъ введеніемъ на латинскомъ языцѣ, лишенъ заглавного листа, а перепищикъ его перекратилъ текстъ посланія на словахъ:

Нынѣже и мы того ради желаемъ всихъ сихъ шестерыхъ добродѣтельныхъ даровъ отъ вашое всеписканѣишое милосердное свѣтости, яки . . . Остальная часть сего посланія напечатана изъ списковъ тогоже посланія находящихся въ городѣ Римѣ, такъ въ Ватиканской библіотецѣ, якъ и въ архивѣ Пропаганды**) Упомянутое введеніе помѣщенное въ началѣ посланія къ папѣ Сикету IV, въ списку его находящемся въ галицко-митрополиталъномъ архивѣ, приводимъ здѣсь цѣликомъ, ибо оно обзнакомляетъ насъ съ другими словенскими рукописями сберегающимися въ Ватиканской библіотецѣ, и касающимися исторіи русской Церкви. Вотъ подлинный текстъ сего предисловія.

Praefatio. Antiquitatum studium quam Decorum sit et spectabile, solo rationis lumine viderint, qui in Antiquis munumentis et Tabulis inspiciunt exhibita, quae litteris jam pridem mandata vel diuturnitate abrasa, vel igne consumpta Historiae veteris ignorantia detinebantur: eaqne nostrorum temporum felicitate, ut ad uberiorem scientiam desiderata quaeque studiosa collectio reddiderit. Hinc Principiam cura in effodiendis antiquitatum documentis; indeque ingeniorum aemulatio in hauriendis ab illorum Fragmentis ipsis et frustulis quae vel Imperatorum et Clariorum Virorum gloriam referre sapiunt, vel Populorum bellicum robur, vel Nationum Pietatem et Religionem. Quid spectabilius

*) Aurei Velleris, Золото горуна. Стрыхъ вм. стрыгъ, стрига, стрыгуша, die Scherwolle. Руно, отъ рути, рвати, die Rupfwolle, слѣдовательно сначала рвали, потомъ стали стричи волну.

**) Не могу неизъявити на мѣстѣ томъ мое сердечное благодареніе преподобному іерею Ісидору Долницкому, учителю русскихъ воспитанниковъ въ греческой коллегіи Св. Аѳанасія въ Римѣ, за ласкавое доставленіе мнѣ недостающей части сего посланія къ папѣ Сикету.

1323

viennensi Bibliotheca? Quid splendidius Petropolitano Museo, Imperiali studio et cura in dies aucto et coaugmentato? Quid clarius aut plenius Romana Urbe Antiquitatibus celebrioribus redundante. in ea sane quae omnia sunt elapsorum temporum, velut radii solis in Luna, plena ubereque nitore refulgent. Quae autem in Vaticano servata custodit, qua ratione pensanda, qua aestimatione, quo praetio? Haec inter Monumenta vetustissima extant Summorum Pontificum cura collecta quae veram Catholicam fidem a Primaevis aere Xristianae temporibus ad nostra haec: a solis ortu ad occasum usque perductam patefaciunt et exprimunt. Spectabilia sane in Numismatibus, Iconibus vel pictis vel eburneis sculptis Tabulis Xristi Domini mysteria, Beatissimae Virginis Mariae celebriora omnia quae festive laeta veneratur ecclesia Sanctorumque gesta, in his: temporum serie disposita Monumenta celeberrima sunt, queis etiam Ruthenorum Catholica fides, et Religio sub ipso Ecclesiae mane susceptа, subindeque illius visibili Capiti Romano Pontifici adhaesione et subjectione, servata adpraesens usque solo oculorum intuitu ostendatur et patefiat. Quod certe ab uno ex manuscriptis probatum remanet celeberrimo opere Illyrica Cirilliana lingua conscripto ab Isidoro Rutheno; qui Catholica Dogmata omnia collecta ab actis Concilii Florentini cui interfuit sub Eugenio IV anno 1439, ad Illyros, Germanos, Hungaros, Polonos et Russos Apostolica legatione traduxit ut eos in Xristi vera fide perficeret, et solidaret, sub indeque promerito S. E. R. Cardinalis creatus. Quos autem fructus legatio ista produxerit Religionis et obsequii S. R. Catholicae Fidei, demonstrat celeberrima haec Epistola Synodica sub Metropolitano Misaele, Macario Abbate Vilnense, aliisque missa, in qua principaliter Magni Iubilei participationem pro Russica gente humillime postulant a Sixto IV. P. P. Maximo. Alia sane catholicae Ruthenorum Fidei Romanoque Pontifici Reverentiae, ea sunt testimonia quae Apostolico firmentur oraculo et laudibus exaltentur in Bulla Benedicti XIV in qua Concilii Kijoviensis celebrati a Ruthenis contra errores Photii Historiolam Compendio refert: Anno 1744 die 2 Maij-Inter plures-. Integerrima fides quae in ipsis contradictionum tenebris effulsit, et Moschovitici Imperij Potestate pressa vegetior evasit: tantoque Spiritus aestu est postremus Patriarcha Moscoviae ab Antiocheno Schismatico sua sede depositus; veram Catholicam Potestatem agnoscens: Romanum Pontificem appellarit. His autem aliisque silentio relictis, ad ea, quae meis muneris sunt, totum me convertam quaeque omnia propositam veritatem probantia in Vaticana Bibliotheca et Musaeo Xristiano collecta sunt descriptione proferam; hijsque appositos characteres Illyricos ad communem intelligentiam latino sermone tra-

ducam. Quid de uno quoque sentiam adiciam, cumque sese obtulerit occasio; unius vel alterius notitiam non praetermittam. Epistolam citatam missam a Synodo P. M. Sixto IV exhibeam, et Florentinam Concilii historiam tam apocriphan qua Schismatici utuntur, quam veram prelaudati Cardinalis tempore conscriptam cum ceteris Illius Epistolis enciclicis, et Sermonibus ad laudem Principum Apostolorum et aliorum Sanctorum habitis et ineditis. Hoc itaque quod Tibi Protector Singularissime hujusque mei Officij auctor Illme et Rndme Domine obsequenti animo praebeo frustulum operis, Animi Tui benignitate suscipe.*)

Такимъ образомъ неизвѣстному издателю не посчастилось обнародовити печатію свое сочиненіе, которое почти на половинѣ посланія къ папѣ Сиксту, якимъ то важнымъ препятствіемъ прекратилось въ рукописи тогоже приготовляемой уже къ печати. Судя по выше приведенному предисловію, кажется, что сочинителю его не было извѣстнымъ, что онъ занимается уже вторичнымъ изданіемъ сего посланія къ папѣ Сиксту IV. Подобная неизвѣстность о первомъ изданіи тогоже посланія свидѣтельствуетъ о великой рѣдкости его уже въ XVIII. вѣцѣ. Оно было печатью издано въ Вилнѣ въ типографіи у Мамоничей Ипатіемъ Потіемъ на словенскомъ и польскомъ языкахъ въ 1605 году**). О немъ говоритъ

*) Изъ послѣднихъ словъ сего введенія явствуетъ, что неизвѣстный сочинитель его былъ къ изданіи посланія Митрополита Мисаила къ Папѣ Сиксту IV. завозванъ нѣкимъ святителемъ, судя по титулѣ томуже соотвѣтномъ, и кажется что такъ неизвѣстный сочинитель сего предисловія, знатокъ словенского языка, якъ и догадочный святитель, интересованъ словенскими письменными памятниками, были безъ сомнѣнія Русскими. Сама рукопись писана въ листъ, на 25. л. бѣлорусскою скорописью по формѣ буквъ и сокращеній, приноровлена древнѣйшему подлинику ея: въ бѣлой бумазѣ виденъ водяный знакъ представляющій на одной части листа обикновеннымъ способомъ папскія знамена съ гербомъ въ серединѣ современного римского папы, на другои подъ крестикомъ чтутся буквы: A. M. G. Serafin Fabrian съ очертаніемъ въ видѣ герба. Переводъ русского текста на латинскомъ языцѣ, весьма удачный свидѣтельствуетъ о богословскомъ знаніи сочинителя, которымъ, по моему мнѣнію, кажется быти извѣстный писатель Игнатій Кулчинскій монахъ чину Св. Василія, настоятель бывшего греч. кат. монастыря Св. Сергія и Вакха въ Римѣ. Неполная рукопись былабы автографомъ И. Кульчинского, быти можетъ недокончена для послѣдовавшей тогоже кончины 1741 года. I. Kulczyński Specimen ecclesiae Ruthenae edit. Parisiensis, pag. XVII.

**) Подаемъ извѣстіе о той книзѣ по словамъ М. Вишневского (Hist. literat. Polsk. T. VIII Krakow 1851 стр. 313) подающого польское заглавіе ея: Poselstwo do Papieża Rzymskiego Sixta III. od Duchowieństwa y od książąt y Panów Ruskich w r. 1476. w Wilnie z drukarnie domu Mamoniczów 1605. 4. Kart. niel. 43.

133

Ипат. Потѣй въ своемъ сочиненіи: O przywilejach nadanych od Najjaś. królow Polskich.... ktore S. Unią wielce zalecają y potwierdzają. Также Іоаннъ Дубовичъ въ книзѣ: Hierarchia albo o zwierzchnośći, w cerkwi bożej, Lwów 1844 стр. 182. Kojałowicz Miscel. p. 245. Наконецъ М. Смотрискій въ своей Апологіи пишетъ объ открытіи сего посланія что cero przepis po naleziony w Krewie, naleziony był w cerkwie sioła Wielboyna pod Ostrogiem, pisma starego, molem juz niemal w pół obiadły. O czym powiadał, który go tam był z trafunku znalazł, nieboszczyk Alexander Putyatycki, wielu nam znajomy. Всѣ великорусскіе библіографы толкуя о сочиненіяхъ печатанныхъ на Руси, оставляютъ, страннымъ образомъ, всѣ русскія книги изданныя Уніятами хотя о другихъ подробно говорятъ, слѣдовательно ничего не упоминаютъ о семъ изданіи посланія къ папѣ Сиксту. Подобное умолчиваніе въ богословскихъ книгахъ по разности вѣроисповѣданій допустительное, есть въ библіографическихъ сочиненіяхъ совсѣмъ неумѣстное и свидѣтельствуетъ о нѣкомъ родѣ литературного фанатизма, отъ которого просвѣщена Европа освободилась. Великорусскіе библіографы кажется будто бы не хотѣли вѣдати о томъ, что религійнообрядовая борьба возникшая на югѣ Руси, со временъ флорентійского собора съ пріѣздомъ оттуда митрополита Исидора на Русь, пособствовала своими полемическими сочиненіями возрожденію русского литературнаго языка, которымъ потомъ обогатѣла и сѣверная Русь, ибо въ Московскомъ государствѣ русскій языкъ не имѣлъ ни литературы ни грамматки.*) Дѣлая дальше наши замѣчанія на сіе любопытное соборное посланіе Литовской Руси къ папѣ Сиксту, оставляемъ тогоже подробный разборъ по части догматической нашимъ богословамъ, но обращаемъ здѣсь во первыхъ вниманіе любителей древняго русского слова, на русскій текстъ посланія, который сохранили мы неизмѣнно, также правописаніе и знаки препинанія его: но о сколько тоеже сдѣлано было первымъ издателемъ сего посланія, за неимѣніемъ екземплара перваго изданія рѣшити намъ въ сію пору невозможно. Къ нарѣчевымъ особенностямъ языка, то есть бѣлорусского выговора, надо отнести употребленіе буквы є вм. ѣ, къ нарѣчевымъ же обмолвкамъ слова: слонце, матка, стрыхъ, тежь, смилованіе, вм. солнце, матерь, стригъ, тожь, помилованіе. Изъ неудобопонимаемыхъ нынѣ словъ встрѣчающихся въ семъ посланіи суть слова: истъкмѣти compararе, compingere, составити, сладити; прерутити (кричаніемъ), отъ рутити, рютити

*) Съ сего времени взялъ свое начало польскій книжный языкъ, къ образованію котораго причинились по большой части русскіе писатели употребляя польского языка въ своихъ полемическихъ сочиненіяхъ.

agitare, польск. rzucić, przerzucić: напротивъ рютити (отъ рути rugire) тоже что сичати, sibilare*) сопль tibia, сопѣлка, свирѣль. На четвероносной божие носяще, въ переводѣ латинскомъ гласитъ: in quadrigis et lecticis munus gloriae Dei ferentes. (См. Исаія 66, 20.); гранесловіе, ἀκροστιχίς, versificatio.

Панъ, панствъ, Францишка вм. Франциска,**) надо отнести къ полонизмамъ втиснувшимся въ текстъ сего посланія, въ многихъ мѣстахъ смысломъ темный для весьма напыщенного слога своего. Мисаилъ епископъ Смоленскій титулуетъ себе електомъ на митрополію Кіевского престола и всея Росіи, нашъ народъ въ посланіи именуется: великородный и многій Словенскій языкъ; намъ сущимъ россійскимъ Словяномъ; сыновымъ свѣтло російскія чреды; на сѣверныхъ странахъ въ градѣ свѣтле російскія чреды; російскіи сыны.... Сообразивши тое обстоятельство, что кіевскій митрополитъ Исидоръ съ 1439 года сталъ первый именовати митрополитомъ Кіевскимъ и „всея Росеи“, хотя уже митрополитъ Григорій Самвлакъ (Семивлахъ) называется въ сочиненіяхъ его Григоріемъ Росскимъ, а въ издаваемомъ нами посланіи къ папѣ Сикству, самъ Мисаилъ титулуетъ себе електомъ Митрополіи кіевского престола и всея Росіи, народъ же нашъ названъ россійскимъ, якъ и въ послѣдствіи въ книжномъ слозѣ непереставалъ себе называти, для того — на основаніи приведенныхъ данныхъ заключаемъ, что названіе земли русской Росіею, народа же русского, россійскимъ возникло и выобразовалось нашею церковною іерархіею южной Руси, отъ которой оно заимствованно сѣверною Русію и до сихъ поръ нею употребляется.***) Пора была бы уже оставити сей Греками испорченный выговоръ имени Русь, и именоватись правильно такъ, якъ древнѣйшія отечественныя памятники и самъ нашъ простый народъ себе именуетъ, ибо не знати своего родового имени и употребляти чудовищныя формы Россія, Россіянинъ, россійскій, есть большій грѣхъ противо своей исторіи и граматицѣ.

*) Кричаниемъ прерутивъ — въ латинскомъ переводѣ гласитъ: Rumore enim perterritos....

**) Папа Сикстъ IV. былъ генераломъ Францисканского ордена, избранъ въ достоинство папы 9. Сентября 1471 года, скончался 12. Августа 1484 года.

***) Митрополиты Исидоръ и Григорій Самвлакъ, первый изъ нихъ кажется происхожденіемъ Болгаринъ, другій родомъ Сербъ, родной племянникъ митрополита Кипріана, оставивъ домашный корень Русь, придержась греческого выговора того же слова — Росъ, стали писатись митрополитами всея Росіи вм. Руси, отчего потомъ произошло россійскій, Россіянинъ, которими именами польскіе ултрасы подъ предводительствомъ малоруса Духинского, поступившаго въ польскую службу, надѣлали нынѣ много пустаго шуму.

134

Мисаилъ епископъ Смоленскій (1454 — 1474 г.) происходилъ изъ рода князей Петруговъ или Петруцкихъ, которымъ въ XV. вѣцѣ принадлежалъ городъ Черея, въ воеводствѣ Витебскомъ, повѣтѣ Оршянскомъ, гдѣ Мисаилъ основалъ церковь св. Троицы съ монастыремъ чину св. Василія В., въ которомъ сберегается древній портретъ сего митрополита. Starożyt. Polsk. i w. x. Litew. Balinskiego i Lipinsk. Warszawa 1858 III. стр. 717—718. Земныя имѣнія князей Петруговъ перешли въ домъ Сопежковъ, Сопеговъ (нынѣ сполскорусска названныхъ Sapiehow), для того древняя рукопись заключающая въ себѣ родословную рода Сопеговъ, выставляетъ сего Мисаила подъ именемъ его мірскимъ Михаила яко родоначальника рода Сопеговъ (Błcт. запад. Россіи Вильно 1864 стр. 186). Митрополитъ Мисаилъ упоминается въ жалованной грамотѣ короля Баторія 1578 данной его потомку, подляшскому воеводичу Ивану Сопѣзѣ, на право подаванія (jus patronatus) Черейского монастыря, основанного Смоленскимъ епископомъ Мисаиломъ, который Троицкій монастыръ записалъ онъ „въ опеку, въ оборону и въ подаванье зятю своему пану Богдану Сопѣзѣ, женѣ его, а братаннѣ своей, дѣтемъ и наслѣдкомъ ихъ“. Акт. Зап. Росс. III. Ч. 101.

Изъ подписей посланія къ папѣ Сикству, увѣдуемъ о княжескихъ и большихъ дворянскихъ родахъ остающихся при русской народности и послѣдующихъ еще греческому вѣроисповѣданію. Князь Михаилъ братъ по плоти короля польского Казимира, былъ кажется князь Михаилъ Олелковичъ, стятъ приказомъ тогоже короля 1481 года 30 Августа (Кіевск. лѣт.). Князь Ѳеодоръ Ивановичъ Бѣлскій, правнукъ Ольгерда, оставилъ съ братомъ Андреемъ въ 1482 Литву, за короля Казиміра Ягайловича, и бѣжалъ въ Москву, куда отошли также князи Вяземскіе. Іоанъ братъ Александра Солтана, постриженъ въ чинъ монашескій подъ именемъ Іосифа, былъ потомъ Смоленскимъ епископомъ, наконецъ вел. княземъ Литовскимъ Александромъ избранъ въ достоиство кіевского митрополита съ предоставленіемъ ему Смоленской епископіи 1498 года. Архимандритъ печерской Лавры Іоаннъ, былъ того имени вторый, при немъ 1470 года княземъ и намѣстникомъ кіевскимъ Симеономъ Александровичемъ (Олелковичемъ братомъ выше упомянутаго Михаила) построена на прежнемъ основаніи и возобновлена великая Печерская церковь. А въ 1471 году, по кончинѣ сего князя, Кіевъ польскимъ королемъ Казиміромъ обращенъ въ воеводскій городъ.

Наконецъ спроситъ критическій читатель, что подало поводъ Литовской Руси къ такому посланію къ римскому престолу, и вѣнчалось ли посланіе ихъ желаемымъ успѣхомъ? На предположены вопросы съ помощію современной исторіи и доступныхъ намъ источниковъ въ кратцѣ отвѣчаемъ, что главнымъ поводомъ для первосвятителей русской церкви сближенія съ Римомъ была большая латинизація ихъ духовной паствы на Литвѣ съ послѣдовавшимъ перекрещеніемъ великого князя Литовскога Ягайла — Якова, яко короля польского на латинскій обрядъ подъ именемъ Владислава, который съ двоюроднымъ братомъ своимъ Витовтомъ, также измѣнившимъ свой греческій обрядъ, назначены были папою Мартиномъ IV. Намѣстниками римского папы (vicarii Pontificis Romani in temporalibus) якъ тотъ же папа пишетъ: pro tutela et incremento orthodoxae fidei et conversione infidelium quorumcumque ad ovile dominicum, unione orientalis Ecclesiae ad veritatem et integritatem catholicae et apostolicae, sacrosanctae et universalis Ecclesiae, ut fiat, tuo (Wladislai regis) cooperante regali ministerio, ovile unum et pastor unus....*). По той причинѣ князь Витовтъ избралъ для литовской Руси отдѣлного митрополита отъ прочей Руси въ лицѣ Григорія Самвлаха (1414), и однажды томуже Григорію обратившемуся къ нему съ вопросомъ: „за чѣмъ бы онъ, князь, держался вѣры латинской, а не греческой“ отвѣтилъ, что если онъ, Митрополитъ, желаетъ видѣти не только его одного, но и всѣхъ людей земли его въ греческой вѣрѣ, то да отправится въ Римъ и состязается съ папою и его мудрецами. Когда побѣдитъ ихъ, всѣ пріймутъ греческій законъ и обычай, въ противномъ же разѣ, онъ Витовтъ всѣхъ своихъ подданныхъ греческой вѣры обратитъ къ латинской. Витовтъ въ самомъ дѣлѣ послалъ Григорія съ своими боярами къ папѣ, на Констанскій соборъ, гдѣ прибылъ онъ уже къ концу соборныхъ засѣданій 18. февраля 1418 года. Въ то самое время явились на Соборѣ и послы греческаго императора Мануила, для начатія сношеній съ римскимъ престоломъ о соединеніи церквей. Оба посольства были приняты въ Констанціи торжественно, и когда на соборѣ о соединеніи церквей вовсе неразсуждали, то митрополитъ Григорій въ сентябрѣ 1419 возвратился ни съ чѣмъ въ Литву и зимою тогоже года скончался въ Кіевѣ. Первый изъ русскихъ митрополитовъ Исидоръ, отправившись на Фераро-Флорентійскій соборъ, принялъ тамъ Унію съ римскою церковію, но не былъ принятъ на Руси и отъѣхалъ въ Римъ (1442). Съ большимъ душевнымъ прискорбіемъ были принуждены русскіе святители смотрить на умаленіе своей духовной паствы, видя развивающуюся си-

*) Datum Constantiae tertio idus Martii, pontificatus nostri anno primo 1418.

135

стематическую пропаганду латинской іерархіи съ помощью многочисленныхъ монашескихъ орденовъ, при енергическомъ пособствованіи польского правительства, которого задачью стало быти опольщеніе литовской Руси, чтобы таяже посредствомъ своего духовенства и богатыхъ дворянъ не вступила въ связь съ сѣверную Русью. По той причинѣ для удержанія сильного напора латинизаціи и опольщенія Руси, уже сами русскіе святители и русскіе князья старались вступити въ сношенія съ римскимъ престоломъ, чтобы тотъже, якъ пишется въ посланіи къ папѣ Сикту, опредѣлилъ изъ своей стороны двухъ святителей, одного греческого другого латинского обряда, къ росмотренію злоупотребленій господствующихъ на Руси, которую латинское духовенство, будто по приказу папы снова перекрещиваетъ въ свой обрядъ, понижаетъ обрядъ греческій, сѣетъ раздоръ посреды крещеной правовѣрной Руси, въ большій ущербъ и ослабленіе христіянства, а въ пользу сусѣдняго поганства — Татаръ и Турковъ. Лучшой способностью къ такому сближенію Руси съ Римомъ и наоборотъ послужило слѣдующее обстоятельство. Андрей Палеологъ, Пелопонезскій деспотъ и племянникъ послѣдняго византійского Императора, отступилъ свое право на престолъ царегредскій въ 1494 году Карлу королю французскому, послѣ отказа того-же Фердинанду и Изабели Ишпанской (1498). Изъ двухъ сестеръ тогоже скончалась одна въ монастырѣ (1474), другую, по имени Софію выдалъ папа Сикстъ IV. (1472) за великого русского князя Ивана III. Василевича, который тѣмъ же пришелъ въ посѣданіе наслѣдственного права на Византійскій престолъ, а римскій первосвятитель надѣялся соединити съ своемъ престоломъ Русь сѣверную, и помочью тояже изгнати Магомета изъ Цареграда*). Въ такомъ то намѣреніи папа, выслалъ былъ въ Москву съ Софіею своего легата Антонія, о которомъ въ нашемъ посланіи къ папѣ Сикту IV. упоминается, на руки которого Литовскорусскіе святители, князи и бояре отправили свое первое посланіе къ панѣ Сикту, но оставшееся безъ всякого отвѣта. О томъ самомъ римскомъ легатѣ говоритъ современный польскій историкъ I. Длугошъ (Histor. Pol. XIII. p. 509) подъ 1474 годомъ, называя его Венеціаномъ, который

*) Кранцъ Vandalia p. 497. „Ea quoque spes fovebat Pontificem Sixtum, quod inclinaret maritum puella ad suscipiendos ritus ecclesiae Romanae (якъ Ядвига Ягайла), in quibus ea fuerat educata apud sedem apostolicam. Sed concessit illa, nollens volensque, in ritus Russorum, in quibus et pater eius vicitabat. Такъ неисполнилось намѣреніе кардинала Виссаріона, того, который такъ горячо дѣйствововалъ въ пользу Уніи во Флоренціи, а теперь предложилъ панѣ другой способъ практикованъ на литовской Руси, пріобрѣсть власть надъ Россіею.

посланъ былъ въ Москву „quaedam negotia summi Pontificis illic apud principem Moscoviae acturus. По всей вѣроятности, подобно первому и разбираемое нами другое посланіе русского духовенства и дворянъ осталось не выслуханое, ибо прекратити такъ сильно начатую систематически обдуманную латинизацію литовской Руси и тѣмъ же опольщеніе ея, не было въ интересѣ государственномъ Польщи, ни даже латинского духовенства ревнующого съ большою пользую въ миссіонерскомъ дѣлѣ на крещенной уже Руси*). Впрочемъ, что касается прошенія о надѣленіи русской церкви ювилеомъ т. е. милостивымъ лѣтомъ, то къ таковому прошенію могло подати поводъ папою Сикстомъ IV. въ 1476 году изданное повелѣніе празднованія по всемъ католическомъ мірѣ памяти непорочного Зачатія Пресв. Богородицы, при чемъ надѣленныи были правовѣрнымъ большіи отпусты: относительно же великого ювилея было еще попередникомъ сего папы, Павломъ II, въ 1.470 году постановлено, чтобы тотже ювилей въ каждое 25 лѣто непремѣнно совершался. При всемъ томъ, чтобы не было, изданное мною вторично посланіе литовскорусского Духовенства и мірянъ останется важнымъ историческимъ письменнымъ памятникомъ, свидѣтельствующимъ объ отношеніяхъ южно-русской церкви къ римскому престолу, о возникшихъ столкновеніяхъ греческого и латинского обрядовъ**), не менѣе же о умственно-богословскомъ и языкословномъ образованіи литовской Руси съ концемъ XV. вѣка.

А. С. Пешрушевичъ.

*) Августинъ Тайнеръ въ сочиненіи своемъ Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae gentiumque finitimarum historiam illustrantia Romae 1860 T. II. не приводитъ со временъ папы Сикста IV. жадного письменного памятника относящагося къ нашему предмету, чего не оставилъ бы онъ сдѣлати, еслибы въ томъ дѣлѣ престолъ Римскій заблагоразсудилъ что нибудь обнародовити, особенноже, что около сего времени въ томъ же сочиненіи упоминается даже о маловажныхъ рѣшеніяхъ римского престола якъ на примѣръ: Подъ 1474 г. папа Сикстъ IV. сонзваляетъ Paulo de Cizuva(?) clerico Ruthenico Kioviensis dioecesis, ut sacramenta ecclesiatica per sacerdotem latinum sibi ministrari possint. N. 221 p. 179. Быти можетъ, что все дѣло кончилось на данной авдіенціи папою Сикстомъ IV. русскимъ вельможамъ прибывшимъ въ Римъ съ симъ посланіемъ, хотя впрочемъ не имѣемъ посторонныхъ доказательствъ, чтобы тѣже вельможи въ самомъ дѣлѣ были въ Римѣ для исполненія порученного имъ посольства. Впрочемъ Ватиканскій списокъ сего посланія не есть подлинникомъ его, которого подлиника спискомъ кажется быти рукопись находящаяся въ Пропагандѣ.

**) См. Въ Галицкомъ истор. сборницѣ Львовъ. 1860 выпускъ III. въ томъ взглядѣ написанное мною стр. 34 и слѣд., въ статьи: О соборной Богородичной церквѣ и святителяхъ въ Галичѣ §. 9.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ:

Стр 224. спасенне божые, чит. спасение божые; Бвгъ, чйт. Богъ; стр. 225. прознаменамъ чит. прознаменанъ; никарни чит. викарни; гонибъ чит. гонивъ; стр. 226 роди чит. ради; стр. 227. рзди чит. ради; стр. 228. якожь чит. якоже; лыбви чит. любви; 237. к сие чит. в сие; 238. въ в домъ чит. в домъ.

136

ОТЧЕТЪ

комиссіи предстоящой дѣламъ русского Института „Народного Дома во Львовѣ"

за 1868 годъ.

Подаючи до всеобщого извѣстія сей росчетъ касы Института „Народного Дома" за г. 1868, почитае комиссія управляющая дѣлами того Института въ должность собѣ прибавити слѣдующіи поясненія:

1. Большіи въ I. отдѣленію буква Б. подъ ЧЧ. 16, 17 и 18 выказаныи выдатки, не суть на истинѣ убыткомъ институтского имѣнія, но перемѣною капитала на реальности; о сколько бо долгу тяжащого на тѣхъ реальностяхъ сплачуеся, або выложеннымъ на улучшеніе накладомъ цѣна ихъ подносится, о только богатѣе институтское имѣніе въ нихъ.

Не буде прото дивно, если при такъ богатомъ, въ I. отд. бук. А. выказанномъ рочномъ приходѣ, на конци показуеся сорозмѣрно дуже малый остатокъ въ кассѣ Института, якъ въ кредитномъ веществѣ такъ и въ наличныхъ грошехъ. За тое сума 53310 зл. 30 кр. выказана въ росчетѣ за г. 1867 тяжащою на реальностяхъ Института долгу, уменьшилася съ концемъ 1868 на 42976 зл. 83 кр. Тѣмъ чиномъ умножилося истое имѣніе Института въ реальностяхъ о 10333 зл. 47 кр.

2. Выказанная въ I. отдѣлѣ бук. А. подъ Ч. 3. цифра доброохотныхъ подаяній на „Народный Домъ" и „вторую городскую Церковь" во Львовѣ, собираныхъ въ русскихъ приходахъ, если меньша троха въ сличенію съ прошедшимъ 1867 годомъ, все такой стоитъ явнымъ неоспорнымъ доказательствомъ всенародного соучастія и неуставаемого содѣйствія въ народномъ почувствію. Объявъ утѣшительный тѣмъ больше, чѣмъ дальше складки тіи рядомъ лѣтъ больше продолжаются и чѣмъ меньше было въ сіе время побужденія до того отъ комиссіи приощадѣвающой щедрости народного жертволюбія до охотнѣйшихъ складокъ на построеніе второй город-

ской церкви, которое необходимо вскорѣ начнется, по обовязанности высказанной въ отчетѣ за годъ 1867.

3. Большое розличіе заходитъ въ приходахъ случайныхъ въ сличенію съ приходами того рода за годъ прошедшій 1867; но прото самое, що суть случайны, не буде дивно, если годъ 1868 былъ меньше счастливымъ якъ прошедшій.

4. Цифра прихода выказана подъ Ч. 8. 5% отсотковъ русскихъ полицъ застереженій на случай огня, вплаченныхъ 1868 г. до касы „Народного Дома“ заступничествомъ Тріестиньского общества „Аціенда Асікуратріце“ по обовязанности помянутымъ обществомъ доброохотно пріятымъ, цифру сего прихода за прошедшій годъ о 58 зл. 61 кр. перевысшае.

Подносимъ тое не яко значительное розличіе, но яко утѣшительный объявъ въ народѣ добре понятой корысти такихъ заведеній и розумное вызысканіе ихъ застереженіемъ имѣнія отъ пригоды огня.

Ту примѣтити приходитъ, що и Пештянское того рода общество заявило самоохотное умышленіе свое подавати въ корысть „Народного Дома“ 5% отъ русскихъ полицъ застереженныхъ тамъ капиталовъ на случай огня, и внесло на дѣлъ до касы Института датокъ по времени выказанный подъ Ч. 9.

5. Въ предлежащомъ росчетѣ приходятъ по первый разъ пожитки и выдатки обохъ, на Институтъ закупленныхъ камяницъ.

Доселѣ уважала комиссія тое излишнымъ, не побираючи ніякихъ корыстей изъ нихъ; всѣ бо пожитки ихъ не покрывали выдатковъ на утриманье ихъ въ ладу, на податки, на отсотки капиталовъ занятыхъ на купленіе ихъ и оплаты аннуитетовъ тяжащихъ давнѣйшихъ займовъ, протое изъ другихъ приходовъ Института докладати треба было. Нынѣ состояніе тое що-до камяниць измѣнилося на корыстнѣйше, понеже по оплатѣ значительной части долгу покрываются выдатки приходами ихъ и еще що-то на сплату капиталовъ остаеся.

Не такъ корыстно стоитъ нынѣ имѣніе Бѣлка и Костеневъ; однакожь оно съ каждымъ годомъ больше очищаеся и устрояеся на лучшое въ пожитокъ.

137

Предкладаючи сей росчетъ до общого извѣстія, не оставляе комиссія управляющая дѣлами „Народного Дома“ объявити искреннее благодареніе всѣмъ благоприклоннымъ соучастникамъ въ выказанныхъ поданіяхъ, а именно Всепочт. настоятелямъ духовныхъ намѣстничествъ и всечест. неутомимымъ прилѣжно потрудившимся настоятелямъ церквей обохъ епархій за всякіи высчетанныи, по большой части отъ своего принесенныи поданія.

Впрочемъ уповаючи крѣпко на Всевышняго, дѣйствующаго въ насъ и еже хотѣти и еже дѣлати, живетъ комиссія въ томъ увѣренію, що народное дѣло сіе сподобится тѣмъ большого уважанія въ русскомъ народѣ и благосклонного содѣйствія, чѣмъ больше успѣвати и розвиватися буде въ славу и честь русскому имени.

Отъ комиссіи Народного Дома.

Во Львовѣ дня 13. Января 1870.

I. Кульчицкій.

138

I. ВСЕРОЧНЫЙ РОСЧЕТЪ

кассы института „Русскій народный Домъ“ во Львовѣ за годъ 1868.

Сослѣдующе число	А. ПРИХОДЫ.	цѣнныи паперы zr.	цѣнныи паперы kr.	наличныи гроши zr.	наличныи гроши kr.
	а) Постоянныи.				
1	Вынаемъ мѣстилищъ Народного Дому . .	—	—	11400	—
2	Тоже обохъ прикупленыхъ камяниць . .	—	—	6935	47
3	Доброохотни подаяніи собираемыи по приход.	—	—	1439	38
4	Нароety цѣн. папѣрья и корысти умѣщ. грош.	—	—	415	56
	б) Случайныи				
5	Свящ. Мацѣлинскій Мих. посл. завѣщаніемъ	—	—	200	—
6	Великодуш. благод. непзлвилъ имени своего	—	—	50	—
7	Всеч. свящ. Холмской Епархіи притомни поставленію въ Епископы нынѣш. Святителя ихъ	—	—	25	—
8	Трестянское общество Азіенда Асікуратріце 5% русскихъ полицъ застереженыхъ капиталовъ на случай огня	—	—	552	73
9	Тоже Пешт. общест застереженій повремени	—	—	7	11
10	Продажь книжокъ	—	—	59	95½
11	Подробныи	—	—	1	24
	г) Неистыи.				
12	Взаемъ въ обществѣ галиц. руск. Матицы	—	—	340	—
13	Куплено цѣнное папѣрья именнои высоты .	5100	—	—	—
	Всего за годъ 1868 . .	5100	—	21426	44½

Сослѣдую. число	Б. ВЫДАТКИ.	цѣнныи паперы zr.	цѣнныи паперы kr.	наличныи гроши zr.	наличныи гроши kr.
	а) Податки и долги.				
14	Податки отъ Народного Дому	—	—	2459	43½
15	Тоже отъ обохъ прикупленыхъ камяниць	—	—	2086	87½
16	Уплата наростовъ и припадающа часть капит.	—	—	3683	8
17	На счетъ долгу тяжащого на камяницяхЦина отдано въ папераxъ капиталъ именнои высоты	5100	—	—	—
18	Науплату долговъ обтяжающихъ имѣніеБѣлка и Костеневъ доложено до роч.чинша посесіи		—	5185	—
	б) Администрація.				
19	Надзиратель Народного Дому	—	—	500	—
20	Два сторожи совокупно	—	—	257	28
21	Всякіи роботы въ ладъ Народного Дому .	—	—	396	18
22	Тоже въ обохъ камяницяхъ	—	—	480	24
23	Комияреви отъ всѣхъ трохъ домовъ . .	—	—	96	69
24	Очищенья подворья и каналовъ, освѣтленья всходовъ, ученическихъ комнатъ и другіи поменьшіи выдатки	—	—	112	63½
25	Дрова огрѣвати хаты	—	—	75	14
26	Застереж всѣхъ трехъ домовъ на случай огня	—	—	93	20
	в) Канцелярія.				
27	Канцелярійное писчое вещество	—	—	36	87
28	Марки на квиты поднесеныхъ чиншовъ . .	—	—	49	25
29	Почтовыи пересылки и переписки	—	—	144	49
30	Адвокатъ въ дѣлахъ Народного Дому . .	—	—	214	69
31	Типо- и литографія въ едно съ переплетомъ	—	—	38	41
	г) Изрядныи.				
32	На купно цѣнныхъ папировъ	—	—	3621	12
33	Образъ лица Преосвящ. Холмск. Епископа Куземского до свѣтлици Народного Дома	—	—	350	—
34	Знаменіе Народного Дому на балконѣ .	—	—	135	—
35	По случаю участія въ торжествѣ народ. театра	—	—	100	—
	всего за годъ 1868 . .	5100	—	20115	58½

II. СУМАРИЧЕСКІЙ ПЕРЕГЛЯДЪ

за годъ 1868.

	цѣнныи паперы		наличныи гроши	
	рс.	кр.	рс.	кр.
Всерочный прих. Народного Дома за рокъ 1868	5100	—	21426	44½
До того перенесено останокъ касы за р. 1867	150	—	2412	35
Тоже изъ камяниць	—	—	83	89½
всего совокупно . .	5250	—	23922	69
Отъ того розходъ за р. 1868 . .	5100	—	20115	58½
Остаеся въ касѣ Народ. Дому съ конц. р. 1868	150	—	3807	10½

III. СУМАРИЧЕСКОЕ СЛИЧЕНІЕ

состоянія касы Народного Дому отъ первоначала Инспшушского дѣла сего до конца р. 1868 въ сличенію со прошедшимъ 1867.

ПРИХОДЫ.	высказаныи съ д. п. Декабря 1867.				въ теченію 1868				Совокупно			
	цѣнныи паперы		наличныи гроши		цѣнныи паперы		наличныи гроши		цѣнныи паперы		наличныи гроши	
	рс.	кр.	рс.	кр.	рс.	к.	рс.	кр.	рс.	к	рс.	кр.
Народного Дома .	10650	—	217030	69	5100	—	21426	44½	15750	—	238457	13½
до того остатокъ прих. изъ камян. .	—	—	—	—	—	—	83	89½	—	—	83	89½
буде всего прих. .	10650	—	217030	69	5100	—	21510	34	15750	—	238541	3
Отъ того розходъ	10500	—	214618	34	5100	—	20115	58½	15600	—	234733	92½
Остало въ касѣ съ кон. 1868 якъ выс.	—	—	—	—	—	—	—	—	150	—	3807	10½

Іоаннъ Величко,
Кассіеръ.

Дръ Іосифъ Делькевичъ,
Контрольоръ.

РОСЧИСЛЕНІЕ КАССЫ

ЛИТЕРАТУРНОГО ОБЩЕСТВА

РАЛИЦКО-РУССКОЙ МАТИЦЫ

за время отъ 1. Января до послѣдняго Декемврія 1869.

Статья	А. ПРИХОДЫ.	цѣнныи паперы		готовыхъ грошей въ в. а.	
		рс.	кр.	рс.	кр.
	I. Вкладки основателей				
1	Ганкевичъ Іоаннъ, приходникъ въ Буцыкахъ	—	—	50	—
2	Гапоновичъ Василій, деканъ и приходникъ въ Стебнику	—	—	10	—
3	Дръ Гинилевичъ Григорій, прелатъ, схоліаръ гр. к. крылоса Перемышльского . . .	—	—	5	—
4	Здерковскій Антоній, приходникъ Тостого	—	—	15	—
5	Кралицкій Анатолій, Іеромонахъ чина Св. Василія Вел. въ Уграхъ	—	—	10	—
6	Кульчицкій Іосифъ, крылошанинъ и предсѣдатель комиссіи Дома Народного . . .	—	—	5	—
7	Кущакъ Ѳеодоръ приходникъ въ Сѣховѣ .	—	—	15	—
8	Парыловичъ Александеръ, приходникъ въ Тустановичехъ	—	—	25	—
9	Соневицкій Николай приходникъ въ Тяжевѣ	—	—	5	—
10	Шараневичъ Исидоръ, докторъ философіи и проф. ц. к. академ. гимназіи	—	—	5	—
	Всѣхъ вкладокъ совокупно	—	—	145	—
	II. Наросты отъ капиталовъ.				
11	5% наростъ отъ облигацій индемнизаційныхъ отъ 1. Ноембрія 1868 до послѣдняго Октоврія 1869	—	—	207	76
12	5% наростъ отъ облигаціи позычки лотерійной отъ 1. Ноемврія 1868 до послѣд. Октоврія 1869	—	—	12	—

Статья	ПРИХОДЫ.	цѣнныи паперы		готовыхъ грошей въ в. а.	
		рс.	кр.	кр.	рс.
13	5% наростъ отъ облигаціи позычки краевой ч. 24192 на 200 рс. отъ 1. Августа до послѣдняго Юлія 1869	—	—	8	40
14	5% наростъ отъ облигаціи позычки краевой отъ 1. Октоврія 1868 до послѣд. Септемврія 1869	—	—	8	82
15	5% наростъ отъ облигаціи позычки краевой отъ 1. Сѣчня до послѣдняго Юнія 1869	—	—	3	36
16	4% наростъ отъ листовъ заставныхъ отъ 1. Сѣчня до послѣдняго Декемврія 1869	—	—	200	—
17	Наростъ отъ ассигнаты Банку кредитового отъ 9. Септемврія 1869	—	—	47	83
	Наростовъ разомъ	—	—	488	17
	III. Продажь книжокъ.				
18	За проданныи книжки и предплата на „Литературный Сборникъ“	—	—	463	78
	IV. Сплаченныя капиталы.				
19	Комиссія Дома Народного отдала . . .	—	—	340	—
	V. Купленныи цѣнныи паперы.				
20	Облигація позычки народной	20	—	—	—
21	Въ Ассигнатахъ Банку кредитового . .	400	—	—	—
	Цѣнныхъ паперовъ разомъ	420	—	—	—
	Сумма приходовъ разомъ	420	—	1436	95

140

Статья	Б. РОСХОДЫ.	цѣнныи паперы		готовыхъ грошей въ в. а.	
		рс.	кр.	рс	кр.
22	I. Переплетъ книжокъ и „Литературного Сборника“	—	—	138	50
23	II. Канцелярійныи выдатки	—	—	—	64
24	III. Почтовое и стемпли	—	—	8	84
25	IV. Опустокъ отъ проданныхъ книжокъ .	—	—	54	62½
26	V. Розличныи потребы: За шафу на книжки	—	—	16	—
27	VI. На купно цѣнныхъ паперовъ . . .	—	—	414	20
28	VII. Печатаніе книжокъ и „Сборника Наукового“	—	—	633	50
29	VIII. За паперъ на Литературный Сборникъ“	—	—	13	95
30	IX. Нагорода за сочиненія до „Литературного Сборника“	—	—	65	—
31	X. Облигаціи позычки народной выдано до переписанія на новыи облигаціи .	390	—	—	—
	Сумма росходовъ разомъ	390	—	1345	25½

	Останокъ съ года 1868				года 1869				совокупно			
	цѣнныи паперы		готовыхъ грошей		цѣнныи паперы		готовыхъ грошей		цѣнныи паперы		готовыхъ грошей	
	рс.	к.	рс.	к.	рс.	к.	рс.	кр.	рс.	кр.	кр.	рс.
ПРИХОДЫ	11350	—	177	92	420	—	1436	95	11770	—	1614	87
РОСХОДЫ	—	—	-	—	390	—	1345	22½	390	—	1345	23½
Остало съ концемъ года 1869.	—	—	—		—		—	—	11380	—	269	61½

Статья	Состояніе имѣнія съ концемъ года 1869.	Въ валютѣ рс.	кр.
1	Остала въ кассѣ съ концемъ года 1869 готовка 269 рс. 61½ кр. по оттрученью отъ тойже депосита съ года 1864 и 1865 яко додатки до нагороды на „Исторію Галицкой Руси“ . . . 150 рс. . . .	119	61½
2	2 лосы приватныи по 40 рс. мон. кон.	84	—
3	Облигаціи позычки краевой 590 рс. мон. кон. . . .	619	50
4	Облигаціи индемнизаційныи 4400 рс. мон. кон. . . .	4620	—
5	Въ листахъ заставныхъ	5000	--
6	Облигаціи позычки лотерійной	300	—
7	Асигнаты банку кредитового	1400	--
8	Книжокъ въ магазинѣ находится въ цѣнѣ	4995	30
	Сумма имѣнія	17138	41½

Львовъ дня 1. (13) Марта 1870.

І. Кульчицкій
касіеръ.

Аншоній Писулинскій
контролоръ.

БИБЛІОТЕКА РУССКОГО НАРОДНАГО ДОМА * ВО ЛЬВОВѢ *

Важнѣйшіи опечатки.

На сторонѣ:	*вмѣсто:*	*должно быти:*
179	найсильнѣйшихъ	найсильнѣйшимъ
182	Митрополты	Митрополиты
188	въ Греціи	въ Грецію
195	лышь	лишь
200	Ѳомену	Ѳомину
204	Бонкъ	Боянъ
204	Полвовци	Половци
209	Юрій Долгорукій	Юрій Всеволодовичъ.

Увзглядняючи многосторонныи желанія, Выдѣлъ Галицко-русской Матицы постановилъ вмѣсто до теперь нимъ издаванного „Наукового Сборника“, издавати часопись близше приспособленную къ современнымъ потребамъ читаючой русской публики и вообще русского народа. Тая часопись будетъ выходити въ четвертьрочныхъ выпускахъ, состоящихъ изъ четырехъ листовъ въ 8-нѣ подъ названіемъ:

„ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ“

издаваемый Галицко-русскою Матицею.

Приступаючи къ сему предпринятію, Галицко-русская Матица надѣется, що не только Всепочтенныи Члены Общества, но такожь и прочіи ученыи мужи и любители русского слова въ интересѣ просвѣщенія нашого народа, не откажутъ сй въ томъ своего соучастія, и такимъ способомъ въ области науки и литературы соединятъ свои силы и мысли, якъ-бы въ одно литературное братство.

Соотвѣтно своему вышесказанному направленію, „Литературный Сборникъ“ будетъ обнимати въ собѣ предовсемъ:

1. Стихотворенія и повѣсти изъ народного житья;
2. Исторію, географію, етнографію, статистику и топографію;
3. Науки природныи въ практичномъ ихъ приспособленію къ потребамъ нашого народа. Такожь извѣстія о новѣйшихъ открытіяхъ, относящихся къ земледѣлію, садоводству и т. п.
4. Росправы о русскомъ языцѣ и всякого рода матеріялы, служащіи къ близшому познанію матерняго языка;
5. Извѣстія о отечественныхъ и славнѣйшихъ чужесторонныхъ науковыхъ заведеніяхъ и обществахъ, тоже біографіи славныхъ и ученыхъ людей, содѣйствовавшихъ успѣху наукъ;
6. Критику, предовсемъ оцѣнку русскихъ сочиненій;
7. Библіографію, т. е. извѣстія о новоявившихся книжкахъ и часописяхъ русскихъ и важнѣйшихъ литературныхъ произведеніяхъ у другихъ славянскихъ народовъ, наконецъ

8. Дѣйствія, росчеты, обвѣщенія, переписки Галицко-русской Матицы, дѣйствія и розсчеты Института русского Народного Дома.

Предплатная цѣна, безъ пересылки и доставки въ домъ, на цѣлый годъ **1** зр. **80** кр. на полъ года **1** зр. а. в.

Члены Галицко-русской Матицы, вплатившіи полную вкладку, т. е. 50 зр., будутъ получати тую часопись **безплатно**; члены же, которыи на текущій годъ заплатятъ 5 зр. яко рату дополненія цѣлой вкладки, получатъ ю за **половину** выше означенной цѣны.

Комитетъ избранный Выдѣломъ Матицы для издаванія „Литературного Сборника“ имѣетъ полномочіе за тіи сочиненія, которыи будутъ въ „Сборнику“ напечатаны, удѣляти сочинителямъ тѣхъ же **премію** отъ 5—20 зр. отъ одного печатанного листа, соотвѣтно роду и цѣнности статіи.

Предплаты ровно якъ и статіи присылаются до Выдѣла Галицко-русской Матицы во Львовѣ.

П. Т. предплатителей, членовъ общества вплатившихъ полную вкладку, и дописователей просится о докладное означеніе адресы и послѣдней почты.

☞ Запасныи екземпляри „Наукового Сборника“ изъ четырехъ послѣднихъ лѣтъ продаются въ книжномъ складѣ русской Матицы. Цѣна одного рочника поставлена для членовъ 1 зр., для нечленовъ 2 зр. а. в.

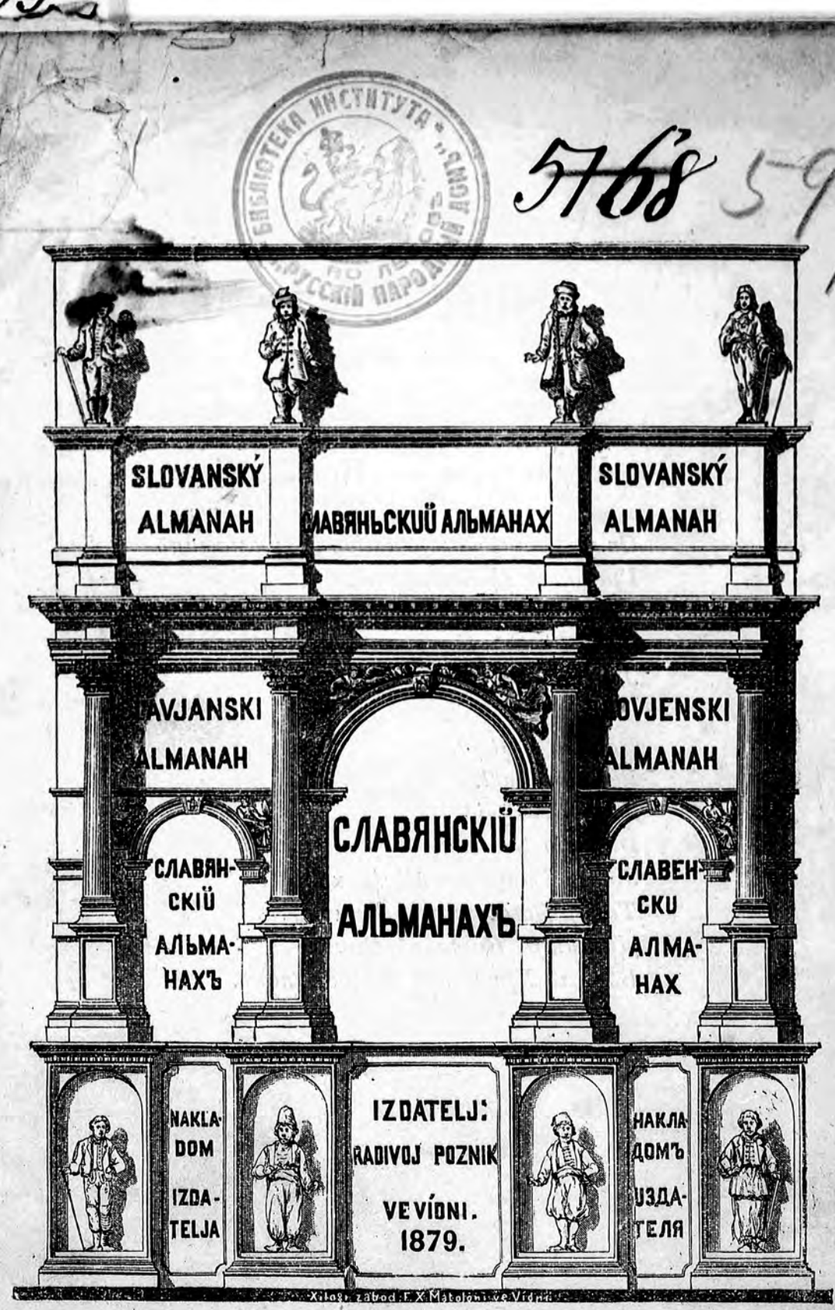
Отъ Галицко-русской Матицы.

Bes. 599

143

5768 5-99

БИБЛІОТЕКА ИНСТИТУТА ... ПО ИЗУЧЕНІЮ ... РУССКІЙ НАРОДЪ



Xilogr. zábod. F. X. Mátolání ve Vídni.

Редакторы. — Redaktori.

Сильвестръ Лавренщіевъ Дрималикъ
Григорий Цеглинський.
Jan Máchal.
Josef Penížek.
Jozef Burjan.
Alexander Pavlík.
Davorin Hostnik.
Radoslav Pukl.
Josip Brunšmid.
Dragutin Neuman.
Јован Симеоновић Чокић.
Тодор Стефановић Виловски.
Димитръ Костовъ Вачовъ.
Василъ Христовъ Радославовъ.

Содержаніе. — Obsah.

I. РУССКІЙ ОТДѢЛЪ. Стр.

Бѣлинскій Т. К.: Падшимъ героямъ 1877—1878. Къ Пруту. Дора. Утромъ. 3
Когда легковѣренъ 64
Бѣлиловскій Ц. А.: Разлука солдата (из 1877 года). Пѣсня жнеца. Годъ 1877 8
К. Ф. Н.: Пѣснь 10
Павловичъ Александръ: Пѣснь 12
Хамходера Николай: Голосъ изъ Россіи 13

II. ВІДДІЛ МАЛОРУСЬКИЙ.

Цар М.: Народні обряди весільні 74
Млака Данило: Думки I. II. III. IV. Весна-чарівниця 67

III. ODDÍL ČESKÝ. Str.

Drahorád-Hradištský Pavel: Skalní vrabec. — Chci žít! . . . 152
Heyduk Adolf: Česká sláva. — Východ slunce. — Bůh 123
Hudec Jan: Památce Karlově. — Lesní pohádka 154
Koukl Antonín: V den srbské neodvislosti. — V plesu 153
Krásnohorská Eliška: Svobodě 121
Máchal Jan: O ráji 156
Mokrý Otakar: Ze žalářů 141
Matka. Hekata. Sběh. Tribun lidu. Císař. 130
Penížek Josef: Na přívoze 149
Sládek J. V.: Z bludné družiny. — Zasni. — Pochováno. — Addagio.
Svit mi má hvězdičko. — Ty má domovino 126
Vrchlický Jaroslav: Večer ve žních. — Té jež čítá Apokalypsu.
Mizící loď 189

IV. SLOVENSKÝ ODDIEL.

Banšell Koloman: Napomenutie 201
Čierne oči švárnej devy 186
Cimrák Ján: Život v Tatrách 189
E. † P.: Vplyv potravín na rozplemäňuvanie 184
Graichman J.: Abas Šach 203
Peter Velký 205
Sylvestrova noc 188
Hroboň S. B.: Sloboda 177
Hviezdoslav: Vatra 122
Pút ducha 187
Klimo M. M.: Žial sokola 202
Mladík vyšších vzletov 205
Tisovský S. K.: Staroba 282
Zoch Ivan dr.: Príspevok k dokázaniu vzdelanosti starých Slovanov

V. SLOVENSKI ODDEL.

Str.

Cimperman Jos.: Gazeli I. II. 213
Eržén Viktor: Hitra proména 254
Nis Vodoran: Obup 215
Pajkova Pavlina: Pervi križ na turškem polju 210
Pesjakova Lujíza: Rožno cvetje 214
V dan vernih duš 252
Podgornik France: O pismenih jezikih na sploh in občeslovanskem literaturnem jeziku posebe 216
Sterlè A.: Potoku 255
Zbašnik Fr.: Pozdrav slovanskim dijakom 209
Triolet 253
Medailon, noveleta 257
X.: Kitica. Primula 251
Sonet 256

VI. HRVATSKI ODIO.

C.: Da tebe nije 319
K.: Tartufov unuk. Komedija u 5 činah 267
L.: Tko? 320

VII. СРПСКИ ДЕО.

Стр.

Марковић Паја: Сиротиња 324
Слика из српског живота 327
Симеоновић-Чокић Јован: Котва 323
Стефановић-Виловски Тодор: Један листак из српске приповедачке књижевности 335

VIII. БЪЛГАРСКІЙ ОТДѢЛЪ.

Вачовъ Д. К.: Неволно пжтување 364
Радославовъ В. Хр.: I. Съ Богомъ! II. Тьмничари. III. Въ тьменъ облакъ. IV. Недей вече. V. Въ тьмна нощь. VI. Любезній друже! VII. Кой би казалъ. VIII. Сънь. IX. Отлѣтѣте. X. Ето и на истокъ 353

Подписчики. — Predplatitelji 383
Важнѣйшія поправки. — Hlavní opravy 393
Славянскія азбуки. — Slavjanske azbuke 394

РУССКІЙ ОТДѢЛЪ.

БИБЛІОТЕКА ИНСТИТУТА ИМ. ОССОЛИНСКИХ ВО ЛЬВОВѢ РУССКІЙ НАРОДНЫЙ ДОМЪ

Предисловіе.

Предлагаемый сборникъ долженъ дать читателю образцы всѣхъ славянскихъ языковъ.

Въ томъ, что намъ не удалось вполнѣ осуществить наше желанье, виновата невозможность привлечь къ участію въ сборникѣ представителей всѣхъ племенъ славянскихъ. Тѣмъ не менѣе, издавая его въ свѣтъ, мы надѣемся содѣйствовать распространенію знакомства съ языками славянскими, упроченью духовнаго единенія и взаимнодѣйствія Славянъ.

Если наша книга и цѣль ея выпуска встрѣтятъ одобренье, то, быть можетъ, намъ удастся въ будущемъ превратить ее въ ежегодное изданье и пополнить существующіе теперь пробѣлы.

Иди-же въ свѣтъ, первая славянская книга, иди, напутствуемая нашими благожеланьями во всѣ страны, гдѣ подъ широко развинувшимися отраслями славянскаго племени раздается славянское слово! Будь встрѣчена всюду съ такимъ-же привѣтомъ, съ какою любовью мы тебя выпускаемъ!

Падшимъ героямъ

1877—1878.

Сган орловъ — храбры Россін чада —
Прилетѣли ко стѣнамъ Цареграда,
И Цареградъ низко гордымъ челомъ
Отдалъ поклонъ — и стихъ пушечный громъ!

Ужь станулъ миръ по трудахъ тяжкой брани:
Врагъ въ пухъ разбитъ, ликуютъ всѣ Славяне,
И храбрый Россъ съ вѣнцомъ на головѣ
Идетъ назадъ къ драгой родной странѣ.

Онъ исполнилъ подвигъ святый гигантскій,
Глубокъ Дунай, крутой хребетъ балканскій,
Жажда и гладъ, пуля и ножъ враговъ
Не вздержали геройскихъ молодцовъ.

Они идутъ . . . . . и родина святая
Къ нимъ рамена на встрѣчу разтворяя
Съ любовію уже ихъ къ серду жметъ
Своихъ дѣтей, свою надежду — цвѣтъ.

О здраствуйте любезные ребята!
Бѣдный шалашъ и пышная палата
Празднуютъ днесь счасливый вашъ возвратъ,
Всѣ нынѣ вамъ: урра, урра! кричатъ.

Счасливые, ваши счасливые съ вами,
Но тамъ, увы! предолгими рядами
Лежитъ покосъ косой войны сваленъ
И не росой, но кровью орошенъ!

Далеко тамъ за водами Дуная,
И гдѣ Балканъ на гробы воззирая
Избитыхъ чадъ съ горя покрылся мглой,
Тамъ не одинъ русскій лежитъ герой.

За снѣжными верхами и Кавказа
Подъ стѣнами Ардагана и Карса,
Гдѣ Баязетъ Ерзерумъ и Игдыръ
И тамъ въ землѣ спитъ русскій богатырь.

Не тщетно вы драгой лишились жизни:
За крестъ святой, царя и за отчизны
Дражайшу честь, за свободу Славянъ
Кровь русская лилась съ тысящей ранъ!

Съ вашихъ могилъ растетъ ужь цвѣтъ свободы,
Ожили вновь прибитые народы,
Они уже раны лечатъ и боль,
„Братня любовь“ святый былъ вашъ пароль.

Покойтесь же святымъ покоемъ мира,
Не въ силѣ васъ воспѣть разстройна лира,
Не силенъ я сказать запретъ слезамъ,
И голошу: вѣчная память вамъ!

Т. К. Блонскій.

Къ Пруту.

Гляжу изъ берега на любый мой Прутъ,
Хрустальныя воды его какъ бѣгутъ,
Свободно весело волны за волнами
Цвѣтущими мчатъ ся долой берегами.

Лазурное небо себя зритъ въ тебѣ
Мой другъ ты любезный, по чистому днѣ,

Твоемъ серебренны плотнички неструшки
Весело рѣзвятся и строятъ игрушки?

О чемъ надъ тобою во юные дни
Такъ часто думалъ я, Богъ знаетъ и ты,
Тому мнѣ отрадно сидѣть надъ тобою
Мечтать любоваться твоею волною.

Какъ въ прошлое время будутъ ли опять
Небесныя искры мнѣ грудь согрѣвать,
Иль ужь мои думы на вѣки пропали
Какъ волнушки Прута въ синѣющей дальи?

Т. К. Блонскій.

Дора.

Горы мои горы,
Предвѣчные боры,
Верхи полонины
Яры и лощины!

Вы братъ и сестрица:
Лысакъ Маковица[1])
Пробоя[2]) вы скалы
И Прута кристалы.

Дора моя Дора!
Подъ лѣсомъ у звора
Зелена долинка
Ручей и хатинка.

Мнѣ — скажу неложно:
Мѣнять невозможно
Васъ сестры и браты
За грады богаты.

---

1) Лысакъ Маковица — горы.
2) Пробой, такъ называется водопадъ Прута въ Дорѣ.

146
1
2

Дворцы тамъ соборы
Казармы конторы
Палаты пріюты
Тюрмы тамъ и путы.

Тамъ шумъ и арава
И воздухъ — отрава
Тамъ душно, неволя
Душѣ нѣтъ раздолья!

Въ горахъ такъ природно,
Такъ легко, свободно,
Бьетъ сердце живѣе
Паритъ духъ смѣлѣе.

Какая, о, радость:
Бросить града гадость
Гулять по вершинамъ
Лазамъ полонинамъ!

Отсюду зритъ око
Далеко, далеко . . . .
Отсюду дорога
До неба, до Бога.

Всѣ хлопоты свѣта
Боль вражьяго гнета
Тогда забываешь
Весь міръ обнимаешь.

Горы мои горы,
Вы Бога притворы
Здѣсь вѣкъ доживалъ бы
Здѣсь и — умиралъ бы!

Т. К. Блонскій.

147

Утромъ.

Я вышелъ зъ избы въ садъ, сверканье звѣздъ блѣднѣетъ,
Восточный сводъ небесъ отъ зорева алѣетъ,
Проснувшись солнышко ужь за горой взошло,
Повѣялъ ранный вѣтрь мнѣ свѣжестью въ лицо.

Мнѣ любо, любо, ахъ! пошелъ гулять я лѣсомъ,
Но онъ еще покрытъ синявымъ занавѣсомъ,
Чуть чуть лишь солнишка златобагряный лучь
Проскользлъ черезъ деревъ тѣнистыхъ мракъ дремучь.

Краемъ пути торчать на лѣво и на право
Ели столѣтныя такъ гордо величаво
Будто готически колонны къ небесамъ
Казалось мнѣ что я вступаю въ божій храмъ.

Всюда молчаніе. — Въ верху лишь надомною
Слышу какъ деревя говорятъ межь собою,
Я таинственный ихъ протяжный слышу шумъ
И погружаюсь весь въ напѣвы чудныхъ думъ.

О чемъ толкуете вы буки и елицы
Моихъ родинныхъ горъ стройныя красавицы,
Про любыя мечты вашихъ причудныхъ сновъ
Иль дѣла давныя минувшихъ ужь годовъ?

Иль вы рыдаете, что бѣдные потомки
Вашихъ давныхъ друзей до нищенской котомки
Взялись и въ свѣтъ бредутъ, что глохнетъ ужь напѣвъ
Надъ плесами рѣки прекрасныхъ лѣсныхъ дѣвъ?

И вамъ не долго быть; торговцы подрубаютъ,
Одотнутъ вамъ главы, и кожу посдерають,
Повяжутъ цѣпью въ плотъ и пустятъ васъ водой,
И гдѣ вамъ быть тогда — лишь знаетъ Богъ святой!

Рѣзвѣе, вѣетъ вѣтръ, мои подруги ели
На участь жалкую рыдая зашумѣли,
Зъ вѣтвей ихъ падаетъ алмазная роса,
Алмазная роса — ихъ горести слеза.

Т. К. Блонскій.

Разлука солдата (изъ 1877 года).

Завтра ужъ иду въ походъ я,
Въ землю вражску воевать.
Ахъ, по мнѣ вѣдь кто-то будетъ
Слезы грусти проливать.

Ты одна, моя милая,
Будешь плакать, ты одна
Платокъ бѣлый вышивая
У открытаго окна.

У ручья плакуча ива
Съ поникшей главой стоитъ.
Грустно мнѣ теперь и сердце
Мое сжалось и болитъ.

Попадетъ меня тамъ пуля,
Засядетъ въ груди моей;
И безъ слезъ, меня не зная,
Загребутъ среди степей.

Какъ про смерть мою узнаешь,
То ты, милая, но мнѣ
Будешь слезы неутѣшно
Проливать на единѣ.

Барабанъ зоветъ къ разлукѣ . . .
Твою рученьку мнѣ дай.
Перестань-же, другъ мой, плакать!
Не забудь меня . . . прощай!

Если тамъ, подъ вольнымъ небомъ
Вѣчный сонъ судьба пришлетъ,
То пусть на моей могилѣ
Незабудочка цвѣтетъ.

Ц. А. Бѣлиловсвій.

148
2

Пѣсня жнеца.

Прекрасна нивушка весной,
Покрыта зеленымъ ковромъ,
Когда весна цвѣты съ собой
Несетъ, бросая ихъ кругомъ.

Но чуднѣй въ жатвенной порѣ,
Когда зрѣлъ, колосъ золотой
Предъ нами на полѣ въ жарѣ
Тяжелой клонится главой.

Когда самъ — двадцать уродилъ
Хлѣбъ, что крестьянинъ въ рубежахъ
Съ надеждой сладкой положилъ
На плугомъ вспаханныхъ поляхъ . . .

У копнъ возы весь день стоятъ;
На нихъ хлѣбъ, даръ небесъ кладутъ,
На возахъ дѣвушки сидятъ,
А молодцы пѣшкомъ идутъ.

Нашъ хлѣбъ ѣдимъ мы подъ возомъ;
И веселъ всякъ изъ насъ и радъ.
Къ вечерѣ нашей тутъ кругомъ,
Въ травѣ кузнечики трещатъ.

Ахъ, баринъ, ты не надсмѣхайсь,
Что груба ужъ рука моя!
Она всю кормитъ, вѣдь признайсь,
Страну, и князя, и тебя!

Глянь, воинъ, на кровавый мечъ,
И на косу, на серпъ простой! . .
Что больше стоитъ: твой вѣнецъ,
Иль мой вѣночекъ полевой?

Молчишь? Мы правы? Ну такъ дай
Намъ миръ, спокой и тишину!
Нашъ трудъ — работу награждай, —
И мы прокормимъ всю страну.

Ц. А. Бѣлиловскій.

149
2

Пѣснь.

Долго ахъ долго мы жили въ неволи
Въ кайданахъ ужасно столѣтья минали
Долго ахъ долго на батьковской роли
Мы сѣяли слези и слези сбирали.

Долго ахъ долго грудь наша хранила
Весь западъ отъ страшной татарской навали
Но наша хоробрость и Божая сила
Ворожи загоны разъ кождый вспиняли.

И знаетъ насъ Штамбулъ — и Вѣна и Парижь,
Гдѣ наша кровь льялась за вѣру и волю —
И всюды высоки могили увидишь —
Якужь мы для себе здобыли днесь долю!?

О дармо росила кровь нащу землицю
Мы волѣ и долѣ еще не здобили —
Даремно возносимъ до Бога десницю
И молимъ: побѣды дай Боже и силы!

Ф. И. К.

Годъ 1877.

Гуркутятъ опять гарматы,
Кровь тече рѣчками,
Вже опять палаютъ хаты,
Села съ хуторами,
За що, за що кровь людская
Льется такъ? кто виненъ?
Скажѣтъ менѣ, якъ кто знае,
За що Сербинъ гине?

Сербинъ гине, Сербинъ гине
У крови калюжахъ,
Свѣтъ дивится и не спине —
Ему се байдуже!
Рѣжутъ Сербовъ и мордуютъ
Всѣхъ на ихнёмъ полѣ
Роспинаютъ и катуютъ
За те, що въ неволѣ
У турецкои, въ кайданахъ
Жити не умѣютъ . . . .
Рѣжутъ Сербовъ Мусульманы,
Степы червонѣютъ. —
Ой реве Дунай широкій
Стогне, заливае,
Береги свои высоки
И зелени ган;
Розливается: прибула
Въ него кровь людская,
Червонѣти воды стали
Быстрін Дуная.
Небо хмурно, лѣсы голи
Трупомъ степъ покрыло
И могила въ сербскомъ полѣ
Росте за могиловъ.
Съ горъ гарматы все палаютъ
По семъ, по томъ боцѣ
Гинутъ Сербы, пропадаютъ,
Съ ними и Черногорцѣ.
Бейся Сербо, бейся брате
Бейся въ чистомъ полѣ!
Лучше, брате, пропадати,
Чѣмъ жить у неволѣ!

Ц. А. Бѣлиловскій.

Пѣснь

на простонародномъ нарѣчіи округа Маковицкаго, въ шарышскомъ комитатѣ въ Венгріи.

Арія: Lěpa naša domovina.

Прелюбезны русски дѣти
Якъ голубки, якъ горлички
Наши милы драги цвѣты
Братичкове и сестрички
Нуже скоро ся сбирайте
Бо ужь часъ до школы ити
„Царю небесный“ спѣвайте
Духъ прійде насъ утѣшити.

Въ школѣ учитеся дѣти
Чести, вѣры и мудрости
Чловекъ мусится учити
Отъ дѣтинства до старости.
Бѣда слѣпымъ людямъ жити
Не знаютъ собѣ спомочи
Мы хочеме провидѣти
Боже! будь намъ на помочи.

Будь намъ Боже на помочи
Дай истину познавати
Отварь русскимъ дѣтямъ очи
Хотятъ Бога прославляти.
Дай намъ здравля, дай намъ силу
Къ науцѣ волю, охоту
Потѣшь родиноньку милу
Нашь русскій народъ сироту.

Нуже любезны сынятка
До школы ся понагляйте
Голубоньки соколятка
Учтеся, насъ утѣшайте.
Безъ науки бѣдни руки
Всядый мусится трапити
Безъ мудрости, безъ науки
Бѣда на томъ свѣтѣ жити.

Ноже дѣти наши любки
Силу духа розвивайте
Якъ гирлички, якъ голубки
Весело намъ гуркотайте,
Про васъ цвѣтутъ милы цвѣты
Съ нихъ якъ пчелки медъ сысайте
Якъ мурашки вы дѣточки
Непрестанно работайте.

Александръ Павловичъ.

Голосъ изъ Россіи.*)

(Посвящается вѣнскимъ студентамъ.)

„Wer die Macht zweier Völker mit einander vergleichen will, der muss nicht allein ihre Elemente geistiger und körperlicher Stärke, sondern ganz vornehmlich auch ihre Geneigtheit beachten, jene Elemente zu öffentlichen Zwecken zusammenwirken zu lassen“.

Roscher, System der Volkswirthschaftslehre.

I.

Судя по объявленіямъ, Редакція настоящаго сборника поставила цѣлью своего изданія взаимное литературное ознакомленіе славанскихъ племенъ. Намъ русскимъ, въ особенности нельзя не сочувствовать возникновенію изданій съ подобнаго рода цѣлями. Свѣжо еще въ памяти у всѣхъ, до какой степени врасплохъ захватила насъ послѣдная война. Оказалось, что въ нашей литературѣ разробативались вопросы по славянству главнымъ образомъ археологическіе. Въ печати и обществѣ ходили крайне неопредѣленныя понятія о современномъ гражданскомъ и политическомъ бытѣ славянскихъ племенъ запада. Спеціалисты по славяновѣдѣніи если и обращали вниманіе на этомъ предметъ, то лишь такъ сказать мимоходомъ, и можно указать лишь на крайне ограниченное число русскихъ книгъ и статей, вышедшихъ до войны, въ которыхъ-бы эта сторона вопроса разсматривалась болѣе или менѣе серьезно и съ знаніемъ дѣла. Даже во время войны мы

*) Внимая на объективность, которую хочетъ сохранить издатель, принято тоже и этотъ »Голосъ« къ печати.

151 2

черпали наши свѣдѣнія изъ нѣмецкихъ да англійскихъ авторовъ. Словомъ, въ смыслѣ нашей подготовки къ обсужденію запутаннаго восточнаго вопроса, война нагрянула на насъ какъ снѣгъ на голову. Правда, мы могли ее предполагать заранѣе, но это нимало не измѣняетъ существа дѣла, это не можетъ служить опроверженіемъ того, что мы не знали ближайшимъ образомъ даже тѣхъ, за кого пришлось проливать столько крови. Наша литература откровенно признала это печальное обстоятельство.

Поэтому нѣтъ ничего страннаго, если скептически настроенный человѣкъ спроситъ себя: „да не была-ли эта война чистымъ недоразумѣніемъ? Всѣ эти крики и вопли, всѣ эти іереміады, направленныя противъ турецкихъ порядковъ, — не было ли все это такою-же страницей нашей жизни, какъ и памятное для всѣхъ увлеченіе спиритизмомъ? Или, если даже мы въ самомъ дѣлѣ имѣли чистыя и благородныя намѣренія, если мы, русское общество, негодовали на турецкіе порядки, то не послужили-ли эти намѣренія, это негодованіе ширмой для людей, выступившихъ на сцену съ намѣреніями и планами, какихъ вовсе не имѣло въ виду русское общество, которое выражало сочувствіе и одобрительно выслушивало іереміады журналистики? Не былъ-ли сыгранъ фарсъ тамъ, гдѣ русское общество думало видѣть великую драму борьбы за попранную свободу?“

Въ виду несомнѣнныхъ жестокостей, внѣшнимъ образомъ вызвавшихъ войну, въ виду неисчислимыхъ страданій, претерпѣваемыхъ жертвами турецкихъ порядковъ, такіе вопросы, какъ вышеприведенные, могутъ показаться слишкомъ хладнокровными, пожалуй даже циническими. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ, наблюдающій со стороны за катаклизмами, спорадически выступающими на сценѣ русской жизни, человѣкъ, котораго эти катаклизмы не захватываютъ всецѣло, не касаются его непосредственно, такой человѣкъ можетъ довольно основательно возразить на эти вопросы: „Чего-же вы хотите? Почему вы недовольны и какъ будто раскаиваетесь? Зачѣмъ вы поднимаете вопросы, которые могутъ лишь усилить горечь не вполнѣ удавшагося дѣла? Все таки часть дѣла сдѣлана. Остальное предоставимъ будущему, быть можетъ очень близкому. Если не удалось сдѣлать всего, то вѣдь это не основаніе отрицать благо уже сдѣланнаго“.

Такъ могъ-би возразить человѣкъ, посторонній для внутренней русской жизни, человѣкъ, который выключалъ-бы эту жизнь изъ своего разсмотрѣнія, человѣкъ, который однимъ словомъ слѣдилъ-бы за событіями внѣшнимъ образомъ и основывался-бы лишь на видимыхъ со стороны фактахъ. Съ своей точки зрѣнія этотъ человѣкъ былъ-бы правъ. Но въ томъ-то и дѣло, что для насъ, русскихъ, невозможно стоять на этой точкѣ зрѣнія, если-бы мы даже и желали этого. Нельзя потому, что наши внутреннія отношенія не позволяютъ этого, потому, что мы должны-же принимать во вниманіе эти отношенія. А разъ что мы примемъ ихъ во вниманіе, — вопросъ усложнится до высокой степени и будучи правильно поставленъ, предстанетъ предъ нами совсѣмъ въ неожиданномъ видѣ. Поэтому-то именно теперь необходимо высказаться, именно теперь необходимо выслушать мнѣнія, какія могла вызвать послѣдняя война. Мнѣнія эти по необходимости будутъ очень разнообразны. Заграничному человѣку, напримѣръ, довольно трудно стать на ту точку зрѣнія, на которой по необходимости принужденъ стоять русскій мыслящій человѣкъ. Ничего не значитъ, если эта точка зрѣнія можетъ показаться неутѣшительной: это только будетъ доказывать, что факты, вызвавшіе именно такую точку зрѣнія, сложились также неутѣшительно. Поэтому, повторяю, изданія, предпринятыя съ тою цѣлью, съ какою предпринято настоящее изданіе, не могутъ не возбуждать особеннаго интереса и сочувствія особенно съ нашей стороны, потому что никому быть можетъ не приходится рѣшать столько тягостныхъ вопросовъ, какъ намъ.

Волею или неволею, мы, русскіе, выступили въ послѣднихъ событіяхъ главными дѣятелями. На насъ были устремлены взоры всѣхъ, — полные надеждъ или подозрительнаго и ревниваго вниманія. Въ настоящее время наступила минута спросить себя: оправдали-ли мы надежды? Или-же всѣ подозрѣнія и ненависть, то хроническое недовѣріе, которое ясно замѣтно въ отношеніяхъ къ намъ со стороны западно европейскихъ правительствъ, тѣ филиппики противъ насъ со стороны многихъ органовъ европейской прессы, — или все это имѣетъ свою долю серьезнаго основанія? Безъ сомнѣнія, если приписывать все это казнямъ нашихъ враговъ тайныхъ и явныхъ, то такихъ вопросовъ и задавать незачѣмъ. Но въ

томъ-то и дѣло, что для насъ немыслимо успокоиться на такомъ рѣшеніи, какъ оно ни просто. Въ самомъ дѣлѣ: почему-же у насъ столько враговъ тайныхъ и явныхъ? Если мы въ самомъ дѣлѣ преслѣдовали цѣли чистой гуманности, если мы искренно желали свободы угнетеннымъ народамъ, если мы выступили на сцену единственно въ цѣляхъ этой свободы, то вѣроятно-ли, чтобы Европа поэтому была недовольна, подозрѣвала насъ? А такъ какъ отрицать подозрѣній невозможно, то не слѣдуетъ-ли отсюда, что мы въ нашихъ стремленіяхъ къ свободѣ народовъ дѣйствовали такъ, что намъ можно было приписать совершенно противоположныя цѣли? Въ самомъ дѣлѣ, какъ-же объяснить это недовѣріе, а подчасъ и ненависть къ намъ? Чѣмъ объяснить, что послѣ окончанія войны нами недовольны сами славяне? Кто же виноватъ во всемъ этомъ? Мы-ли, русское общество, мы, которіе служили орудіемъ въ рукахъ тѣхъ, что заправляютъ русскою жизнью по своему произволу, или-же мы вовсе не виноваты, или-же мы можемъ указать пальцемъ на тѣхъ, кто взялъ на себя инціативу всего дѣла?

Такіе вопросы могутъ показаться запоздалыми и безполезными. Но это не такъ. Отъ укорененія того или иного рѣшенія этихъ вопросовъ въ русскомъ общественномъ сознаніи зависитъ будущее направленіе нашей внутренней жизни. А то или иное направленіе нашей жизни тѣснѣйшимъ образомъ переплетается съ многочисленными интересами родственныхъ намъ племенъ.

Такъ какъ существуетъ предположеніе, что журналистика служитъ выразительницею общественнаго мнѣнія, то естественнѣе всего поискать отвѣта на вопросы именно въ русской журналистикѣ. Просматривая русскія газеты и журналы за все время послѣ войны, легко найти множество признаній, касающихся частныхъ фактовъ, признаній, въ которыхъ обличаются признаки глубокой неурядицы, въ которой было русское общество до войны и въ которой застала насъ война. Мы мало были готовы къ тому, что случилось впослѣдствіи. Общество не выражало ясно и опредѣлительно своихъ намѣреній и желаній. Если-бъ у него и были опредѣлительныя намѣренія и желанія, то, говоря по правдѣ, оно и не могло ихъ выразить въ литературѣ. Значитъ, съ этой стороны у насъ царило недоразумѣніе, потому что какъ

152

иначе прикажете назвать такого рода обстоятельство, когда величайшій шагъ народной жизни рѣшается помимо народа, когда является безразличнымъ, что думаетъ, чего желаетъ народъ? Я не говорю, чтобы русскій народъ или, лучше сказать, русское общество (такъ какъ нашъ народъ мы знаемъ очень мало) не сочувствовало мѣропріятіямъ правительства, по крайней мѣрѣ, въ принципѣ. Я только утверждаю, что русское общественное мнѣніе не высказалось на этотъ счетъ опредѣленно да и не могло высказаться. Если даже считать литературу отголоскомъ общественнаго мнѣнія (а у насъ это очень дурной, невѣрный отголосокъ), то тогда броснтся въ глаза фактъ, что очень многіе органы нашей прессы ясно говорили, что вести войну для насъ неразсчетливо. — Далѣе изъ литературныхъ признаній мы можемъ усмотрѣть, что тѣ-же язвы, которыя парализовали наши дѣйствія въ періодъ крымской войны, остались въ очень мало измѣненномъ видѣ и до сей поры; особенно интересны въ этомъ отношеніи наши интендантскіе порядки. Можемъ мы далѣе видѣть, что при началѣ войны у насъ повидимому не было никакого опредѣленнаго плана военныхъ дѣйствій, что обошлось намъ во много тысячъ человѣческихъ жизней. Необдуманно и безъ поддержки значительной силы занимали мы турецкія земли и должны были отступать, оставляя такимъ образомъ ни въ чемъ неповинныхъ болгаръ, „братушекъ“, какъ мы выражались, на месть туркамъ. Но вѣдь это еще не рѣшаетъ вопроса. Нѣсколько болѣе разъясняютъ его дальнѣйшія разоблаченія нашихъ органовъ. Оказывается, напримѣръ, что наше отношеніе къ болгарамъ вовсе не похоже было на отношеніе освободителей къ освобождаемымъ, что, напротивъ высшее административное наше начальство относилось къ „братушкамъ“ скорѣе какъ къ побѣжденному племени. Разсказываютъ, напримѣръ, что плеть была самымъ дѣйствительнымъ орудіемъ административныхъ воздѣйствій на „братушекъ“, что вообще г. г. русскіе администраторы довольно усердно спрягали глаголъ knuten, чѣмъ едва-ли могли расположить къ себѣ не только болгаръ, но и всѣхъ интеллигентныхъ людей вообще. Словомъ сказать, освободители мы были крайне незавидные и такъ сказать въ нѣкоторой степени сомнительнаго свойства. Всѣ эти и подобные факты намѣтила русская журналистика, очень боязливо намѣтила,

153 5

такъ какъ даже этого она не могла высказать совершенно прямо. Будемъ благородны ей и за это. Но вѣдь все таки вопросъ отъ этого еще не вполнѣ уясняется. Слѣдовало-бы ожидать какихъ либо болѣе прямыхъ указаній, которыя-бы совершенно освѣтили дѣло и представили его въ надлежащемъ видѣ. Этого не случилось, что впрочемъ и не зависѣло отъ прессы. Но здѣсь началось разногласіе, чрезвычайно интересное для характеристики современной русской газетной и журнальной литературы.

Дѣло въ томъ, что въ современной Европѣ вы нигдѣ не встрѣтите такихъ гнусныхъ цензурныхъ порядковъ, какіе царятъ у насъ совершенно свободно. Мысль, маломальски непріятная почему-либо для правительства, не можетъ имѣть надежды на выраженіе. Самые архаическіе, можно сказать допотопные карательные и предупредительные порядки составляютъ нашу цензуру. Для людей запада можно представить лишь съ нѣкоторымъ усиліемъ мысли, что означаетъ второе или первое предостереженіе, что означаетъ пріостановленіе газеты за „вредное (!) направленіе“. Кто разбираетъ, въ самомъ ли дѣлѣ направленіе вредное? Судъ? Нѣтъ, безотвѣтственная администрація, судья въ собственномъ своемъ дѣлѣ. До чего доходитъ азіатскій произволъ администраціи, видно, напримѣръ, изъ того, что она не исполняетъ даже своихъ собственныхъ распоряженій. У всѣхъ свѣжо еще въ памяти, что, напримѣръ, „Русское Обозрѣніе“, пріостановленное на шесть мѣсяцовъ только, былъ совершенно прекращено, рѣшительно безъ всякаго законнаго къ тому повода, такъ какъ по истеченіи срока редакторъ, не успѣлъ еще выпустить ни одного нумера. Въ провинціи редактора газетъ страшно враждуютъ съ цензорами, такъ что дѣло доходитъ иногда до дуэли. Такимъ то образомъ прессѣ остается или молчать, или предаваться безконечной оргіи лицемѣрія. Общественное мнѣніе не имѣетъ возможности высказаться въ важнѣйшихъ вопросахъ нашей внутренней жизни. Честные органы должны довольствоваться темными, несмѣлыми намеками и хорѣть въ тихой агоніи, среди невозможныхъ условій литературы. Напротивъ, органы, не имѣющіе за собою никакого опредѣленнаго мнѣнія, рѣшаютъ вопросы вкривь и вкось, пресмыкаются или фантазируютъ, лепечутъ дѣтскую нескладицу или поютъ диѳирамбы, рыдаютъ и выкрикиваютъ „ура“. Это какой-то безсмысленный содомъ, гдѣ нѣтъ ни складу, ни ладу. Честные же органы, повторяю, въ важнѣйшихъ вопросахъ, отъ которыхъ зависитъ наше будущее, принуждены молчать или отдѣлываться намеками.

Такимъ образомъ наша журналистика можетъ взять себѣ девизомъ извѣстную змѣю индійской миѳологіи. Кто хочетъ составить себѣ какое либо мнѣніе о нашихъ неурядицахъ, особенно, если онъ человѣкъ посторонній, тотъ долженъ довольствоваться лишь намеками. Эти намеки могутъ его навести на мысль, что мы, при настоящихъ вопіющихъ несообразностяхъ нашей внутренней жизни, не можемъ имѣть притязаній на устроеніе другихъ: намъ самымъ нужно устроится сначала; что если даже внѣшнимъ образомъ наши попытки къ насажденію древа свободы и удадутся, то это самое древо, если мы будемъ за нимъ ухаживать при настоящихъ нашихъ порядкахъ, засохнетъ и захирѣетъ съ тоски; что если даже намѣренія членовъ русскаго общества чисты, если ихъ сочувствіе непритворно, то они, члены русскаго общества, никакъ не могутъ сказать этого относительно тѣхъ, что стоятъ надъ ними, что распоряжаются ими по произволу. Произволъ исключаетъ довѣріе. Кто хочетъ, чтобъ вѣрили, тотъ долженъ вести дѣло на чистоту, открыто. Кто же распоряжается жизнями и имуществомъ не нуждаясь въ опросѣ, въ совѣтѣ, въ свободно выраженномъ мнѣніи, тотъ рискуетъ сдѣлаться предметомъ презрѣнія со стороны всѣхъ благомыслящихъ людей. На такія мысли можетъ навести печальный и унылый тонъ нашей честной прессы, желающей для русской жизни свободы и избавленія отъ гнета нестерпимой реакціи. Но такихъ мыслей пресса прямо не выражаетъ и не можетъ выразить. Она остановливается на полусловѣ. Большая заслуга съ ея стороны то, что она по крайней мѣрѣ твердо настаиваетъ на важности для насъ рѣшенія именно внутреннихъ вопросовъ. Это сдѣлалось уже общимъ мѣстомъ нашихъ честныхъ органовъ. Они указываютъ на тѣ вопросы, на которые возможно указать. Но на важнѣйшіе вопросы указать нельзя, и пресса молчитъ. Это великая заслуга, такъ какъ ничто не мѣшаетъ ей пѣть диѳирамбы. Но разумѣется охотники до этого нашлись.

Эти охотники на первый взглядъ могутъ показаться людьми, доволно сурово и отрицательно относящимися къ

къ нашимъ порядкомъ. Эти охотники нерѣдко указываютъ, что то другое нехорошо, даже очень нехорошо. Неуказывать нельзя, такъ какъ фактъ рѣжетъ глаза. Но они дѣлаютъ одну капитальную ошибку, отчего фонъ русской жизни рисуется совсѣмъ въ невѣрныхъ краскахъ. Дѣло въ томъ, что эти охотники, эти „органы общественнаго мнѣнія“ всѣми своими рѣчами всячески стараются замазать ту щель, которая расколола русское общество на двѣ части и которую никакими силами замазать нельзя. Щель слишкомъ велика и замѣтна. Въ нашемъ обществѣ царитъ расколъ. Одна часть общества, и вѣроятно громаднѣйшая, чувствуетъ на себѣ лишь невзгоды настоящихъ порядковъ и разумѣется недовольна ими. Другая, наоборотъ, благоденствуетъ, такъ какъ всякая политическая реакція должна же кому-либо приносить ближайшую выгоду. Эти представители реакціи въ настоящее время сильны, но сравнительно они весьма немногочисленны. И вотъ органы втораго сорта силятся доказать, что эти прихвостни и столпы реакціи суть краеугольный камень русскаго общественнаго зданія, а что если въ этихъ столпахъ и прихвостняхъ замѣчается кое-что архаическое и даже нестерпимо безобразное, то это мелочи, вовсе не важныя, а въ концѣ концовъ эти столпы и прихвостни воплощаютъ въ себѣ лучшія идеи нашего вѣка. Газеты втораго сорта именно грѣшатъ тѣмъ, что смѣшиваютъ разнородныя понятія, а не настаиваютъ на росчлененіи ихъ или по крайней мѣрѣ не называютъ вещи собственными именами. Оттого въ литературѣ втораго рода царитъ величайшая путаница, неслыханный сумбуръ понятій. Отрывки изъ свободныхъ мнѣній сплетаются съ хлапомъ оффиціальной нелѣпицы, и въ литературѣ господствуетъ величайшее лицемѣріе. На ложку правды приходятся бочки лжи. Лгутъ безпощадно, неутомимо, потому что если не лгать, то языкъ прилипнетъ къ гортани, что весьма даже неудобно. Лгутъ и не каются. Разительнѣйшіе факта обходятся какъ неудобные. Въ фактахъ сомнительныхъ отмалчиваются или отдѣливаются нечленораздѣльными звуками. А вообще ликуютъ и кричатъ „ура“. Но до какой удивительной несообразности доходятъ наши цензурные порядки, видно изъ того, что даже эти невинные, эти почти нѣмые, мурлыкающіе и мычащіе органы довольно часто подвергаются административнымъ взысканіямъ. Во истинну, можно сказать:

1545

своя своихъ не познаша! Среди этихъ вилянiй, пресмыкательства, оффиціальной лжи, дѣтскихъ фразъ и грубаго заушенья, среди всѣхъ оргій шовинизма и нелѣпицъ яко-бы національнаго политиканства, среди этого столпотворенія, этихъ допотопныхъ окаменѣлостей, покрытыхъ лакомъ новѣйшаго издѣлія, среди всего этого разврата общественной мысли администрація умудряется отыскать нѣчто, что необходимо искоренить. Такого рода вещи почти невозможно понять. Вѣдь эта газетная ложь, газетное лицемѣріе просто усыпляетъ общественную мысль, отдаляетъ ясную и твердую постановку общественно политическихъ вопросовъ. За что-же караетъ администрація? По истинѣ, кого судьба желаетъ погубить, того сдѣлаетъ напередъ безумнымъ. Иначе трудно объяснить.

Есть у насъ и органы, третьяго сорта. Они создали себѣ промыселъ изъ восхваленія реакціонныхъ поползновеній. Это литература политическаго доноса. Подвиги этой литературы проходятъ черною лентою черезъ нашу жизнь начиная съ 63 года. Несомнѣнно, что отчасти мы должны благодарить эти органы за всѣ тѣ прелести жизни, которыми наслаждаемся теперь. Литература эта сравнительно не слишкомъ обширная, но, какъ говорится, „хорошо освѣдомленная“.

И такъ, кто сталъ-бы искать полнаго и безпристрастнаго выраженія руководящихъ началъ нашей жизни и нашего общественнаго мнѣнія въ литературѣ, тотъ былъ-бы принужденъ довольствоваться намеками. Кромѣ намековъ, онъ могъ-бы встрѣтить ложь и оффиціальное лицемѣріе, приправленное букетомъ доноса.

II.

Прочитайте братья Славяне наши газеты и журнали за послѣднее время. Вы найдете тамъ множество разсужденій по финансовому вопросу, по крестьянскому, аграрному вопросу (который, кстати сказать, надвигается у насъ мрачною тучей). Вы найдете множество благоразумныхъ и либеральныхъ совѣтовъ, которые, если-бы были исполнены, вѣроятно улучшили-бы наше положеніе.

Но хроническій недостатокъ всѣхъ этихъ совѣтовъ тотъ, что они даются совершенно такъ сказать безнадежно,

что они не указываютъ на основное условіе, при которомъ эти совѣты могли-бы имѣть силу. Такимъ образомъ эти совѣты представляютъ самое простое переливанье изъ пустаго въ порожнее. Въ самомъ дѣлѣ: какой смыслъ будутъ имѣть совѣты, если я буду давать ихъ человѣку, который, во первыхъ, можетъ безнаказанно не слушать этихъ совѣтовъ, который, во вторыхъ, по своему хроническому упорству, косности и неспособности, даже не можетъ оцѣнить всей доброжелательности моихъ совѣтовъ, который, за всякое болѣе откровенное слово, разражается противъ меня административными карами, безсмысленнѣе которыхъ трудно себѣ что-либо представить?

Однако-же, въ послѣднее время, благодаря многочисленнымъ такъ называемымъ „политическимъ преступленіямъ“, выдвинулся отчасти на сцену нашъ внутренній политическій вопросъ, основной вопросъ, безъ рѣшенія котораго мы не можемъ шагу ступить дальше, а не то что освобождать другихъ.

Какъ отнеслась къ этимъ „преступленіямъ“ публицистика? Воспользовалась-ли она ими, чтобы поставить вопросъ прямо, откровенно?

Какъ я сказалъ выше, публицистика стоитъ въ заколдованномъ кругѣ. Для твердой постановки этого вопроса она не имѣетъ никакой возможности. Но тогда лучше отдѣлываться молчаніемъ или намеками, но не уступать ни капли, не смягчать рѣзкости вопроса ни на одну іоту.

Такъ многіе и постарались сдѣлать. Они прямо намекали, что „политическія преступленія“ лишь тогда могутъ исчезнуть или уменьшиться, когда измѣнится нашъ политическій строй, когда правительство перестанетъ опекать насъ, перестанетъ давить насъ ежеминутно, стѣснять наши мысли, подавлять наши благороднѣйшія намѣренія, губить наши молодыя силы. Дальше намековъ дѣло не шло и не могло идти.

Но такъ ли поступала публицистика втораго сорта?

Къ сожалѣнію, нѣтъ. Правда, и она какъ-будто сознавала, что „преступленія политическія“ суть продуктъ нашей гнилой, застоявшейся политической системы. Но признала-ли она этотъ фактъ искренно, безповоротно? Нѣтъ, наоборотъ, мы видимъ далѣе массу виляній, недомолвокъ, переплетенныхъ съ оффиціальнымъ лицемѣріемъ. Эта пресса лицемѣрно

155

возмущалась результатами, не указывая тутъ же на причины, которыя совершенно необходимо должны были вызвать и будутъ вызывать эти результаты. Эта пресса по временамъ юродствовала и издѣвалась тамъ, гдѣ нужно было плакать или молчать. Величайшій катаклизмъ, приближающійся въ русской жизни, вырывалъ у этой прессы часто шипящіе звуки ненависти, лицемѣрные возгласы оффиціальнаго патріотизма. Тѣ, что не побоялись цѣною своей жизни пальцемъ указать на наши кровавыя, гнойнося раны, на наши вѣковыя болячки, — тѣ подвергались со стороны этой прессы презрѣнію, издѣвательствамъ, всѣмъ адамъ и чистилищамъ лицемѣрной декламаціи, не постыдившейся изливать передъ всенародными очами потоки грязной клеветы и подлаго доноса. Карликъ издѣвался надъ Антеемъ, Терситъ надъ Ахилломъ, Калибанъ надъ Аполлономъ! Обдѣленный судьбою идіотъ презрительно скалилъ зубы и указывалъ пальцемъ на смѣлаго и искренняго мыслителя, который не хотѣлъ дальше влачить свое существованіе въ позорѣ, склонять свою шею подъ ярмомъ реакціи. О, Господи, Господи! За что-же мы дожили до такого позора, что тѣ, которые должны были поддерживать насъ, науськиваютъ на насъ административныя кары? За что же такъ безпощадно играетъ нами исторія? За что всю свою жизнь влачимъ мы среди лицемѣрія, пустоты, трусости, идіотизма, позора? О, русская пресса извѣстнаго подбора! Пусть припомнятся тебѣ твои лицемѣрные вопли въ тотъ день, когда ты стакешь въ еще болѣе безъисходное положеніе, чѣмъ теперь!

До какого неслыханнаго лицемѣрія доходила эта пресса, видно, напримѣръ, изъ того, что настоивая на необходимости изучать причины нашихъ „политическихъ преступленій“, она не осмѣлилась твердо указать хоть на тотъ фактъ, что у насъ гражданинъ, особенно если онъ интеллигентный, не имѣетъ перваго права всякаго свободнаго гражданина, — права на судъ! Интеллигентнаго гражданина у насъ хватаютъ, садятъ въ тюрьму или ссылаютъ куда-нибудь на сѣверъ, проводятъ его по всѣмъ чистилищамъ тюремныхъ замковъ, кутузокъ, пересыльныхъ тюремъ, путешествій съ жандармами, крѣпостныхъ казематовъ, поднадзорности полиціей, житья въ неизвѣданныхъ захолустьяхъ, вдали отъ всякихъ умственныхъ центровъ, вдали отъ всякаго общенія съ жи-

выми людьми. Это называется административной ссылкой. Ссылоютъ безъ суда, по простому произволу. Сосланный называется преступникомъ. Съ нимъ обращаются какъ съ преступникомъ. Кто рѣшилъ, что онъ преступникъ? Администрація, т. е. судья въ своемъ собственномъ дѣлѣ.

И на этотъ-то примитивный фактъ пресса побоялась указать, отдѣлываясь безсмысленными и лицемѣрными фразами. Она, видите-ли, разыскивала причины „политическихъ преступленій". Она лицемѣрно, подлымъ образомъ пѣла пѣсню: „законы существуютъ, слѣдовательно ихъ необходимо исполнятъ, каковы-бы ни были эти законы". Да побойтесь вы Бога! Развѣ можно признавать законъ, который отнимаетъ у гражданина право быть судимымъ? Вѣдь даже разбойники, воры, убійцы, грабители судятся. А у насъ „политически подозрительный" человѣкъ не можетъ надѣятся на судъ. Его судятъ развѣ изъ жалости, тогда, когда все равно ему не остается надежда. Если-же судъ его оправдаетъ, его все равно сошлютъ какъ обыкновеннаго вора и мошенника. Что-же это за законъ такой? Вѣдь это насиліе, терроръ! Вѣдь это вѣчное осадное положеніе? Или вы забыли, что даже юристы признаютъ право сопротивленія, когда нѣтъ гарантій свободы, когда отказывается гражданину въ элементарнѣйшихъ правахъ? Вѣдь въ учебникахъ даже приводится законъ, который такъ формулированъ англійскимъ кодексомъ: natural right of resistance and self-preservation, when the sanctions of society and laws are found insufficient to restrain the violence of oppression. А какой еще искать намъ violence of oppression. И гдѣ законы, которые гарантировали бы насъ отъ произвола и насилія! Развѣ можно отрицать справедливость великаго принципа: Nullus liber homo aliquo modo destruatur, nisi per legale judicium parium suorum aut per legem terrae? А что-же это за lex terrae, который-бы сталъ отрицать право гражданина на судъ.

Это одна изъ безчисленныхъ сторонъ нашего внутренняго вопроса, быть можетъ болѣе всего знаменательная и потому заслуживающая того, чтобы остановиться на ней подальше.

Посторонній человѣкъ можетъ довольно беззаботно возразить на это словами великаго поэта: Was verschmerzte nicht der Mensch? Vom Höchsten, wie vom Gemeinsten lernt

er sich entwöhnen, denn ihn besiegen die gewalt'gen Stunden. Но намъ нельзя смотрѣть такъ на эти вещи, для насъ невозможно кидать взоры на наше болото à vol d'oiseau. Къ намъ скорѣе можно обратиться съ слѣдующими словами того-же великаго поэта:

„Ihr seid gemeine Männer nur; doch denkt
Ihr nicht gemein, ihr scheint mir's Werth vor andern,
Dass ich ein traulich Wörtlein zu euch rede —
Seht! Fünfzehn Jahr' schon brennt die Kriegesfackel,
Und noch ist nirgends Stillstand. Schwed' und Deutscher!
Papist und Lutheraner! Keiner will
Dem andern weichen! Jede Hand ist wider
Die andre! Alles ist Parthei und nirgends
Kein Richter! Sagt, wo soll das enden? Wer
Den Knäul entwirren, der, sich endlos selbst
Vermehrend, wächst?"

„Er muss zerhauen werden", рѣшаетъ поэтъ послѣдній вопросъ. Какъ-же дѣло устроится у насъ? Къ чему мы идемъ и что насъ ожидаетъ впереди? Мы не знаемъ. Мы не можемъ этого знать. Мы знаемъ лишь то; что теперь намъ чрезвычайно какъ нехорошо.

III.

Нѣмецкіе юристы различаютъ шесть родовъ государства. Существеннымъ признакомъ новѣйшаго государства признается то, что оно имѣетъ въ своей основѣ идею права. Это такъ называемое Rechtsstaat. Различаютъ, три вида Rechtsstaat-а: демократію, аристократію и монархію. Не станемъ спорить противъ такой классификаціи, которая и неважна. Спросимъ себя: что-же означаетъ такъ насываемое полицейское государство, Polizeistaat? Куда отнесть его? Какой уголокъ въ классификаціи отведемъ мы для него? Ужъ не признаемъ ли мы, что это лишь извѣстная система опеки, которая можетъ имѣть мѣсто во всѣхъ родахъ правоваго государства?

Если мы, русскіе, станемъ воображать себѣ, что живемъ также въ правовомъ государствѣ, а не въ деспотіи (и безъ сомнѣнія, нельзя-же думать, что мы живемъ въ чистой деспотіи, это было-бы несправедливо сказать), если мы станемъ

воображать это, то придется сознаться, что наше Rechtsstaat есть въ большой мѣрѣ именно Polizeistaat. Признакомъ нашего государства-Януса является то, что нѣмецкая газета назвала tyrannische Willkühr der Polizei, тираническій произволъ полиціи (нашъ органъ, который привелъ въ своемъ обозрѣніи эту фразу нѣмецкой газеты, не осмѣлился даже перевесть ее на русскій языкъ). Это наша краса, наше дѣйствительнѣйшее орудіе, наша слава, это наше восьмое чудо свѣта. Мы его ниоткуда незаимствовали. Это свое, родное. Эта застарѣлая болячка особенно сильно давитъ насъ въ эпохи политической реакціи. Поэтому теперь она придавила насъ съ удвоенною силой, съ небывалою злобой, которая прикрывается лицемѣрною ширмой „государственной необходимости“, знаменитаго Staatsraison-а нѣмецкихъ Фюрстовъ XVIII. столѣтія. Спрашивается: неужели благо государства требуетъ такихъ оргій произвола и грубаго, безсмысленнаго насилія, какія у насъ разыгриваются чуть не ежедневно? неужели дѣло государства не дискредитируется, неужели даже дѣйствительно честные дѣятели не станутъ смѣшиваться съ нечестными, если вездѣ будутъ царить такія неслыханныя злоупотребленія, какія царятъ у насъ?

Въ самомъ дѣлѣ, судите сами, читатель.

Если вы человѣкъ состоятельный и съ свободнымъ временемъ, садитесь скорѣе на пароходъ и минуя Норвегію высадитесь въ Колѣ, городѣ, который стоитъ на берегу Ледовитаго Океана. Дальше вамъ нужно путешествовать на оленяхъ. Я совѣтую вамъ сначала держаться близко берега. Посѣщайте по пути города, проѣзжайте черезъ Архангельскъ, Мезень, Холмогоры, пока, черезъ неизмѣримыя тундры, не доберетесь до Пустозерска (сомнѣваюсь, чтобы вы могли совершить такой подвигъ). Поѣзжайте отсюда немного на югъ и снова затѣмъ поворачивайте на западъ, совершая параллельную прежней дугу. Посѣщайте по пути города и деревни, въ которыхъ помѣщается становая квартира, центръ волости. Опишите такихъ дугъ нѣсколько. Изслѣдовавши Архангельскую губернію, проѣзжайте по Олонецкой, Вологодской, Вятской, Пермской, Костромской. Я вамъ скажу, что это чрезвычайно длинный путь, потому что пространства эти громадныя. Не забудьте-же посѣщать города и волости.

157

Подъѣзжая къ городу или волости, спросите прежде всего: нѣтъ ли тутъ „политическихъ ссыльныхъ“. Вездѣ или почти вездѣ вамъ отвѣтятъ: какъ не бывать? Что-вы? Помилуйте! Вамъ скажутъ, что есть и даже очень много. Въ иныхъ городахъ вамъ насчитаютъ хоть десятокъ. Въ волостяхъ вы встрѣтите по одному.

Что-же это за удивительные и таинственные „политическіе“ ссыльные? И почему они должны насъ интересовать?

Это нетрудно объяснить.

Вы, читатель, безъ сомнѣнія слыхали о нашихъ политическихъ процессахъ-монстрахъ. Это такого рода процессы: въ средѣ нашей молодежи, по преимуществу студентовъ различныхъ заведеній, часто образуются кружки. Цѣли этихъ кружковъ бываютъ очень разнообразны. Иногда это просто производительныя и потребительныя ассоціаціи, куда примыкаетъ и неучащаяся молодежь. Иногда это кружки самообразованія. Иногда въ этихъ кружкахъ идетъ дѣятельная выработка общественныхъ и политическихъ идеаловъ. Случается, наконецъ, что кружки задаются какими либо практическими цѣлями. Большею частью это бываетъ пропаганда въ народѣ и среди интеллигенціи извѣстныхъ соціальныхъ и политическихъ идей. Такого рода кружки сравнительно весьма рѣдки, по весьма понятнымъ причинамъ. Обыкновенно эти послѣдніе кружки сначала разрабатываютъ среди своихъ членовъ извѣстныя идеи, условливаются относительно многочисленныхъ и запутанныхъ вопросовъ науки и жизни. Безъ сомнѣнія, разработка этихъ вопросовъ идетъ живая, искренная, но остается только разработкой. Обыкновенно въ періодѣ этой разработки такіе кружки распадаются или отъ разногласій, или отъ недостаточной зрѣлости членовъ для осиленія великихъ общественныхъ вопросовъ. Это явленіе совершенно понятно, если припомнить то ничтожное количество свѣдѣній и еще менѣе ничтожный навыкъ къ методическому, систематическому и упорному мышленію, тотъ не твердый навыкъ къ осиленію простѣйшихъ проблемъ, который получаетъ воспитанникъ нашихъ учебныхъ заведеній, съ ихъ гнилою, пропитанною ядомъ лицемѣрія педагогическою системой. Итакъ, какъ я сказалъ, кружки эти распадаются въ періодъ разработки вопросовъ. Члены распавшагося кружка или погружаютая въ самонаблюденіе, начинаютъ самообразовы-

ваться, или поступаютъ въ какой-либо иной кружокъ, задающійся менѣе широкими цѣлями, или, наконецъ, остаются навсегда особняками, зондерлингами. Я сказалъ, что кружки послѣдняго рода распадаются въ большинствѣ случаевъ. Но бываютъ исключенія. Случается хорошій подборъ членовъ, болѣе или менѣе солидарныхъ и развитыхъ. Это одинъ случай на сотни, быть можетъ тысячи. Въ этомъ рѣдкомъ случаѣ кружокъ начинаетъ преслѣдовать извѣстныя, твердоопредѣленныя цѣли. Большею частью члены кружка расходятся по фабрикамъ и деревнямъ, гдѣ знакомятся съ народомъ, объясняютъ своимъ знакомымъ простѣйшія задачи политической экономіи, задачи, которыя западный рабочій можетъ превосходно узнать изъ книгъ.

Обыкновенно на этомъ дѣло останавливается. Неопытные и увлекающіеся юноши большею частью ведутъ дѣло слишкомъ горячо, слишкомъ неосторожно. По доносу, большею частью вслѣдствіе собственной неосторожности, этихъ юношей хватаетъ полиція. Такой простѣйшій повидимому случай поднимаетъ на дыбы все мѣстное начальство Приспособленная спеціально къ этому дѣлу полицейская администрація начинаетъ допросы, поиски, вызываетъ доносы, отыскиваетъ переписку, производитъ множество обысковъ, днемъ и ночью. Никто несвободенъ отъ обысковъ. Всѣхъ, кто хотя въ малѣйшей степени прикосновененъ къ дѣлу, всѣхъ, съ кѣмъ изловленный субъектъ имѣлъ хотя какія-либо болѣе близкія отношенія, хотя-бы въ этихъ отношеніяхъ не было ни капли чего-либо подозрительнаго, — всѣхъ этихъ людей хватаютъ и безъ всякихъ формальностей, безъ всякихъ строгозаконныхъ причинъ, словомъ, sine ambagiis, — сажаютъ въ тюрьму. Такого рода беззастѣнчивость объясняется конечно лишь какой-то необъяснимой паникой, которую наводитъ человѣкъ, подозрительный въ политическомъ смыслѣ.

Какъ-бы то ни было, ихъ садятъ въ тюрьму. Слѣдствіе тянется годъ, два и три, часто больше. Матеріалы все накопляются да накопляются. Всѣ маловажныя письма, всѣ незначительные поводы влекутъ за собою аресть нѣсколькихъ человѣкъ. Это дѣла совсѣмъ выходящія изъ ряду. Тутъ не соблюдается человѣческій смыслъ, тутъ презирается совѣсть, тутъ попирается законъ, права, всѣ элементарнѣйшія требованія справедливости. Если вы „политическій преступникъ“ и у васъ есть жена, — она непремѣнно будетъ посажена въ тюрьму. За что? Не за то-ли, что она виновна въ вашихъ яко-бы „преступленіяхъ“? Но вѣдь часто она и знать ничего не знала и во всякомъ случаѣ не дѣлала ничего подозрительнаго. Но это ничего не значитъ въ глазахъ всполошившагося начальства. Она ваша жена, и этого достаточно. И вотъ она, невинная, какъ голубь, чистая, какъ ангелъ, хватается грубыми руками жандармовъ и садится въ тюрьму, въ одиночное заключеніе, замѣтьте. Она не можетъ видѣть ни своего мужа, ни братьевъ, ни сестеръ, ни отца, ни мать. Она погребена заживо. И вотъ она сидитъ въ казематѣ годъ, два и больше, пока-дѣло не будетъ представлено на судъ. Послѣ того она, ни въ чемъ невинная, должна или раздѣлить судьбу мужа, т. е. большею частью отправиться въ Сибирь на вѣчныя времена, или-же испытать всѣ муки административной ссылки, если судъ найдетъ вашу жену рѣшительно ни въ чемъ неповинной,

Та-же судьба, что испытала вашу жену, испытываетъ большею частью вашихъ братьевъ, сестеръ и болѣе близкихъ вашихъ знакомыхъ. Тутъ-то и начинается настоящее раздолье-для прокуроровъ и жандармовъ. Здѣсь то они ухищряютъ всѣ возможныя и невозможныя средства, чтобъ привлечь къ дѣлу возможно большее число лицъ. Здѣсь-то они напрягаютъ всѣ силы своего подлаго, лакейскаго ума, чтобъ опутать сѣтью формальной улики всѣхъ, — виновныхъ и невиновныхъ, причастныхъ къ дѣлу и вовсе непричастныхъ. Здѣсь-то захватываются цѣликомъ тѣ невинные кружки первыхъ двухъ сортовъ, о которыхъ упоминалось выше. Кого хватаютъ и сажаютъ въ казематы? Кого губятъ физически и морально? Молодежь. Эта оргія произвола въ сущности не иное что, какъ систематическое истребленіе молодежи. Это дневной, очевидный для всѣхъ разбой и убійство. Это легальная рѣзня, гдѣ жертвой, невинной жертвой является цвѣтъ нашего юношества, наша отрада и надежда, наше воплощенное будущее, наши сыновья и дочери, наши братья и сестры. Это погибаетъ все лучшее, на чемъ съ отрадою отдыхаетъ взоръ. Мы смотримъ на это въ совершенномъ столбнякѣ. Наши нервы притупились, потому что это зрѣлище видимъ ежегодно, чуть не ежедневно. Каждый часъ мы видимъ возлѣ себя тѣхъ, кто производитъ эту бойню молодежи, мы пожи-

маемъ имъ руки, мы улыбаемся имъ въ лицо. Мы привыкли, Великое слово-привычка!

Пусть отсохнетъ моя рука, если я написалъ хотя одно слово неправды.

И вотъ цвѣтъ нашего юношества, наша подрастающая интеллигенція сидитъ въ казематахъ, въ одиночныхъ заключеніяхъ, исхудалая, блѣдная, голодная. Сколько тутъ губится молодѣхъ силъ, сколько тутъ скопляется ненависти, сколько умираетъ людей, виновныхъ въ чемъ либо ничуть не болѣе насъ съ вами, читатель, — про то и сказать невозможно. Это можно лишь вообразить, когда во время суда, года черезъ два, черезъ три послѣ вчатія дѣла, мы узнаемъ, что десятки подсудимыхъ уже не существуютъ въ семъ лучшемъ изъ міровъ. Поставьте себя на мѣсто матери, поставьте себя на мѣсто отца этихъ отошедшихъ отсюда юношей, — и вы поймете наше положеніе.

А слѣдствіе все продолжается да продолжается. Сѣть формальной улики охватываетъ все большее число людей. Тюрьмы переполняются. Нѣтъ мѣры произволу.

Что это означаетъ? Это значитъ, что подготовляется обвинительный актъ. Что это за обвинительный актъ? Это chef-d'oeuvre въ своемъ родѣ, это наше девятое чудо свѣта. Впрочемъ, вы можете прочитать эти акты. Они печатаются. Если вы не расхохочетесь въ припадкѣ истерики при чтеніи ихъ, то значитъ вы удивительный человѣкъ.

Вѣдь это такого рода дѣло. На предварительномъ слѣдствіи хватали людей безъ разбора. Теперь въ этихъ людяхъ нужно разобраться, нужно раздѣлить ихъ на категоріи. Были принесены кипы документовъ, нужныхъ и не нужныхъ, важныхъ и неважныхъ. Все это нужно прочитатъ и перечитать. Все это нужно свести въ систему, нужно придать этому логическую стройность. Это египетскій трудъ, невозможный для цѣльнаго и честнаго человѣка. Предпринимать такой трудъ значитъ брать на себя отвѣтственность за безбожныя убійства. Вѣдь людей хватали во всѣхъ концахъ обширной русской земли. Хватали какъ попало, на томъ основаніи, что „тамъ разберутъ“. Теперь они, этотъ навазъ, это мясо, эти жертвы усердія, этотъ цвѣтъ нашего юношества, — теперь они сидятъ въ казематахъ. Не вѣчно-же имъ сидѣть. Нужно съ ними что-либо дѣлать, не то даже совѣстно какъ-то.

159

Прокуроръ составляетъ обвинительный актъ. Онъ бѣдняга, думаетъ совершить египетскую работу. О, если-бы прослѣдить по косточкамъ весь процессъ прокурорской мысли въ это время, — да вѣдь это было-бы величайшее въ мірѣ литературное произведеніе!

Этому египетскому труженику нужно соединить несоединимое, слить во едино химическіе разнородные элементы. Ему нужно уловить небывалую связь между Одессой и Петербургомъ, между Енисейскомъ и Брестъ Литовскомъ, между Колой и Петропавловскомъ. Онъ долженъ мысленно связать Берлинъ съ Вѣной, онъ долженъ мысленно прокатиться въ Парижъ, онъ долженъ искать „корней и нитей“ тамъ, гдѣ не можетъ отыскать ихъ никакое воображеніе, будь это воображеніе Шекспира. Ему, словомъ, нужно отыскать гигантскій заговоръ, громадную сѣть конспираціи, ему нужно отыскать вѣтви этого заговора по всей Россіи. Онъ долженъ объявить, что отечество было въ нѣкоторомъ смыслѣ въ опасности, и что онъ, египетскій труженикъ. несчастное орудіе чужой воли, что онъ, этотъ пигмей — гигантъ, эта мумія, этотъ дьяволъ въ человѣческомъ образѣ, это воплощеніе извращенной человѣческой совѣсти, — ему нужно объявить, что онъ въ нѣкоторомъ смыслѣ спасъ наше великое отечество.

И вотъ онъ составляетъ обвинительный актъ. Смотрите на него, любуйтесь на этотъ любопытный монстръ, созерцайте это чудо натуральной исторіи!

Однако-же, есть невозможное и для великаго, est modus in rebus. Изъ сидящихъ въ тюрьмахъ есть такіе, которыхъ никакія силы человѣческой фантазіи, никакія насилія надъ здравымъ смысломъ и совѣстью не могутъ поставить въ связь съ возникшимъ процессомъ.

Что-же? Выпускаютъ-ли этихъ людей на свободу? Даютъ-ли имъ подышать на свѣжемъ воздухѣ и полюбоваться высокимъ сводомъ лазурнаго неба? Говорятъ-ли имъ: „Мы васъ продержали такъ долго въ тюрьмѣ совершенно по ошибкѣ. Извините насъ. Вы свободны.“ Говорятъ-ли имъ это?

О, нѣтъ, съ ними поступаютъ гораздо проще. Ихъ выводятъ изъ тюрьмы, садятъ въ кибитку и везутъ, далеко везутъ, за тысячи верстъ. Куда это везутъ этихъ несчастныхъ, измученныхъ, обезсиленныхъ, разбитыхъ, идіотизированныхъ въ одиночномъ заключеніи юношей? Ужъ не домой-ли?

Вы ошибаетесь. Ихъ везутъ въ административную ссылку. Ихъ, которыхъ не судили, потому что нельзя было судить, везутъ въ ссылку, наряду съ ворами и извѣстными мошенниками. Кого они убили, кого ограбили, какую основу потрясли? Что они украли?

Никого и ничего. Но они „участвовали“ въ политическомъ процессѣ. Слѣдовательно, они-люди „неблагонамѣренные“. Слѣдовательно, они люди „подозрительные“. Слѣдовательно, они „преступники политическіе“. Слѣдовательно, они стоятъ внѣ закона. Слѣдовательно, они не имѣютъ права быть судимыми. Слѣдовательно, ихъ, шельмъ и безбожниковъ, нужно послать въ административную ссылку. Они хуже воровъ и разбойниковъ.

Поняли вы теперъ, читатель, что означаетъ слово „административная ссылка“? Уразумѣли вы весь смакъ этого изумительнаго для нашего времени обычая? Этотъ обычай выгодно отличаетъ насъ передъ вами, братья славяне, передъ всей Европой. Мы можемъ хвалиться этимъ обычаемъ. Это, видите-ли, свое, родное.

Когда вы будете путешествовать такъ, какъ я вамъ посовѣтовалъ, то въ ряду другихъ администативныхъ ссыльныхъ вы найдете множество такихъ, о которыхъ я упомянулъ только что. Спросите ихъ: васъ за что сослали? Они вамъ отвѣтятъ: а развѣ-же мы знаемъ? Вы спросите: да какъ-же такъ? Вѣдь это позоръ и поношеніе! На это они отвѣтятъ: ахъ г. иностранецъ, не удивляйтесь пожалуйста. Nil admirari у насъ. Все это у насъ очень просто. Вотъ, напримѣръ, представьте себѣ, что вы обѣдаете и мечтаете о небесныхъ миндалахъ. Вдругъ является жандармъ, ведетъ васъ въ тюрьму, запираетъ за вами дверь, съ маленькимъ-маленькимъ отверстіемъ вверху, изъ котораго за вами наблюдаютъ. Вотъ вы, г. иностранецъ, сидите въ вашемъ одиночномъ заключеніи годъ, два, три. Если вы живы еще, то можете дождаться, что васъ посадятъ на кибитку и отвезутъ въ Колу, Мезень или Пустозерскъ. Вотъ вы и готовы, г. иностранецъ. Вы превратились въ политическаго преступника. Вы стоите внѣ закона. Словомъ, вы административный ссыльный.

Вы, читатель, не удовлетворитесь такимъ отвѣтомъ. Вы спросите: да послушайте! Долго вы сидите здѣсь? Быть можетъ о васъ забыли. Что-же это такое, Господи! Тогда

вашъ собесѣдникъ отвѣтитъ вамъ: о г. иностранецъ! Вы слишкомъ наивны. Нѣтъ, обо мнѣ не забыли. Но мнѣ еще рановременно возвратиться. Понимаете, раповременно. Я сидѣлъ годъ, два, вотъ я досиживаю третій годъ. Я болѣнъ и безсиленъ. Я пропащій, погибшій, несчастный человѣкъ. Мнѣ остается немного времени до смерти. Я просилъ, чтобъ отпустили мою душу на покаяніе. Но мнѣ отвѣчали: рановременно. Да, именно, voilà le mot! Рановременно! — Однако-же, возвратимся къ прерванному разказу.

Обвинительный актъ конченъ. Приглашаютъ адвокатовъ, назначаютъ судъ. Вы можетъ быть воображаете, что это судъ присяжныхъ? Вы ошибаетесь. Это „особое присутствіе правительствующаго сената“, а это громадная разница.

Встаетъ прокуроръ и читаетъ свое знаменитое издѣліе: „О противуправительственной пропагандѣ въ Имперіи.“

Оказывается, что русская земля была въ опасности. И отъ кого-же? Отъ этихъ блѣдныхъ, обезсиленныхъ людей, которые съ такимъ унылымъ видомъ сидятъ на скамьѣ подсудимыхъ. Да и какъ имъ не быть унылыми! Вѣдь они присутствуютъ при финалѣ позорнаго фарса, при послѣднемъ актѣ пасквильной комедіи. Ихъ обвиняютъ и защищаютъ. Судъ выслушиваетъ съ глубокомысленнымъ видомъ. Да вѣдь это позорное, нахальное лицемѣріе. Вѣдь судьба этихъ блѣдныхъ, обезсиленныхъ людей рѣшена напередъ!

Адвокаты говорятъ много и краснорѣчиво, хотя не слишкомъ смѣло. Но все-же говорятъ. Они объясняютъ, до какой степени беззаконно велось все дѣло, до какой степени безсмысленны улики прокуратуры. Они указываютъ на то, что вѣдь обвиненые вынесли длинную агонію одиночнаго тюремнаго заключенія, что треть обвиняемыхъ умерла въ заключеніи. Они прямо смѣются надъ прокуроромъ, когда тотъ начинаетъ идіотически объяснять, что обвиняемые должны понесть не только кару закона, но еще должны будутъ отвѣчать на страшномъ судѣ (!). Они указываютъ на ни съ чѣмъ несообразныя обвиненія въ „хулѣ противъ славимаго во единой тройцѣ Бога“.

Но къ чему весь этотъ громъ адвокатскихъ рѣчей? Это вовсе лишній аксессуаръ. Все дѣло заключается въ прокурорскомъ краснорѣчіи, которое даже одна русская газета назвала „сомнительнымъ“.

Фарсъ сыгранъ. Занавѣсъ опущенъ. Актеры сорвали парики и вымыли лица. Остальное дѣло администраціи.

Администрація выжидаетъ окончанія суда, какъ звѣрь въ циркѣ нѣкогда выжидалъ свою жертву.

Вотъ онѣ, жертвы. Это она, измученная, обезсиленная молодежь.

Горе тѣмъ, кого не осудили! Горе и тѣмъ, кого осудили. Но второе горе иногда бываетъ меньше перваго.

Какъ такъ? Очень просто. У насъ все просто.

Дѣло въ томъ, что иногда обвиненныхъ приговаривали лишь къ нѣсколькимъ мѣсяцамъ ареста. Бывали случаи, что этимъ арестомъ дѣло оканчивалось. Человѣкъ выходилъ на свободу, то есть, на относительную свободу, именно подъ надзоръ полиціи, очень назойливый надзоръ.

Но горе тѣмъ, кого не осудили. Ихъ тутъ-же, у зданія суда хватали, садили въ кибитку и везли. Куда?

Въ административную ссылку.

Да за что-же? Помилуйте! Вѣдь это разбой!

Какъ за что? Да вѣдь они „учавствовали“ въ политическомъ процессѣ. Слѣдовательно, они „политическіе преступники“.

Пусть еще будутъ благодарны, что ихъ судили. А если ихъ оправдали, то что за важность! Нѣтъ, нѣтъ, необходимо отправить ихъ, шельмецовъ и безбожниковъ, въ административную ссылку.

И ихъ отправляютъ. Да какъ! Массами, большою гурьбой, безъ разбора. Ихъ отправляютъ умирать медленною смертью въ захолустьи административной ссылки.

Зачѣмъ тутъ лишнія слова? Вѣдь это фактъ! Это фактъ, извѣстный каждому русскому мальчику, но особенно русскимъ матерямъ. О, русскія матери! Кто изчерпаетъ море слезъ, которыя вылились изъ вашихъ глазъ? Кто изслѣдуетъ глубину вашей скорби?

Не станемъ говорить объ этомъ. Это можно лишь вообразить себѣ въ тѣ минуты, когда душа раскрывается для сочуствія, когда сердце дѣлается способнымъ биться для чужаго горя.

Итакъ, читатель, вы путешествуете по русскимъ селамъ и городамъ. Не забудьте вы вести списокъ политическимъ ссыльнымъ, такъ какъ русское общество не знаетъ,

сколько у него политическихъ ссыльныхъ. Оно какъ будто и не заботится объ этомъ. Вѣрно лишь то, что мы не имѣемъ оффиціальныхъ отчотовъ о числѣ административныхъ политическихъ ссыльныхъ. Это наша тайна. Мы сами боимся, стыдимся нашей тайны. Она должно быть рѣжетъ намъ глаза, потому что не можетъ не рѣзать нашихъ глазъ такая возмутительная по нашему времени несправедливость. Однако-же мы поживаемъ себѣ довольно спокойно. А число административныхъ ссыльныхъ все увеличивается да увеличивается. Какъ это дѣлается, о томъ будетъ рѣчь ниже.

„Sagt, wo soll das enden? Wer
Den Knäul entwirren, der, sich endlos selbst
Vermehrend, wächst?

* * *

Что-же однако это за административные ссыльные? Каковы условія ихъ жизни?

Обыкновенно для административныхъ ссыльныхъ губернія, куда ихъ имѣютъ сослать, назначается еще на мѣстѣ, откуда они высылаются. Послѣ долгихъ странствованій по безконечнымъ пустынямъ, послѣ основательнаго ознакомленія съ тюрьмами, кутузками, пересыльными замками, мнимый „политическій преступникъ“, въ непремѣнномъ сопровожденіи двухъ жандармовъ или солдатъ, въ случаѣ, если жандармовъ оказывается недостаточно (въ нашей жандармской странѣ случается и такой казусъ, потому что слишкомъ много ссыльныхъ), — мнимой преступникъ пріѣзжаетъ въ губернскій городъ. Продержавши его, преступника, въ различныхъ канцеляріяхъ, отводятъ его въ тюрьму, „на казенную квартиру“. Здѣсь онъ ожидаетъ, пока не будетъ опредѣлено, въ какой именно уже уѣздный городъ выслать его. Такимъ образомъ изъ тюрьмы мнимый преступникъ переходитъ въ руки уѣзднаго исправника, высшей полицейской власти въ уѣздѣ. Въ полиціи мнимый преступникъ обязанъ дать письменное обѣщаніе, что не станетъ отлучаться за черту города, что будетъ представлятъ всю свою корреспонденцію на прочтеніе исправнику, что не будетъ заниматься преподаваніемъ уроковъ. Послѣ этого мнимаго преступника выпускаютъ изъ полиціи на улицу: иди молъ и не грѣши.

Вотъ вы на улицѣ. Предположите, что теперь зима. Васъ схватили неожиданно и отвезли въ той одежѣ, въ какой вы были въ моментъ ареста. Если вы передъ тѣмъ сидѣли въ тюрьмѣ, то навѣрно вы человѣкъ больной, измученный. Кромѣ того, вы человѣкъ бѣдный. Когда вы были въ университетѣ, средства къ жизни доставляли вамъ занятія уроками. Вы не обучались никакимъ ремесламъ. Словомъ, вы обыкновенный интеллигентный человѣкъ, какихъ въ Россіи тысячи.

И вотъ васъ оторвали отъ вашей среди, вывезли какъ зачумленный товаръ изъ вашей родины, измучили, оскорбили и наконецъ-наконецъ выгнали на улицу какъ паршивую собаку. Если вы больны, ступайте въ больницу, Къ счастью, тамъ васъ примутъ. Если вы слабы и безсильны, можете лечь у полиціи отдохнуть. Вѣроятно, вамъ никто не помѣшаетъ. Если вы голодны, поищите въ карманѣ денегъ. Если у васъ денегъ нѣтъ, никто вамъ не препятствуетъ умирать съ голоду. Предположите, что у васъ нѣтъ ни отца, ни матери, что вы сирота. Что вамъ дѣлать? Куда дѣваться? Гдѣ приклонить главу?

Чешская пѣсня гласитъ, что „слованъ све братри вшуде ма“. Хорошо, если въ захолустьи, куда васъ выслали, есть вашъ „братъ“, то есть, такой-же ссыльный какъ и вы. Ступайте къ нему. Онъ навѣрное поможетъ вамъ, если только это въ его силахъ.

Кто вы такой? Вы называетесь административнымъ, „политическимъ“ ссыльнымъ. Вы человѣкъ опасный. За вами зорко слѣдитъ полиція день и ночь. Вы подъ надзоромъ. Съ вами рѣдко кто захочетъ имѣть сношенія, такъ какъ это весьма и весьма небезопасно. Вы что-то запрещенное, вы зачумленный человѣкъ. Вотъ кто вы такой.

Будемъ однако справедливы. Если вы подадите формальное прошеніе, вамъ, послѣ долгихъ проволочекъ, станутъ выдавать „кормовыя“ деньги. Если вы человѣкъ изъ непривилегированнаго сословія, вамъ будутъ выдавать $1^1/_2$ рубля, а если вы „привилегированный“, вамъ будутъ выдавать 6 р. въ мѣсяцъ. Вамъ не позволяютъ заниматся трудомъ, къ которому вы привыкли. Но за то вамъ даютъ „кормовыя“ деньги. Да и нельзя не давать. Иначе вы могли бы умереть съ голоду.

162

И вотъ вы живете въ административной ссылкѣ, за тысячи верстъ отъ вашей родины. Хорошо, если вашъ исправникъ не слишкомъ крутаго и строгаго нрава. Но вообразите, что онъ именно крутаго нрава. Это бываетъ.

Поймите, что вы во власти вашего исправника.. Онъ можетъ сдѣлать съ вами что пожелаетъ. Если-бы ему понравилось заморить васъ въ кутузкѣ, онъ можетъ сдѣлать это какъ нельзя легче. Вы вздумаете жаловаться? Но вѣдь ваши жалобы не пойдутъ изъ города. Ихъ перехватятъ на почтѣ. Всѣ ваши письма перехватываютъ на почтѣ. Что изъ нихъ можетъ не понравится исправнику, то обыкновенно уничтожается.

Вотъ что называется административной ссылкой.

Все-ли это? Нѣтъ. Въ рукахъ исправника есть еще одно чудное средство: это высылка мнимаго преступника въ волость, т. е. въ деревню, въ мертвое и пустынное захолустье.

Какъ это дѣлается? Очень просто. Исправникъ сносится письменно съ губернаторомъ, и васъ, безъ суда, безъ разбирательства, словомъ, безъ объясненія причинъ везутъ въ захолустье. Это называется умерщвлять par simple ordre d'administration. Это наше девятое чудо свѣта.

Нужно знать, что такое наша деревня на сѣверѣ. Это не нѣмецкая и не австрійская деревня, гдѣ вы легко найдете газету, прочтете новую книгу, можете поговорить и погоревать съ понимающимъ васъ человѣкомъ. Нѣтъ, это совсѣмъ другаго сорта вещь. Тутъ идетъ вѣчная, неутомимая, безпощадная борьба за существованіе, борьба съ холодомъ, болѣзнями. Тутъ административный произволъ разыгривается съ небывалымъ безстыдствомъ. Это наша несчастная, забитая деревня, гдѣ половина жителей завидовала-бы судьбѣ итальянскихъ lazzaroni, судьбѣ французскихъ нищихъ. Это нѣчто, угнетенное бременемъ налога, изнывающее въ путахъ недоимки, гибнущее въ позорѣ невѣжества.

И вотъ васъ высылаютъ сюда. Хорошо, если вы человѣкъ твердо установившійся, вполнѣ развитой умственно, всесторонне разработывавшій нѣкогда, на школьной скамьѣ, многочисленные вопросы, которые заѣдаютъ нашу жизнь своею нерозрѣшенностью. Если это такъ, вы быть можетъ найдете въ вашемъ захолустьи много предметовъ достойныхъ наблюденія и изученія. Но держите ваши наблюденія и изу-

ченія втайнѣ. Это пока мертвый и безполезный балластъ, котораго вы не можете сообщить другимъ. Быть можетъ онъ вамъ пригодится впослѣдствіи.

Но вѣдь въ большинствѣ случаевъ это вовсе не такъ. Въ большинствѣ случаевъ административные ссыльные народъ молодой, неустановившійся, слабый, неопытный и главное разбитый нравственно и физически. Эти молодые люди съ самыми лучшими надеждами уже успѣли перегорѣть на огнѣ разбитыхъ ожиданій, уже успѣли испытать всѣ униженія и оскорбленія ликующаго произвола, они вынесли на своихъ исхудалыхъ плеяхъ весь гнетъ торжествующей реакціи. Можете-ли вы ожидать, что эти молодые люди, по большей части схваченные со школьныхъ скамей, — можете-ли вы ожидать, что эти молодые люди будутъ неустанно идти впередъ въ своемъ умственномъ и нравственномъ развитіи, будутъ крѣпнуть характеромъ, возвышаться духомъ, учиться уважать идеалы и презирать неправду? Если вы на это надѣетесь, то вы должны предполагать, что русская молодежь какое-то чудо. Но она вовсе не чудо. Она по просту добрая, благородная, благонамѣренная въ лучшемъ смыслѣ молодежь, какъ всякая молодежь, — французская, австрійская или итальянская.

Что-же это такое? Какъ назвать это?

Вѣрнѣе всего будетъ назвать это систематическимъ истребленіемъ молодежи, систематическимъ отупленіемъ, идіотизированіемъ нашей подростающей интеллигенціи. Это рѣзня, это человѣческая бойня. Спросите каждаго русскаго, заключается-ли въ этихъ словахъ хотя капля преувеличенія, хотя крупица лжи. Если этотъ русскій человѣкъ честный и искренній, онъ вамъ скажетъ, что это сущая, неподкрашенная дѣйствительность.

Зачѣмъ васъ, измученнаго и разбитаго морально человѣка, держатъ въ ссылкѣ? Какія цѣли у этого безстыднаго, безсовѣстнаго и безотвѣтнаго произвола?

Догадывайтесь сами.

Сколько здѣсь гибнетъ людей, сколько здѣсь впадаетъ въ тихое умопомѣшательство, про то и сказать невозможно.

Если ссыльный потерялъ одно легкое, если его захватилъ злой недугъ, можетъ случиться, что его переведутъ на югъ или даже отпустятъ домой.

163

Кого отпускаютъ домой? Мумію, мертвеца. Большею частью это уже человѣкъ, потерянный для нашего общества, человѣкъ, заживо отошедшій въ лучшій міръ. Онъ живетъ, движется. Но не прикасайтесь къ нему. Вамъ будетъ отъ этого больно.

Измучивши, выжавши всѣ соки, умертвивши, оставляютъ-ли этого человѣка въ покоѣ? Нѣтъ, онъ числится между подозрительными, онъ находится подъ неусыпнымъ надзоромъ полиціи.

Почему? Зачѣмъ? Да вѣдь онъ „учавствовалъ“, да вѣдь онъ „былъ сосланъ“, да вѣдь это шельма и безбожникъ, государственный преступникъ, измѣнникъ отечеству и т. д.

Вотъ это называется административной ссылкой.

Долго-ли она продолжается?

Судите сами. Если вы, ни въ чемъ неповинный человѣкъ, пробудете въ ссылкѣ годъ и попросите, чтобы смиловались и освободили васъ, вамъ отвѣтятъ изъ Петербурга: рановременно. Пробудьте еще годъ, — и васъ быть можетъ куда-нибудь переведутъ, но быть можетъ также отвѣтятъ: рановременно. Та-же исторія можетъ повториться и дальше, впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Чѣмъ руководствуются, когда рѣшаютъ вашу судьбу? Это неизвѣстно. Это тайна. Напрасно вы будете просить. Они безжалостны. Зачѣмъ имъ ваше несчастіе? Вѣдь вы уничтожены, вѣдь вы уже человѣкъ ни для кого неопасный. Вы однимъ словомъ живыя мощи, двигающійся мертвецъ. Зачѣмъ имъ ваши кости, ваши несчастные останки, вашъ скелетъ? Зачѣмъ имъ вы? Незачѣмъ. Вѣдь дѣло сдѣлано. Вѣдь человѣкъ уничтоженъ.

Все равно, читатель. Рановременно. Поймите вы это слово: ра-но-вре-мен-но.

IV.

Не такъ давно, именно въ эпоху сербской войны, воспитанники нашихъ гимназій съ увлеченіемъ распѣвали слова пѣсни:

„Тамъ жены и дѣты въ позорѣ, слезахъ,
Несчастья оковы на сербскихъ сынахъ!“

То было хорошее время. Насъ охватила минута чистаго увлеченія, теплой симпатіи. Добровольцы шли при громкихъ крикахъ одобренія. Такія минуты рѣдко случается испытывать обществу, и мы потомъ очень и очень охладѣли. Охладѣли потому, что нельзя-же постоянно думать о чужихъ страданіяхъ и забывать свои. Пусть на сербскихъ сынахъ лежали и несчастья оковы, и рабства позоръ. Да у насъ то, у насъ что за лимоны и апельсины разцвѣтаютъ въ зеленѣющихъ рощахъ! Какъ мы обозначимъ наше собственное положеніе? Не пора-ли наконецъ приступить къ леченію своихъ ранъ, къ ампутаціи своихъ ноющихъ болячекъ?

Чешская пѣсня гласитъ: „Праго, Праго! Праго мати! Закрыемъ те, сынове!“

Великія слова, святыя слова! Но развѣ-же у насъ нѣтъ своей Праги, которую должно отстаивать сыновьямъ? Сыновьямъ!

Да вѣдь сыновья наши — это наша мартирологія.

Да, именно мартирологія. Это слово самое подходящее.

Когда вы, читатель, будете путешествовать указаннымъ выше способомъ, когда вы будете посѣщать деревни и города, то знайте, что тамъ гніютъ наши сыновья, знайте, что это мученики нашей внутренней неурядицы. Это наша живущая, воплощонная мартирологія.

Спуститесь южнѣе. Объѣзжайте города. Поживите въ нихъ, наблюдайте, изучайте. Васъ поразитъ затхлость, мертвое затишье нашей жизни. Здѣсь вы найдете удушливую атмосферу задавленной мысли, вынужденнаго молчанія, боязливыхъ слезъ, неизвѣданныхъ страданій. Вы найдете, что надъ каждымъ городомъ виситъ дамокловъ мечъ. Вы услышите какіе-то неясные намеки, темный и боязливый говоръ. Вы узнаете, что многія семейства не досчитываются своихъ сыновей, дочерей, братьевъ, сестеръ. Вездѣ, на каждомъ шагу вы встрѣтите ясные признаки, очевидныя жертвы нашей мартирологіи.

Мы находимся въ осадномъ положеніи. Мы изображаемъ собою крѣпость, которую со всѣхъ сторонъ окружаетъ врагъ. Мы не въ силахъ бороться и даже не хочемъ бороться. Мы живемъ въ осажденной крѣпости.

День за днемъ, часъ за часомъ изъ нашей крѣпости исчезаетъ одинъ, два, десятки человѣкъ. Гдѣ они? Мы не знаемъ. Надо думать, что они въ административной ссылкѣ. Слѣдовательно, они стоятъ внѣ закона? Да, они стоятъ внѣ закона? За что-же? А развѣ-же мы знаемъ за что? Неизвѣстно, за что. Безъ объясненія причинъ. Просто, безъ причинъ.

164

Извѣстно, что за границей есть русская эмигрантская литература. Разными путями доходитъ она и до насъ, жителей осажденной крѣпости. Чѣмъ она страшна? Кому она желаетъ зла? Для кого она наконецъ опасна? Развѣ-же не очевидно для всякаго, что она не всегда едина въ своихъ мнѣніяхъ, что она служитъ отголоскомъ слишкомъ различныхъ по своимъ принципамъ фракцій и партій. Если намъ удается читать ее, то значитъ-ли это, что мы всецѣло проникаемся ея мнѣніями? Развѣ у насъ нѣтъ ни малѣйшаго критическаго смысла? Развѣ мы идіоты? Развѣ мы дѣти, которые нуждаемся въ заботливыхъ дядькахъ? Да, заботливые дядьки воображаютъ, что мы дѣти. Они тщательно оберегаютъ насъ отъ „тхетворныхъ“ вліяній эмигрантской литературы. Если у васъ найдется одинъ листокъ, одинъ ничтожнѣйшій экземпляръ изъ этой литературы, — горе вамъ. Vae legentibus! Вотъ нашъ національный девизъ. Мы дѣти. Намъ нельзя читать всего, чего мы ни пожелаемъ. У насъ есть садовникъ, который съ удивительною, отеческою заботливостью ухаживаетъ за нашимъ умомъ. Vae legentibus! Найдись у васъ запрещенный листокъ — и вы несчастный человѣкъ. Васъ продержатъ долго-долго въ крѣпости и затѣмъ или отошлютъ въ административную ссылку, если не удастся смастерить какого-либо процесса-монстра, или-же выпустятъ на „относительную“ свободу.

Спрашивается: съ чѣмъ это сообразно? Гдѣ здѣсь человѣческій смыслъ, гдѣ здѣсь совѣсть, стыдъ, гдѣ здѣсь чья-либо выгода?

Если-бы эмигрантская литература не преслѣдовалась, если-бы за чтеніе ея не ссылали, то отъ этого дѣло нимало не измѣнилось-бы. Жизнь текла-бы такъ-же спокойно, какъ теперь, съ тою разницей, что не было-бы столько невинныхъ и безполезныхъ жертъ.

Для кого опасная эта литература? И не гораздо-ли опаснѣе преслѣдовать ее? Вѣдь честный человѣкъ не боится того, что о немъ станутъ говорить. Онъ честный человѣкъ,

и всѣ это знаютъ. Если кто-либо станетъ распускать про него ложь, она ему, честному человѣку, нимало не повредитъ. Напротивъ, солнце правды станетъ еще свѣтлѣе отъ контраста.

Итакъ, если мы видимъ въ государствѣ ярое, безпощадное преслѣдованіе мысли, мы должны заключить, что или государственная власть сама усомнилась въ своей честности, потеряла вѣру въ правоту своего дѣла, утратила нравственный компасъ и теперь летаетъ безъ весла и кормила по бурному морю произвола и насилія, — или-же мы должны объяснять все это недорозумѣніемъ, архаическими воззрѣніями на общественные вопросы, хроническою неспособностью усвоить себѣ новѣйшія идеи вѣка, примкнуть къ этимъ идеямъ, переработать себѣ ихъ въ плоть и кровь.

Мнѣ кажется, что второе объясненіе будетъ въ значительной степени болѣе подходить къ истинѣ, съ одною впрочемъ поправкой. Именно, эта неспособность понять идеи вѣка, неспособность уразумѣть свои прямые интересы и выгоды осложняется какой-то паникой, какой-то трусостью передъ наплывомъ новыхъ идей и наростаніемъ новыхъ потребностей.

Мы всегда жили подъ опекой. Мы всегда сидѣли въ осажденной крѣпости. Но зачѣмъ же намъ изучать исторію, если она не преподаетъ намъ никакихъ уроковъ? Зачѣмъ намъ исторія, если мы не способны понять, что то, что могло имѣть мѣсто во время Татарскаго ига, во время борьбы съ Литвой и Польшей, во время нѣмецкаго террора, — что все это какъ-то даже неприлично для 1878 года, что это просто невыгодно, неразсчетливо для самой государственной власти. Если исторія доказываетъ что-либо несомнѣнно, то это именно то, что никакія ухищренія администраціи, никакія оргіи насилія не могутъ атрофировать нарождающихся потребностей. Исторія намъ доказываетъ, что слишкомъ сильно натянутыя вожжи опеки надъ народомъ въ концѣ концовъ лопаются, и самонадѣянный возница летитъ подъ копыта лошадей, подъ колеса несчастной колымаги, которая управлялась такъ неблагоразумно, такъ неразсчетливо.

Факты на лицо. Съ начала XVIII. столѣтія европейскія идеи, получая по милости администраціи нѣкоторый доступъ въ нашу осажденную крѣпость, вдругъ ни съ сего ни съ того

165

начинали быть подавляемы. Мы второе столѣтіе живемъ между волнами медленныхъ акцій и бѣшеныхъ реакцій. Съ нами шутили, заигрывали, намъ давали чуточку отвѣдать сладкаго плода свободы мысли, чтобъ потомъ всячески терзать и калѣчить насъ за то, что мы смаковали этотъ плодъ съ такимъ увлеченіемъ, съ такимъ восторгомъ. Сколько мы вынесли мученій, какіе претерпѣли издѣвательства, какіе понесли потери, то можно представить себѣ съ превеликимъ трудомъ. Не было мѣры произволу, не было границъ насилію. Терроръ прошолъ черезъ нашу сознательную исторію широкой, о, какой широкой лентой.

И что-же? Потеряли мы вкусъ къ свободѣ мысли и слова? Потеряли мы способность различать сладкое отъ горькаго? Правду отъ неправды? Добро отъ зла? Нѣтъ. Факты на лицо. Наша мартирологія доказываетъ это какъ нельзя лучше. Съ опасностью для свободы и даже для жизни наши юноши, наша подрастающая интеллигенція читаетъ свободное слово. Неужели ничего не доказываетъ этотъ бьющій въ глаза фактъ? Неужели ничего не значитъ это удивительное упорство, этотъ неослабѣвающій интересъ къ чтенію? Какъ-же объяснить это, если не дѣйствительною потребностью? Но развѣ благоразумно стараться искоренить дѣйствительную потребность, развѣ не выгоднѣе пойти съ готовностью на встрѣчу ей, стараться удовлетворить ей возможно полнѣе и лучше? О, Геркулесовы столбы человѣческаго неразумія, о, великая бездна человѣческаго отупѣнія и самонадѣянности! Спросите каждаго мало-мальски развитаго русскаго человѣка — что онъ вамъ скажетъ? Скажетъ-ли онъ, что ему страшна свобода мысли? Скажетъ-ли онъ, что она можетъ поколебать власть, правительство, ниспровергнуть троны? Нѣтъ, онъ этого не скажетъ, потому что онъ знаетъ, что свобода мысли укрѣпляетъ хорошее правительство, научаетъ уважать либеральную, желающую добра подданнымъ власть. Онъ знаетъ, что лишь нерозумное упорство, самонадѣянное коснѣніе въ средневѣковыхъ идеяхъ дискредитируетъ, позоритъ власть, дѣлаетъ ее посмѣшищемъ всего свѣта, устроиваетъ изъ нея притгу во языцѣхъ!

Все это азбучныя истины для русскаго интеллигентнаго человѣка. Но власть, вопреки собственнымъ интересамъ, не желаетъ слушать голоса этихъ истинъ. На кого-же она

надѣяться можетъ послѣ этого? Имѣетъ-ли она послѣ этого право ожидать къ себѣ любви, уваженія?

Признаюсь, это было-бы весьма странно. Какъ можетъ внушать уваженіе человѣкъ, который, желая долго жить, губитъ себя очевиднымъ для всѣхъ образомъ, собственноручно? Который истребляетъ тѣхъ, съ кѣмъ долженъ идти за-одно? Который ненавидитъ своихъ лучшихъ совѣтниковъ? Который собственноручно копаетъ себѣ яму, не желая сдѣлать ни малѣйшей уступки? Вѣдь это дѣтское упорство, вѣдь это старческое, разслабленное неразуміе!

А между тѣмъ мысль идетъ своей дорогой, потребности растутъ, не находя удовлетворенія. Да какъ не рости имъ? Вѣдь говорятъ, что въ шестидесятыхъ годахъ мы далеко шагнули въ области мысли. Развѣ этотъ шагъ могъ исчезнуть безслѣдно? Развѣ могъ безразслѣдно исчезнуть разцвѣтъ нашего самосознанія? Нѣтъ, это было немыслимо. Дѣло лишь въ томъ, что этотъ токъ чистой ключевой воды остановила плотина политической реакціи. Теперь идетъ ясная и ужасающая борьба, ужасающая потому, что при этомъ гибнетъ множество молодыхъ силъ, гибнетъ тихо, безъ громкихъ криковъ и фразъ. Зачѣмъ они гибнутъ, эти силы? На нашъ позоръ, на наше поношеніе, на наше горе въ будущемъ. Это такъ сказать Иродово избіеніе ни въ чемъ неповинныхъ младенцевъ. Это безпощадное, безсовѣстное истребленіе живыхъ человѣческихъ силъ. Это милліоны подвиговъ баши-бозуковъ, опричниковъ, застрѣльщиковъ, сикаріевъ, подлыхъ, безсовѣстныхъ, безжалостныхъ убійствъ. Это насмѣшка надъ стыдомъ, совѣстью, честью. Это профанація. Стыдъ и позоръ!

V.

Если вамъ, читатель, по вашей спеціальности приходилось производить опыты надъ растеніями и животными, то вы знаете, что дерево, встрѣтивъ на пути препятствіе, уклоняется въ сторону, но все-же продолжаетъ расти, пока наконецъ не дойдетъ до предѣла своего роста и не начнется упадокъ, разложеніе. Вы знаете, что растеніе, лишенное солнечнаго свѣта, утратитъ свой окрашивающій пигментъ, сдѣлается блѣднымъ, прозрачнымъ, больнымъ. Небезъизвѣстно вамъ и то, что если сбрить съ живаго кролика шерсть и обмазать его кругомъ лакомъ, то несчастное животное черезъ нѣсколько дней умретъ. Все это факты необходимые, и вы можете предсказать ихъ въ каждомъ данномъ случаѣ. Не тоже-ли случается иногда въ обществѣ?

166

Извѣстно, что мысль, полученная отъ извѣстнаго внѣшняго импульса, стремится выразиться въ дѣйствіи, стремится сама произвесть импульсъ на другіи предметы. Эти три термина взаимно другъ друга дополняютъ, они связаны неразрывно. И такъ, если вы станете стараться, чтобы мысль, которая составилась въ человѣкѣ совершенно, необходимо и естественно, — если вы станете стараться, чтобы эта мысль такъ и осталась мыслью, чтобъ она не пыталась выразиться въ дѣйствіи, чтобъ она была мыслью инертною, бездѣятельною, пассивною, — если вы станете пытаться сдѣлать это, то какъ вы думаете, — можете-ли вы достичь своей цѣли? Нѣтъ, не можете. Это было бы все равно, какъ если-бы вы хотѣли бороться съ закономъ природы. Вы можете дать ему слегка иное направленіе, но вы не въ состояніи уничтожить силъ, которыми располагаетъ природа. Мысль также имѣетъ свои законы. Итакъ, если вы будете поставлять препятствія на пути ея естественнѣйшаго выраженія, она пойдетъ по окольнымъ путямъ, но уничтожиться не можетъ. Возможно, что она останется въ потенціальномъ состояніи, но скорѣе она пойдетъ по окольнымъ путятъ, ища удовлетворенія.

Я говорилъ выше, что у насъ мысль задавлена, несвободна. А между тымъ думать есть о чемъ. Масса несправедливостей, которыя насъ угнетаютъ, не могутъ не вызывать мыслей отрицанія, протеста. Все это законно и понятно. Но вотъ наши мысли подавляются. Мы можемъ искать побочныхъ путей. Такъ, напримѣръ, въ нашемъ обществѣ царитъ полицейскій произволъ. И вотъ въ обществѣ являются протесты противъ произвола въ видѣ убійствъ и другихъ насилій. Не станемъ стоять здѣсь на точкѣ зрѣнія абсолютной справедливости. Припомнимъ впрочемъ разсужденія Дюринга о мести*). Несомнѣнно лишь, что это явленія чрезвычайно естественныя и понятныя. Они не должны возмущать

*) Dühring, Werth des Lebens. Breslau, 1865. Ueber die transcedente Befriedigung der Rache. S. 222 und 59.

насъ. Насъ должны возмущать вызвавшія ихъ причины. Конечно, если мы станемъ объяснять ихъ „испорченною и порочною волею“, то это даже весьма удобно, но вѣдь объяснять такъ это можетъ лишь идіотъ.

Факты на лицо. Кто не помнитъ дѣла Засуличъ? Кто забылъ убійства въ Петербургѣ, въ Кіевѣ, въ Одессѣ? Этого забыть невозможно. Это слишкомъ ужасно, ужасно потому, что показываетъ до какой высокой степени достигъ интеллектуальный гнетъ въ нашемъ обществѣ, до какой степени попрана свобода личности и мысли. Кто не помнитъ ужасающихъ подробностей процесса Засуличъ? Кто забылъ, какъ безпощадно и невинно преслѣдовали эту дѣвушку? Кто не бѣсился, кто не проклиналъ, слушая эти разсказы о безпричинныхъ утѣсненіяхъ ни въ чемъ неповиннаго существа?

Засуличъ была оправдана. Вся мыслящая Россія ликовала. Это былъ слишкомъ рѣзкій фактъ, это слишкомъ ясно дало понять правительству, что его система стоитъ ниже всякой критики, что это позорящая, презрѣнная, подлая система. Что-же, послушала власть этого голоса? Нимало. Администрація желала вырвать Засуличъ изъ рукъ восторженныхъ петербуржцевъ, чтобы отправить въ административную ссылку. Къ счастью, этого не удалось. Несмотря на это, власть не постыдилась кассировать приговоръ присяжныхъ и опредѣлить новый судъ надъ несчастной жертвой притѣсненія. Это неслыханное, безстыдное, позорное нахальство не возбудило ни малѣйшаго протеста ни съ чьей стороны.

Измѣнилась-ли послѣ этого система? Ни мало. На другой день послѣ оправданія Засуличъ были высланы 30 кіевскихъ студентовъ въ административную ссылку, да 120 было разослано съ жандармами по домамъ. Фактъ поразительный.

Система, говорю, ни мало не измѣнилась. Начались извѣстныя убійства. Кто были убійцы, — неизвѣстно. Быть можетъ это были совершенно изолированныя личности. Ничего неизвѣстно.

Какъ-же воспользовалось русское общество этими фактами? Дало ли оно замѣтить, что оно понимаетъ причины этихъ фактовъ и не желаетъ болѣе, чтобы эти причины продолжались? Нѣтъ. Оно воспользовалось этимъ для акта грязнаго лицемѣрія. Оно воспользовалось этимъ, чтобъ выразить свои вѣрноподданническія чувства.

167.

Зачѣмъ въ адресахъ Государю сказано было, что Россія „процвѣтаетъ“? Не былъ-бы Государь болѣе благодаренъ, если-бы ему прямо указали на наши болячки? Во всякомъ случаѣ, не было-ли бы это болѣе честно и сообразно съ дѣйствительными отношеніями? Я думаю, что это такъ. Если-же общество не признаетъ нашего положенія ненормальнымъ, то тогда какъ объяснить ликованіе по поводу Засуличъ и унылую тишину по поводу казни Ковальскаго? Что-же, развѣ это была комедія, зудъ въ рукахъ, которыя хлопали, судорога въ горлѣ, когда плакали? Вѣдь значило это что-нибудь.

Единственное объясненіе этой видимой непослѣдовательности можетъ быть то, что адресы къ Государю выражали лишь одну сторону чувствъ, охватившихъ общество, чувствъ безпредѣльной скорби по поводу нашихъ внутреннихъ язвъ, но что въ адресахъ не указывалось на то, что общество понимаетъ хорошо наши язвы и желаетъ ихъ уничтоженія. Да и вообще трудно въ оффиціальныхъ адресахъ ожидать выраженія мнѣній мыслящаго общества. Адресы писались земствами да дворянствомъ. Это плохой выразитель общественнаго мнѣнія. Тутъ скорѣе можно ожидать разгула лицемѣрія, чѣмъ слова правды. Такъ оно и вышло. Но все таки намъ окончательный выводъ не измѣнится. Все таки очевидно, что даже тѣ, кто могъ-бы выразить свои мнѣнія, побоялся выразить ихъ и предпочелъ лицемѣрить. А быть можетъ все это просто слѣдствіе непониманія важности минуты, непониманія связи и взаимодѣйствія различныхъ факторовъ общественной жизни.

Какъ-бы то ни было, приходится сознаться, что даже оффиціальные представители нѣсколькихъ классовъ общества не съумѣли стать на высотѣ своей задачи, высказали нетвердость, шаткость мысли, показали себя людьми древняго образа мыслей, — или-же нарочито продали общество.

Выводъ печальный въ высшей степени.

Какъ отнеслась литература извѣстнаго сорта къ тому-же факту, было говорено выше. Сказать однимъ словомъ, это было сплошное, подлое лицемѣріе, льстивая и презрѣнная ложь, отвратительное низкопоклонничество. Не забыть никогда этихъ науськиваній, этихъ чуть не доносовъ, этой идіотской иронія, которую изрыгали листки нашихъ газетъ извѣстнаго сорта. Но окончательный выводъ — сумбуръ поня-

168 9

тій, безсмысліе, непониманіе важности минуты, трусость и лицемѣріе-лицемѣріе безъ конца. Словомъ, полное отсутствіе идей, полный упадокъ мысли и чувства.

Вотъ этимъ-то упадкомъ идей, этимъ пониженіемъ интеллектуальнаго и моральнаго уровня, этимъ измельчаніемъ интересовъ характеризуется наше современное положеніе.

Оно и понятно. Въ нашу реакціонную эпоху лучшія силы, лучшія идеи не могутъ находить себѣ примѣненія въ важнѣйшихъ областяхъ жизни. Посмотрите на молодежь. Куда она стремится изъ университета? Тѣ, которые остаются незатронутыми администраціей, идутъ главнымъ образомъ въ медики, потому что это сравнительно независимое поприще, гдѣ почти не приходится унижаться и подличать. Еще меньше идетъ въ юристы, а меньше всего въ учителя, на педагогическое поприще. Удивительно сказать, что на нашихъ историко-филологическихъ факультетахъ собираются всѣ больные духомъ или тѣломъ, всѣ нервные и слабые, разбитые люди, которые или готовы равнодушно переносить всякія невзгоды и неправды и молча терпѣть весь цинизмъ нашей средне-образовательной системы, касающейся гимназій, — или которые вовсе не имѣютъ въ виду никакихъ твердо-намѣченныхъ нравственныхъ цѣлей. Странно сказать, но справедливо, что филологъ-студентъ считается между другими студентами чѣмъ-то страннымъ, слегка смѣшнымъ, слегка презрѣннымъ и вообще чѣмъ-то гетерогеннымъ, инороднымъ, не-студенческимъ. Это совершенно понятно впрочемъ. Вѣдь эти юноши-филологи въ большинствѣ случаевъ принуждены служить орудіемъ народнаго оглупѣнія посредствомъ нашей безсмысленной классической системы, позаимствованной у нѣмцовъ, но принесшей у насъ ни съ чѣмъ несообразные плоды. Выходитъ неученіе, не учебная система, а позоръ и поношеніе учебной системы. Словомъ, это нѣчто тенденціозное, лицемѣрное, предназначенное служить мнимо-государственнымъ цѣлямъ.

Такимъ образомъ, наши лучшія силы, наши богатѣйшіе таланты, вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій, или падаютъ жертвами административнаго террора, или избираютъ поприще дѣятельности слишкомъ уское и одностороннее, а часто и не слишкомъ почтенное. Высшія-же общественныя

функціи исполняются или людьми, воспитанными въ частныхъ, привилегированныхъ заведеніяхъ, съ ихъ затхлымъ духомъ и аристократическими поползновеніями, — или-же людьми вовсе необразованными.

Такимъ образомъ мы стоимъ на мертвой точкѣ. Свѣжія и энергическія силы отливаютъ отъ общественной дѣятельности, обставленной невозможными условіями. Полуобразованность, бездарность и рутина царитъ вездѣ. Для лучшихъ силъ нѣтъ прямаго исхода.

Спрашивается теперь, можно-ли при такихъ условіяхъ надѣяться, что жизнь будетъ идти правильно, что на нашемъ пути не будутъ ежечасно возникать тормазы, которые станутъ очень сильно задерживать наше развитіе? Можно-ли ожидать, что насъ не постигнетъ общее нравственное разложеніе, когда интересы измельчаютъ, когда уже не придется сотнями губить молодежь въ казематахъ и въ захолустьяхъ ссылки? Не придется ли намъ горько каяться, что мы такъ мало дорожили нашими молодымн силами, что мы такъ безпощадно и необдуманно старались подавлять и истреблять ихъ?

Нѣкоторые недоброкачественные симптомы разложенія замѣчаются уже и теперь. Въ самомъ дѣлѣ, что-же означаютъ всѣ эти процессы Гулакъ-Артемовской, Ковальчуковой, всѣ эти безчисленныя и позорныя разхищенія общественныхъ кассъ? Что означаютъ тѣ многочисленные факты подкупа правительственныхъ лицъ, которые выяснились даже въ процессѣ Гулакъ? Что означаетъ эпидемія взятки, которая снова разцвѣла у насъ съ удивительною интенсивностью? Что означаетъ произволъ, который такъ сильно угнетаетъ насъ? Что означаетъ развитіе спекуляціи, биржевой игры? Что означаетъ наша удивительная отсталость и особенно наше архаическое упорство, наша неспособность къ всестороннему обсужденію общественныхъ вопросовъ, вялость нашихъ идей, мертворожденность нашихъ проектовъ? Что означаетъ все увеличивающееся да увеличивающееся высокомѣріе и неспособность власти, которая никакъ не хочетъ помириться съ идеями вѣка, не хочетъ понять, что не въ ея силахъ совмѣщатъ въ себѣ всѣ высшіе и благороднѣйшіе интересы общества, которая не желаетъ дать обществу никакихъ гарантій отъ произвола, которая, словомъ сказать, не

желаетъ понимать, что ея сила, ея престижъ, ея почотъ заключается въ уваженіи со стороны всѣхъ элементовъ общества, коего часть она составляетъ, сообразно желаніямъ котораго она призвана служить? Власть не желаетъ уступать, не желаетъ понять, что интересы общества всегда впереди, а не назади, что общество съ большею готовностью станетъ поддерживать новыя, а не старыя иден и порядки. Власть намѣтила себѣ мнимаго врага въ обществѣ и неутомимо, безчеловѣчно истребляетъ его. А зачѣмъ? Почему? Единственно по своему неразумію, по своему старческому упорству которое никогда никому не приносило пользы. Власть не хочетъ понять, что если она никого не станетъ обижать, то и ее никто не обидитъ; она не хочетъ откровенно признать, что ея настоящее хозяйничанье есть сплошная обида, сплошная несправедливость. Подумаешь, сколько вредитъ человѣчеству упорство и неразуміе. И нѣтъ средствъ этому неразумію доказать, что оно именно неразуміе, а не глубокая и тонкая мудрость. Скажите ей это, и она прославитъ васъ измѣнникомъ, врагомъ Россіи, врагомъ общества. А литература извѣстнаго сорта начнетъ умилительно звонить въ унисонъ. Скажите власти, что есть-же наконецъ мѣра въ дѣлахъ, есть границы терпѣнію человѣческому, — и она объявитъ васъ преступникомъ, врагомъ Россіи, шельмой, безбожникомъ, извергомъ. О, неразуміе, о, лицемѣріе, о, бѣдное, жалкое, убійственно-жалкое непониманіе!

Что-же означаютъ всѣ эти явленія? Ужъ не симптомы-ли это общественнаго разложенія? Отчасти. Извѣстно, что реакція всегда характеризуется такими явленіями. Мы можемъ вскорѣ ожидать нашихъ Праленовъ, нашихъ Базеновъ, нашихъ Сентъ-Арно, нашихъ Морни, словомъ, всѣхъ разновидностей, которыя знаменуютъ собою реакціи. Теперь-же мы имѣемъ много воровъ, съ одной стороны, и много опричниковъ, радѣтелей мнимо-угрожаемой общественной безопасности, съ другой.

Гдѣ-же причины всего этого? По крайней мѣрѣ гдѣ ясныя, очевидныя причины? На это можно отвѣтить съ трудомъ. Вторыя причины тѣ, что молодыя, лучшія силы изгоняются, преслѣдуются, и въ обществѣ царитъ бездарность и неспособность.

169

Мы утратили окрашивающій пигментъ, мы поблѣднѣли, мы очень больны. А за что и зачѣмъ? Богъ знаетъ!

„Но позвольте-же, г. Хамходера! скажутъ мнѣ быть можетъ: — вѣдь у васъ есть богатая литература и не только газетная. Вѣдь у васъ есть великіе таланты публицистическіе и беллетристическіе. Наконецъ, у васъ есть наука, есть университеты! Не унывайте, г. Хамходера!“

На сіе отвѣчаю: да, у насъ есть богатая литература и великіе таланты. Можно сказать, что много жизней питаетъ эта литература, много поддерживаетъ падающихъ духомъ. Но это только одинъ изъ отдѣловъ нашей мартирологіи. Трудно понять, какъ изобижена, какъ убійственно оскорблена и придавлена наша литература. И все таки должно сказать, что это единственное, что питаетъ, что поддерживаетъ, что спасаетъ насъ отъ мрачной бездны отчаянія. Повидимому, вы не встрѣтите въ честныхъ органахъ ясной постановки и рѣшенія общественныхъ вопросовъ. Но вѣдь этого и ожидать нельзя. Но вглядитесь въ физіономію русскаго литератора, прослѣдите его исторію и потомъ принимайтесь читать настоящія его писанія, — и васъ какъ громомъ поразитъ, васъ обольетъ свѣтъ пониманія. Вы поймете, что это за герой — этотъ русскій литераторъ. Не скажу, чтобы такихъ было много. Я льстить не намѣренъ. Итакъ, если вы способны понимать русскаго литератора, благо вамъ. Но я сомнѣваюсь, чтобы такихъ понимающихъ было слишкомъ много. Скорѣе можно сказать, что ихъ слишкомъ мало. На что вамъ лучше? Вотъ на сцену выступилъ человѣкъ, до того неизвѣстный въ публицистической литературѣ. Какъ видно, это человѣкъ съ лучшими намѣреніями, хотя не всегда твердо опредѣленными. Повидимому, этотъ человѣкъ желаетъ даже примирить непримиримое, слить несоединимое. Но все-же видно, что человѣкъ чего-то хочетъ, къ чему-то стремится, что человѣкъ ищетъ миролюбія. Вотъ этотъ человѣкъ совѣтуетъ новоназначенному шефу жандармовъ Дрентельну выпустить изъ ссылки административныхъ ссыльныхъ. Если-бъ вы знали, какъ скромно, какъ боязливо и почти льстиво заявлялась такая элементарная просьба, очевидно справедливая и умѣстная. Литераторъ ссылался и на слезы матерей, и на милосердіе вообще. Онъ даже готовъ былъ признать, что въ административной ссылкѣ нѣтъ ничего безбожнаго, без-

человѣчнаго, просто, анархическаго. Сколько онъ сдѣлалъ боязливыхъ оговорокъ, про то даже смѣшно вспомнить для посторонняго человѣка. И что же? Этотъ невиннѣйшій изъ невинныхъ литераторовъ за свою можно сказать благонамѣреннѣйшую просьбу получаетъ „предостереженіе“. Это значитъ, что повтори онъ еще два раза свою просьбу, — и его газета будетъ пріостановлена примѣрно на полъ-года, а быть можетъ и на всегда.

Запишите этотъ ничтожный фактъ, читатель, въ вашей записной книжечкѣ. Такимъ образомъ у васъ соберется удивительная коллекція, которую вы пошлете на будущую римскую выставку. Вы своей коллекціей изумите Европу.

Отсюда слѣдуетъ, что даже г. Дрентельнъ, человѣкъ образованный, не съумѣлъ понять самого простого, самого незамысловатаго русскаго литератора. За что изобыдѣли этого литератора, — про то вѣдаютъ боги. Во истину, приходится вспомнить слова Эдгара Кине: Jacques a le teint hâve et plombé; ni pain, ni gîte assuré; l'air lui manque dans sa soupente, d'où il ne voit qu'un point du ciel. Il a faim, il a soif, il maigrit à vue d'oeil. Jacques, dites-vous (m-me la censure!), est un matérialiste.

Именно, этотъ несчастный Жакъ матеріалистъ! Нужно его предостеречь! О, срамъ и поношеніе здраваго смысла!

Говорятъ, что у насъ есть наука и даже великіе ученые. Во первыхъ, всѣхъ нашихъ великихъ ученыхъ легко пересчитать по-пальцамъ. Во вторыхъ, представьте себѣ, что намъ-бы не позволили вовсе читать иностранныя книги и переводить ихъ (и теперь мы можемъ читать далеко не все, что пишется за-границей). Спрашивается, какъ тогда, мы обошлись-бы съ собственной ученостью? На это ужасно трудно отвѣтить. Достаточно сравнить наши научныя изданія съ нѣмецкими, французскими, англійскими, чешскими, наконецъ, — припомнить нашу ıромадность территоріальную, чтобы удивится нашей отсталости въ ученомъ отношеніи. Посмотрите на эти тощія и безсодержательныя книжки, которыя выпускаютъ наши университеты, прочтите эти толстые томы нашей академіи наукъ, — найдете-ли вы тамъ живую общественную мысль, найдете ли вы тамъ попытки къ рѣшенію соціальныхъ проблемъ, надъ которыми такъ много и упорно трудятся заграничные философы? Найдете-ли вы въ

170

этомъ отношеніи что-либо, что вы могли-бы сравнить съ европейскими chef-d'oeuvre-ами? Неужели соціологія, напримѣръ, не достойна живаго вниманія человѣка науки? неужели въ этомъ отношеніи наука ничего не имѣетъ сказать спеціально для насъ, русскихъ? Если угодно, вы можете отыскать множество хорошо обработанныхъ частностей, но общей, связующей мысли въ вопросахъ даже чисто историческаго вѣдѣнія вы не найдете. Обратитесь къ нѣмцамъ или англичанамъ. Гдѣ наши философы? Много-ли у насъ философскихъ каѳедръ? Гдѣ наши великіе юристы? Много вы вынесете изъ слушанія этихъ безчисленныхъ „правъ“? Гдѣ наши знаменитые лингвисты? А вѣдь у насъ въ одной Россіи сколько различныхъ нарѣчій. Укажите мнѣ хоть одного ученаго, который-бы спеціально разработывалъ ту науку, которая на западѣ получила названіе соціологіи и которая весьма и весьма достойна научной разработки? — Но быть можетъ у насъ ученые, въ виду разъѣдающихъ общественный механизмъ язвъ, занимаются популяризаціей, публицистикой? Чрезвычайно какъ мало. Но быть можетъ у насъ хоть славяновѣдѣніе изучается основательно? Странно сказать, что такъ называемый „славянскій“ или „славяно-русскій“ отдѣлъ нашихъ филологическихъ факультетовъ взваливается на плечи какихъ-нибудь всего двоихъ профессоровъ. Кто насъ поучалъ касательно славянскаго вопроса? Люди, посторонніе университету. Университеты какъ будто не обращаютъ вниманія на литературу, на вопросы, которые она выдвигаетъ (въ этомъ отношеніи лишь за послѣднее время можно указать нѣсколько отрадныхъ фактовъ). Справедливо разсуждаютъ нѣмцы, что профессора университетовъ должны двигать науку, науку въ собственномъ смыслѣ, а не литературу. Но вѣдь то нѣмцы, у которыхъ множество силъ, готовыхъ разработывать всевозможныя стороны человѣческаго вѣдѣнія. У насъ же дѣло обстоитъ слишкомъ иначе.

Оставивъ въ сторонѣ студентовъ, которые безъ сомнѣнія много получаютъ знаній въ университетахъ, спросимъ себя: кто у насъ питаетъ и поддерживаетъ общественную мысль? кто пробуждаетъ, не даетъ заглохнуть этой мысли въ болотѣ политической реакціи? Отвѣтъ одинъ: литература. Много-ли даютъ университеты литературѣ? Крупицу.

Вина-ли это университетовъ?

Человѣкъ, желающій разсуждать безпристрастно, никакъ не можетъ признать, чтобы это была вина университетовъ.

Судите сами, читатель.

Можно сказать, что до начала настоящаго столѣтія у насъ не было университетовъ, понимаемыхъ въ нѣмецкомъ смыслѣ. Было что-то неизмѣримо чуждое, задавленное, насажденное извнѣ. Эти слабыя насажденія полны довольно печальныхъ катаклизмовъ, какъ о томъ можетъ судить всякій, кто прочтетъ хотя-бы изслѣдованіе Иконникова о нашихъ университетахъ. Университетъ оставался чуждымъ народной жизни, да и не до того было ему. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ намъ былъ университетъ, когда мы почти безпрерывно были погружены въ болото злобной и въ тоже время боязливой реакціи? У насъ не было и въ поминѣ того, чѣмъ наслаждались нѣмцы въ XVIII. столѣтіи, именно, у насъ реакція не оставляла въ сторонѣ высшихъ школъ, не представляла имъ извѣстной доли свободы въ изслѣдованіи всевозможныхъ вопросовъ. Нѣтъ, наши университеты были полной игрушкой въ рукахъ власти, которая выносила эти школы лишь потому, что онѣ давали своего рода „государственныхъ ремесленниковъ“. Послѣ долгаго скитанья по дебрямъ произвола, который губилъ лучшія силы, который дискредитировалъ нашу высшую школу передъ иностранцами, университетъ казалось прибылъ въ пристань въ началѣ этого вѣка. Появились свои профессора, свои мыслители. Казалось, школа будетъ развиватся. Но надежды погублены были опять тѣмъ-же призракомъ; который безпощадно и неутомимо преслѣдуетъ насъ, — политической реакціей, бѣлымъ терроромъ. Лучшіе профессора были изгнаны изъ университетовъ, предметы преподаванія сдѣлались какой-то игрушкой, которая, какъ мячикъ, по произволу перебрасывалась отъ одного ремесленника, совершенно неподготовленнаго къ дѣлу, къ другому, столь-же мало подготовленному. Религіозный, чисто инквизиціонный гнетъ опуталъ наши университеты, на которые стали смотрѣть, какъ на гангрену, на гнойную, заразительную язву, грозящую погубить богоспасаемую русскую землю. До чего доходила насмѣшка надъ судьбами русской образованности, видно, напримѣръ, изъ того, что еще въ

1875 году возникла мысль о совершенномъ закрытіи университетовъ. Что это за безцеремонное было хозяйничанье, объ этомъ можно прочитать въ вышеуказанномъ изслѣдованіи.

Говорятъ, что съ 1860 года университеты наши пошли по новой дорогѣ, что уставъ 1863 года превосходитъ во многихъ частностяхъ уставы университетовъ нѣмецкихъ. Говорятъ, что съ тѣхъ поръ мы сдѣлали дѣйствительно большіе шаги. Пусть такъ. Противъ этого невозможно спорить.

Но чѣмъ мы можемъ объяснить то систематическое подкапыванье подъ свободу университетовъ, подъ самостоятельность студентовъ, которое замѣчается со времени вступленія въ дѣйствіе настоящего министерства народнаго просвѣщенія? Чѣмъ объяснить, что многіе лучшіе профессора принуждены были во время извѣстныхъ петербургскихъ „студенческихъ безпорядковъ“ оставить каѳедры? Чѣмъ объяснимъ мы, что и теперь изгоняются изъ университетовъ лучшіе профессора, отъ которыхъ можно услышать болѣе живое слово? Чѣмъ объясняется, что студентъ перешелъ изъ вѣдѣнія университетскаго начальства и перешелъ въ вѣдѣніе полиціи, не переставая быть въ тоже время подъ юрисдикціей своего суда? что онъ отданъ въ руки двухъ властей, изъ которыхъ одна можетъ изгнать его изъ университета, а другая уконопатить куда лишь ей угодно, совершенно не увѣдомляя первую власть? Студентъ сдѣлался теперь субъектомъ, надъ которымъ всякое лицо имѣетъ нѣкоторую власть. Всѣ ему начальники, но особенно полиція. Студентъ не имѣетъ права составлять сходокъ, онъ не можетъ устраивать кассъ, библіотекъ, столовыхъ, для всего этого ему нужно спеціальное дозволеніе со стороны администраціи, которая, когда ей то будетъ желательно, можетъ закрыть эти кассы, столовыя, библіотеки, розогнать членовъ или отправить ихъ въ ссылку, — словомъ сдѣлать что угодно. И студентъ не можетъ имѣть нигдѣ защиты. Университетъ ничего не можетъ для него сдѣлать: онъ, видите-ли, студентъ лишь въ стѣнахъ университета, а внѣ стѣнъ онъ не студентъ. Поэтому, можетъ случится, что онъ - полъ года или годъ сидитъ въ тюрьмѣ или находится въ ссылкѣ, — и университетъ даже не обязанъ знать это.

Университетъ нашъ стоитъ поотдаль отъ жизни. Это такъ. Но причина этому та, что въ эту то именно сторону и желаетъ направить его власть, вся цѣль которой — рас-

пространять среди молодежи политическій и общественный индифферентизмъ. Университетъ плохо разработываетъ науку. Но можетъ-ли онъ разработывать ее лучше, если онъ остается безъ притока свѣжихъ силъ, если эти свѣжія силы, вслѣдствіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ, устремляются въ совершенно другую сторону или же гибнутъ отъ произвола администраціи?

У насъ мало университетовъ, профессоровъ, мало научно развитыхъ людей, мало спеціалистовъ. Совершенно вѣрно. Но со стороны можно подумать, что ихъ слишкомъ много.

Въ самомъ дѣлѣ, кѣмъ-же наполнены захолустья сѣверныхъ губерній? Кто эти административные ссыльные? это большею частью студенты, схваченные со школьныхъ скамей. Значитъ, ихъ слишкомъ много? Нѣтъ, не слишкомъ для нашей великой страны. Значитъ, это какой то особенно порочный, испорченный классъ, эти студенты? Должно думать, что такъ.

Въ самомъ дѣлѣ, почему эти люди, студенты, кажутся опасными? Это по большей части юноши, прилѣжно изучающіе избранную науку, юноши съ живымъ чутьемъ и пониманіемъ общественныхъ вопросовъ. Вотъ это-то чутье, это пониманіе ставится имъ въ обвиненіе. Оно ничѣмъ почти не проявляется, оно остается въ потенціальномъ состояніи. Но это ничего не значитъ. Здѣсь грунтъ нашей наростающей интеллигенціи. Нужно этотъ грунтъ разорить. И его разоряютъ. Да какъ разоряютъ. Это трудно вообразить себѣ. Просто animus meminisse horret.

Вотъ одинъ изъ многихъ фактовъ. На мою долю выпало счастье заѣхать проѣздомъ въ г. Кіевъ, какъ разъ въ то время, когда тамъ разразилась „университская исторія.“ Какъ извѣстно, было изгнано всего до 150 человѣкъ студентовъ, часть на три года, до 75 — на два и до трети — на годъ. Круглымъ счетомъ было уворовано у науки 300 лѣтъ! 300 лѣтъ! o, tempora!

Но должны-же виновные быть наказаны, скажутъ мнѣ.

Безъ сомнѣнія, виновные должны быть наказаны. Кто можетъ отрицать это? Судите сами, читатель.

За что были изгнаны эти студенты? За что было украдено у науки 300 лѣтъ? Вотъ за что.

172

Случилось въ Кіевѣ какъ-то покушеніе на жизнь мѣстнаго прокурора. Кто покушался на жизнь его — до сихъ поръ неизвѣстно. Неизвѣстно также, какая была къ тому причина. Замѣтьте-же, что на другой-же день послѣ покушенія было арестовано до десяти студентовъ. Ихъ допрашивали. Съ какой статьи ихъ арестовали? Развѣ подозрѣніе за всякое убійство въ городѣ должно падать именно на студентовъ? Надо думать, что такъ. Надо думать, что это извѣстные изверги, разбойники, убійцы. Администрація именно такъ къ нимъ относится. Однако-же послѣ допроса пришлось выпустить ни въ чемъ неповинныхъ людей, которые даже не могутъ жаловаться на оскорбительныя подозрѣнія и произволъ администраціи.

Прошло нѣсколько времени, и начались аресты снова, все по тому-же поводу. Между прочимъ арестовали одного студента — медика, Подольскаго. Похожъ ли этотъ П. на убійцу и разбойника, судить не могу, такъ какъ мнѣ не случалось видѣть его. Говорятъ, что это очень невинный, болѣзненный и слабый юноша. За что-же его арестовали? По подозрѣнію. Именно, въ его квартирѣ, какъ разсказываютъ, была отыскана деревянная доска, изстрѣленная пулями. Не очевидно-ли отсюда, что онъ приготовлялся къ убійству и упражнялся въ стрѣльбѣ именно съ цѣлью умертвить кіевскаго прокурора? Да это ясно, какъ божій день. Необходимо арестовать его. Тамъ разберутъ.

И его арестовали и посадили въ крѣпость, въ заключеніе, какъ опаснаго разбойника. Держатъ мѣсяцъ, другой. Товарищи безпокаятся за исчезнувшаго человѣка. Но университетское начальство о немъ нимало не безпокоится. Тогда студенты собираются въ лекторіи и обсуждаютъ, что имъ предпринять, чтобъ помочь несчастному юношѣ, которому на носу предстоитъ полукурсовый экзаменъ; приготовляться-же къ экзамену въ казематѣ неудобно. Говорили, что П. человѣкъ съ слабой грудью, чахоточный. Рѣшились обратиться къ ректору. Ректоръ отправился къ жандармамъ, которые не отвѣчали ничего опредѣлительнаго и вообще лгали не въ одно. Именно, одинъ говорилъ, что П. держатъ не по подозрѣнію въ убійствѣ; другой говорилъ, что его держатъ именно по подозрѣнію въ убійствѣ. Словомъ, здѣсь нечего было ждать правды. Прошло два дня. Сходки въ лекторіи

продолжались. Студенты посылаютъ депутатовъ къ попечителю. Попечитель говоритъ, что это не его дѣло, что это дѣло администраціи. Онъ, попечитель всѣхъ учебныхъ заведеній округа, ничего не можетъ тутъ сдѣлать. Студенты просятъ попечителя ходатайствовать передъ начальствомъ за Подольскаго или по крайней мѣрѣ разузнать, за что его держатъ въ тюрьмѣ. Но попечитель не можетъ этого сдѣлать. Это не его дѣло. Тогда студенты посылаютъ депутатовъ отъ факультетовъ къ кіевскому генералъ-губернатору г. Черткову. Г. Чертковъ отдѣлывается насмѣшливыми замѣчаніями и довольно угрожающими намеками. Студентамъ приходится удивляться, что г. Черткову очень подробно извѣстно все, что происходитъ на сходкахъ, до того подробно, что ему грезятся вещи, о которыхъ студенты на сходкахъ и не думали говорить?

Г. Чертковъ дѣлаетъ намеки, что студенты затѣваютъ бунтъ, политическое преступленіе. Но зачѣмъ-же онъ принялъ депутатовъ? Вѣдь онъ зналъ, что по закону студенты не имѣютъ права ни посылать депутатовъ, ни просить о чемъ-либо коллективно. Однако-же онъ принялъ депутатовъ. Его просили поинтересоваться Подольскимъ, ходатайствовать, чтобъ его отпустили на поруки, и больше студентамъ ничего не нужно. Они не жалуются, они просятъ, просятъ униженно, кланяются

Депутаты и тутъ воротились ни съ чѣмъ. Хорошо, что хоть ихъ не арестовали. Говорятъ, что студенты очень боялись, что арестуютъ депутатовъ. Однако-же, депутаты возвратились цѣлы и невредимы. Что-же дѣлать дальше? Вѣдь просили кого только можно было просить, и получили что называется кукишъ съ масломъ. Что-же дѣлать? Разойтись? Такъ многіе совѣтовали сдѣлать. Но было рѣшено испробовать послѣднее средство, именно взять П. на поруки, подъ денежною отвѣтственностью. Нашлась добрая душа, которая согласилась взять П. на поруки, если студенты поручатся за него честнымъ словомъ. Говорятъ, что студенты готовы были поручиться за Подольскаго такъ-же, какъ за самыхъ себя. Теперь оставалось обсудить подробности дѣла, взять на поруки несчастнаго студента и разойтись такъ-же тихо и смирно, такъ-же спокойно и мирно, какъ велось все дѣло. Это было уже на четвертой день послѣ начала сходокъ. Университетское начальство четыре дня не обращало вниманія на эти сходки.

Вдругъ, среди этихъ мирныхъ розсужденій о томъ, какъ взять на поруки Подольскаго, въ лекторію вбѣгаетъ, именно вбѣгаетъ ректоръ Матвѣевъ и громко кричитъ: „Шапки долой! Уходите! Пора словъ прошла, наступила пора дѣла. Зачинщики будутъ наказаны“. Такъ кричалъ Матвѣевъ.

Студенты резонно замѣтили ему, что зачинщиковъ никакихъ тутъ не было, что они всѣ, студенты, начали дѣло, что они ограничиваются просьбами. Неужели-же имъ, студентамъ, нельзя просить за своего товарища? „Все равно! Зачинщики будутъ наказаны“. Студенты говорятъ, что разойдутся, если только не будетъ никакой рѣчи о небывалыхъ зачинщикахъ. Матвѣевъ говоритъ, что пожалуй, рѣчи о зачинщикахъ не будетъ, но только студенты должны разойтись. И прекрасно! Вѣдь все равно Подольскаго можно будетъ взять на поруки. Почему-же студентамъ не разойтись? Они разойдутся, но только пусть ректоръ обѣщаетъ, что ни о какихъ зачинщикахъ не будетъ и рѣчи. Матвѣевъ смущенъ. Тутъ на сцену выступаетъ проректоръ Митюковъ, этотъ удивительный хамелеонъ. Онъ начинаетъ объяснять студентамъ, что они ошибаются думая, что власть можетъ вступать въ какіялибо условія съ подчиненными. Выводъ тотъ, что студенты должны разойтись безъ всякихъ условій. „Какъ? Такъ значитъ вы отыщете у насъ мнимыхъ зачинщиковъ и накажете ихъ?“ Ни ректоръ, ни проректоръ не желаютъ отвѣчать. „Разойдитесь, говорятъ они, кто не уйдетъ, тотъ будетъ преданъ суду, какъ зачинщикъ“. А если такъ, то мы всѣ зачинщики, отвѣчаютъ студенты, и ужъ если судить, то нужно судить всѣхъ насъ.

Судите сами, читатель, кто здѣсь дѣйствовалъ честно, благородно и кто дѣйствовалъ глупо, непослѣдовательно, грубо, трусливо и подло. Начали составлять списокъ тѣхъ, кто оставался въ лекторіи. Студенты составляли списокъ собственноручно, сами вписывали свои фамиліи. Приходили и подписывались даже многіе студенты, которые во все не были на сходкахъ и до тѣхъ поръ не интересовались этимъ дѣломъ. Можно-ли было ожидать, что-либо иное, когда университетская власть поступила такъ безчестно? Четыре дня составлялись сходки, онѣ уже кончались мирно, и вдругъ

власть вмѣшивается такъ грубо и некстати! Она воображала, что это бунтъ, что это политическое дѣло? Она не могла этого воображать, потому что субъ-инспектора, какъ говорятъ, присутствовали на всѣхъ сходкахъ и могли выслушивать всѣ рѣчи, которыя говорили студенты. Значитъ власть университетская была направлена на студентовъ полиціей, подлыми тайными шпіонами и доносчиками. Полиція была давно недовольна студентами и воспользовалась удобнымъ случаемъ, чтобъ дорѣзать ихъ. Университетское начальство послужило ей орудіемъ.

Списокъ былъ составленъ. Между тѣмъ ректоръ отправился къ попечителю. Ожидали даже губернатора и команду солдатъ. Посудите сами, читатель, была-ли въ этомъ нужда. Вѣдь это было самое мирное, простое обыкновенное дѣло, исключая развѣ необыкновеннаго идіотизма университетскаго начальства. Однако-же попечитель прибылъ въ лекторію. Что ему нужно было здѣсь? Спросите его самого. Онъ и самъ не будетъ въ состояніи отвѣчать на это. Своимъ приходомъ онъ изъ несложнаго факта создалъ пассажъ, произвелъ сензацію въ обществѣ. Разсказываютъ, что онъ спрашивалъ, чѣмъ недовольны студенты. Студенты ему объяснили, что они недовольны своимъ положеніемъ вообще (еще-бы имъ быть довольными), но что въ данномъ случаѣ они хотѣли просить отдать на поруки Подольскаго, и за это ихъ теперь имѣетъ судить университетскій судъ. Вотъ и все. Тутъ нечего больше толковать. Попечитель спросилъ: кто вамъ позволилъ собирать сходку? Студенты отвѣчали, что они имѣютъ полное право собираться въ лекторіи, но не имѣютъ права ни о чемъ просить, и за это ихъ будутъ судить. Тогда начались между попечителемъ и студентами мирныя и даже дружелюбныя разсужденія.

Въ концѣ концовъ попечитель выразилъ увѣренность, что студентами руководили самыя благородныя намѣренія и что если они разойдутся, то ничего не будетъ, никто не потерпитъ ничего. Онъ даже прибавилъ, что у него, попечителя, сердце обливается кровью, при видѣ несчастій, въ которыя студенты должни попадать совершенно роковымъ образомъ, ни за что, ни про что. Ему многіе рукоплескали. Онъ даже плакалъ. Говорятъ, что то были крокодиловы слезы. Но это не совсѣмъ такъ. Вѣрнѣе думать, что онъ въ самомъ дѣлѣ ничѣмъ не могъ помочь.

174

За попечителемъ разошлись и студенты. Однако-же попечительское обѣщаніе не исполнилось. Студентовъ судили. Что это былъ за судъ, о томъ пусть поразмыслятъ судьи. Это былъ секретный, одиночный инквизиціонный судъ, производить который не взялся-бы честный человѣкъ. Я человѣкъ посторонній кіевскому университету, но я могу назвать его судей безчестными людьми. Если я лгу, они легко могутъ оправдаться. Но они не могутъ оправдаться. Судите сами, читатель. Студенты, привлеченные къ суду, всѣ подписались на спискѣ, всѣ признавали, что они совершенно одинаковое принимали участіе въ дѣлѣ Подольскаго и сходокъ. Тутъ не было и не могло быть зачинщиковъ. Это яснѣе дня. Почти всѣ студенты заявили, что не желаютъ давать отвѣты секретному, тайному суду, съ глазу на глазъ, что такой судъ, при томъ-же безапелляціонный, позоритъ университетъ. Однако судъ состоялся. Вызывали по одиночкѣ, для формы, на секунду. Это былъ судъ версальскій. И что-же? Судьи умудрились раздѣлить 150 студентовъ на три категоріи „по степени ихъ яко-бы виновности.“ Какъ такъ: Я вамъ скажу какъ: по секретнымъ документамъ. Что это за секретные документы? Это такіе документы, содержаніе коихъ извѣстно лишь кіевской полиціи да судьямъ, — Романовичу-Славутинскому, Ващенкѣ-Захарченкѣ, да Демченкѣ. А университетскій Совѣтъ? Развѣ онъ не протестовалъ, не возмущался? Нѣтъ. Судьи объявили, что категоріи установлены на основаніи „секретныхъ документовъ, содержанія которыхъ они, судьи, не могутъ сообщить совѣту.“ Это фактъ. Пусть опровергнутъ его, если осмѣлятся. Я-же, хотя человѣкъ посторонній кіевскому университету, утверждаю, что судьи и совѣтъ, не потребовавшій объясненія, не протестовавшій всѣми силами и безропотно подтвердившій неслыханный приговоръ, внушенный секретными документами, — я утверждаю, что и судьи и совѣтъ поступили въ высшей степени нечестно, въ высшей степени низко. Пусть они защищаютъ свой приговоръ, если хотятъ, пусть они обнародуютъ свои секретные документы!

Вы видите, читатель, какъ дорожатъ наши профессора своимъ дѣломъ, какъ они цѣнятъ свою науку и студентовъ. Пусть-же позоръ падетъ на ихъ голову. Другіе университеты навѣрное погнушались-бы такого мерзкаго дѣла. Это

по-просту рѣзня, хладнокровное полицейское убійство. И кто-же совершаетъ его? Профессора. Вотъ оно, разложеніе, деморализація!

Финалъ извѣстенъ. До тридцати студентовъ было обманнымъ образомъ затащено въ полицію, арестовано и отправлено на гауптвахту, откуда ихъ, неодѣтыхъ и необутыхъ, отправили черезъ нѣсколько дней въ ссылку административную. Разослали, какъ говорятъ, въ Архангельскую, Олонецкую, Новгородскую, Вологодскую и Вятскую губерніи. За что-же, за что, скажите мнѣ, читатель!? И замѣтьте, что этихъ студентовъ схватили еще за день до произнесенія приговора, который очевидно былъ услужливо сообщенъ полиціи прежде, чѣмъ студентамъ. Остальныхъ 120 студентовъ разослали съ жандармами на мѣста родины, подъ надзоръ полиціи.

За что-же все это, читатель? За то единственно, что студенты осмѣлились просить униженно, умолять! Они не имѣютъ права просить. Нужно ихъ отправить въ ссылку. Это народъ безпокойный, это шельмы, безбожники! Кто знаетъ, — быть можетъ они затѣвали что-либо неблагонамѣренное! — О, бездна человѣческой глупости и лицемѣрія!

Говорятъ, что студентовъ отправили въ ссылку какъ „главныхъ агитаторовъ“. Какіе это агитаторы? Противъ кого и чего они агитировали? Ни противъ кого, ни противъ чего. Они всѣ просили одинаково, просили, умоляли. А изъ нихъ сдѣлали козловъ отпущенія. Для чего? Зачѣмъ? съ какою цѣлью? Невозможно, немыслимо, невѣроятно. Однако справедливо. Все это случилось въ послѣднихъ числахъ Марта 1878 года. Пишутъ теперь, что для первыхъ двухъ категорій приговоръ смягченъ. Только смягченъ! Кого общество должно благодарить за такое, снисхожденіе? Я не знаю. Но спасибо и за то.

Что Подольскій былъ ни въ чемъ невиненъ, доказывается тѣмъ, что и его черезъ нѣкоторое время отправили въ административную ссылку, не нашли противъ него ни одной улики. Такимъ образомъ, все дѣло кончились очень просто — ссылкой и высылкой. У насъ все просто. Право, такихъ безсовѣстныхъ, и ничѣмъ, да, ровно ничѣмъ не заслуженныхъ убійствъ не приходилось мнѣ видѣть въ моей жизни даже въ старыя времена нашихъ университетовъ. Но что особенно

поражаетъ меня, это роль, которую разыграли здѣсь профессора.

Позоръ, о, позоръ!

Пусть они опровергнутъ мои слова! Пусть они докажутъ, что знали, за какія такія преступленія осудили студентовъ! 150 студентовъ! Слыханное-ли это дѣло? Въ университетѣ всего 700 студентовъ, — и вотъ это кажется много, — выплемъ четверть! Вѣдь это навозъ, вѣдь это Administrationsfleisch.

Въ первыхъ числахъ Апрѣля я уѣхалъ изъ знаменитаго университетскаго города. Что тамъ теперь творится — я не знаю. Пишутъ, что были снова убійства! О, конечно, въ этихъ убійствахъ вѣроятно подозрѣваютъ студентовъ, хотя они виновны въ этомъ вѣрятно столько-же, какъ мы съ вами, читатель.

Судите-же теперь сами, въ какомъ положеніи, при какихъ невозможныхъ условіяхъ подрастаетъ наша молодая интеллектуальная сила. Рѣшайте, должно-ли это влечь за собою пониженіе общественнаго уровня, измельчаніе интересовъ, оскудѣніе идеаловъ. Оцѣните-же послѣ этого по достоинству газетные вопли противъ общественной деморализаціи. Оцѣните наконецъ по достоинству полемику, которая начинаетъ разгораться между литературой и нѣкоторыми профессорами. Оцѣните наконецъ положеніе нашего университета, этого несчастнаго кролика, который, будучи обритъ чужими руками, самъ покрываетъ себя лакомъ, чтобъ окончательно захирѣть въ медленной агоніи.

Вотъ она, наша система. И съ этою-то системой мы взваливаемъ на себя непосильныя задачи, мы беремся насаждать свободу, мы, погибающіе и издыхающіе отъ произвола. О, бездна человѣческаго лимѣрія! Когда-же будешь ты исчерпана до конца?

Не можемъ-ли мы воскликнуть теперь вмѣстѣ съ Фаустомъ: „Alles deckte sich rings mit Nebel umher!“

Гдѣ-же, наконецъ, гдѣ это должно кончиться? Кто долженъ развернуть клубокъ, который, увеличиваясь самъ собой, все растетъ да растетъ?

Кто, мудрецъ, можетъ отвѣчать на этотъ вопросъ?

1878 года. Ноября 20.
Веселый Овражекъ.

Николай Хамходера.

175

Гляджу какъ безумный на черную шаль
И хладную душу терзаетъ печаль.
Пушкинъ.

Когда легковѣренъ и молодъ я былъ,
Младую дѣвицу я страстно любилъ;

Однажды, помню я, сидѣлъ я при ней
И въ небо всмотрѣлся блестящихъ очей,

И въ ея ланиты — два пучечки розъ,
И уста, усточка полны сладкихъ грезъ;

Подала мнѣ ручку бархатну свою,
Я ее цѣлую, съ жаромъ къ сердцу жму;

Паду на колѣни, — она не браниτъ,
Но сладко, любовно въ глаза мои зритъ,

И кажетъ съ распѣвомъ: „скажи-ко мнѣ ты
Жалованья сколько берешь изъ казны?“

„Лишь триста . .“ сказалъ я, „да я не богатъ,
„Но сердцамъ любящимъ не надо палатъ;

„Мы станемъ трудиться, а благость любви
„Труды осладитъ намъ, озаритъ пути“.

„А . . . такъ? . . .“ прошептала любезна моя,
И выскользла ся съ моихъ рукъ рука —

„Вы очень нахальны! . . . ужъ прошу я васъ
„Вѣжливѣй со мною...“ — и уйшла сейчасъ...

Что было потому? ахъ, лысый подлецъ,
Богатъ, и съ орденомъ повелъ подъ вѣнецъ

Мою красавицу; — я сталъ сконфуженъ,
Разсматривалъ пятна у стеколъ оконъ,

Потомъ я помчался — лишь не на конѣ,
А пѣшкомъ и — жалость молчала во мнѣ!

Съ тѣхъ поръ я поклялся до смерти своей
Не вѣрить ужъ небу блестящихъ очей;

Съ тѣхъ поръ ужасаюсь любовныхъ оковъ
И сладкаго яда прельщающихъ словъ.

Т. К. Блонскій.

176

№. 4. Leipzig, Januar. 1895.

SIGNALE

für die

Musikalische Welt.

Dreiundfünfzigster Jahrgang.

Verantwortlicher Redacteur: Barthold Senff in Leipzig.

Jährlich erscheinen mindestens 52 Nummern. Durch die Postanstalten und den Buchhandel ist der ganze Jahrgang für 6 Mark zu beziehen. Durch die Post mit **Kreuzband-Versendung** nach allen Orten Deutschlands und des Weltpostgebietes jährlich 9 Mark; nach Ländern außerhalb des Weltpostgebietes 12 Mark. Abonnement für Frankreich bei Herren **Durand & Fils** in Paris, 4 Place de la Madeleine; für Großbritannien und Irland bei Herren **Augener & Co.** in London, 86 Newgate Street E. C.; für Rußland in St. Petersburg bei dem **Kaiserlichen Post-Amt.** Insertionsgebühren für die Petitzeile oder deren Raum 30 Pf.

Expedition der „Signale" Roßstraße 22. I. Leipzig.

Zwölftes Abonnement-Concert im Saale des Neuen Gewandhauses zu Leipzig.

Donnerstag, den 10. Januar 1895.

Erster Theil: Ouverture zu „La chasse du jeune Henry" von E. N. Méhul. — Concert für Pianoforte (No. 4, Gdur) von L. van Beethoven, vorgetragen von Herrn Robert Freund aus Zürich. — Recitativ und Arie aus „Philemon und Baucis" von Ch. Gounod, gesungen von Fräulein Marie Dietrich, königl. Hofopernsängerin aus Berlin. — Solostücke für Pianoforte, vorgetragen von Herrn Freund: a) Scherzo (Cismoll, Op 39), b) Barcarole (Fisdur, Op. 60) von F. Chopin. — Lieder mit Pianofortebegleitung, gesungen von Fräulein Dietrich: a) „Murmelndes Lüftchen, Blüthenwind" von A. Jensen; b) Frühlingsglaube von F. Schubert; c) Marienwürmchen von R. Schumann. — Zweiter Theil: Shmphonie (No. 1, Bdur) von R. Schumann.

Die Oper „La chasse du jeune Henry" von Méhul, deren Ouverture am Eingang des zwölften Gewandhausconcertes stand, stammt aus den letzten Jahren des 18. Säculums und war ein Fiasco derber Art — bis auf die Ouverture. Diese begeisterte das Pariser Publicum bei der Erstaufführung der Oper in solchem Grade, daß sie nicht nur gleich Da Capo gespielt werden mußte, sondern daß sie sogar, nachdem noch vor Beendigung des Stückes der Vorhang hatte fallen müssen, auf stürmisches Verlangen ein drittes Mal zum Ertönen kam. Sie ist denn auch das Einzige, was sich von der Oper erhalten hat, und ihre Beliebtheit ist in Frankreich sowohl wie in Deutschland eine langanhaltende gewesen, ja als in der That flottes und amusantes Stück hat sie sogar heutzutage noch ihre Berechtigung, zumal wenn sie so glänzend executirt wird, wie dies am 12. Gewandhausabend geschah, wo sie außerdem durch die mehrfache Hörnerbesetzung (wie diese seit Langem hier und anderwärts üblich ist) noch eine gesteigerte äußerliche Wirksamkeit erfuhr und überhaupt dem Publicum ersichtlich zur Ergötzung diente.

Von viel bedeutenderer Tragweite als die Méhul'sche Ouverture war die zweite Orchesternummer des Abends — Robert Schumann's Bdur-Symphonie, jenes nach unserm Dafürhalten spontanst erfundene, blüthenvollste und formvollendetste symphonische Erzeugniß des genannten Meisters, welches mit Fug und Recht zu den erklärtesten Gewandhaus-Lieblingen gehört und auch diesmal wieder eine so electrisirende Wirkung auf die Hörerschaft ausübte, als handle es sich um eine ganz neue und nicht bereits in die fünfzig Jahre zählende, unzählige Male genossene Schöpfung. Electrisirend war auch die Wiedergabe, mit welcher unser Orchester sich ein neues Blatt in seinen Lorbeerkranz flocht, und für welche der dem dirigirenden Herrn Prof. Dr. Reinecke zutheil gewordene Hervorruf nur ein gerechter Dankeszoll war.

Der solistische Theil des Concertes — vertreten durch Fräulein Marie Dietrich, königl. Hofopernsängerin aus Berlin, und den Pianisten Herrn Robert Freund aus Zürich — war von namhaftem artistischen Belang und brachte — wie hier gleich gesagt werden soll — den betreffenden Künstlern reiche und verdiente Beifalls-Ehrungen ein. Fräulein Dietrich, uns von früherher bereits bekannt, nahm wiederum durch ihr namentlich in der Höhe wohlklingendes und im Ganzen wohlgeschultes Sopran-Organ ebenso für sich ein wie durch ihre anmuthige und geschmackvolle Vortragsweise. In der netten Arie aus Gounod's „Philemon und Baucis" zeigte sie sich im Besondern als sehr coloraturgewandt. Dem ersichtlichen Verlangen des Publicums nach einer Zugabe fühlte sich Fräulein Dietrich zu entsprechen nicht bewogen; man konnte sich aber auch mit den reizend wiedergegebenen reizenden und von Prof. Dr. Reinecke dito accompagnirten Liedern „Murmelndes Lüftchen, Blüthenwind" von Jensen, „Frühlingsglaube" von Schubert und „Marienwürmchen" von Schumann) ganz gut begnügen.

Herr Freund, uns ebenfalls bereits bekannt, machte denselben günstigen Eindruck wie früher, indem er sich wiederum als Pianist von belangreicher und correcter Technik, schöner Tongebung und intelligenter Ausdrucksweise documentirte. Dem Beethoven'schen Gdur-Concert, dem Scherzo in Cismoll und der Barcarole in Fisdur von Chopin (auf einem exquisiten Blüthner-Flügel vorgetragen) ließ Herr Freund noch ein kurzes Zugabestück folgen, von dessen Verfasser wir aber augenblicklich keine Kunde geben können.

E. Bernsdorf.

Mosaïque.

10 Morceaux pour le Violon avec accompagnement de Piano

par

Jenö Hubay.

Op. 49. Preis für No. 1—9: 1 ℳ. 20 ₰., für No. 10: 1 ℳ. 50 ₰.

Verlag von Bosworth & Co. in Leipzig und London.

Von den zehn Geigenstücken des berühmten ungarischen Violinvirtuosen liegen uns die fünf ersten mit den Ueberschriften: „Souvenir", „Plainte", „Sous les arbres", „Prière" und „Barcarolle" vor. Sie sind sämmtlich im leichteren Salonstyl, und diesem entsprechend, von gefälligem Ausdruck, ohne irgendwie anspruchsvoll aufzutreten. Die Violinpartie ist durchaus angenehm praktikabel und nicht schwierig, so daß sie auch von Mindergeübten bezwungen werden kann.

—m—

Dur und Moll.

* Wien, 1. Januar. Im Concertwesen sah es in den letzten Wochen selbstverständlich ziemlich flau aus. Die Philharmoniker brachten vor Weihnachten noch ihr viertes Concert unter Dach und Fach, Moriz Rosenthal spielte darin zum ersten Male ein Clavierconcert von Schytte mit glänzendster Virtuosität und verhalf dem nicht uninteressanten Werke zu starkem Erfolge. — Ebenfalls vor den Festtagen erschien gleich dem Wiener Männergesangverein auch die Wiener Singakademie mit ihrem ersten Winterconcert auf dem Plan. Statt der ursprünglich beabsichtigten Rubinstein-Trauerfeier wurde ein a capella-Chorprogramm mit Werken von Hasler, Eccard, Isaak, Lasso u. s. w. geboten und als instrumentales Stück von dem gleichfalls unter Professor Graedener's Leitung stehenden Orchesterverein für classische Musik ein Concerto grosso von Händel zur Aufführung gebracht. Fräulein Margarethe Petersen, die sich in Wien vieler Sympathien erfreut, trotzte der ungünstigen Concertzeit durch Veranstaltung eines Liederabends, an dem sie unter Anderm Schumann's Cyclus „Frauenliebe und Leben" und eine Reihe „Dyveke Lieder" von dem dänischen Componisten Peter Heise hören ließ. Recht beifällig sahen sich die Leistungen des von Frau Nadina Slaviansky mit ihren Schwestern begründeten Terzetts aufgenommen, welches, wie zu erwarten war, im Vortrage russischer Compositionen ihr Bestes gab. Uebrigens beschränkte sich ihr Programm nicht nur auf Terzette, sondern umfaßte auch Duette und Sologesänge. Einen vollen Saal fanden die böhmischen Streichquartettisten auch bei ihrem zweiten Auftreten. Sie spielten mit Alfred Grünfeld das Clavierquintett in Bdur von Goldmark und als Novität ein Streichquartett von Tanieff. — Das Hofoperntheater steht gegenwärtig wie die meisten deutschen Bühnen im Zeichen von „Hänsel und Gretel". Eine passendere Weihnachtsbescheerung konnte dem Publicum schwerlich geboten werden, als mit der Humperdinck'schen Oper. Auch hier hat das Werk außerordentlich gefallen. Die Aufführung gehört zu den gelungensten der vom Hofoperntheater in den letzten Jahren gebrachten Novitäten. Die Damen Renard, Mark und Lehmann sind in den Hauptrollen unübertrefflich, die mise en scene ist für sich eine Sehenswürdigkeit ersten Ranges. Vorgestern gab es im Hofoperntheater ein großes Abschiednehmen — Frau Amalie Materna trat zum letzten Male an der Stätte ihrer langjährigen Triumphe auf. Sie sang die Brünnhilde in Wagner's „Götterdämmerung", eine der Rollen, in denen sie — fast möchte man es behaupten — auch jetzt noch einzig dasteht. In der Künstlerin verliert unsere Hofoper sicher das am schwersten zu ersetzende Mitglied. Frau Materna gehörte dem Institut seit April 1869, also über fünfundzwanzig Jahre an. — Im Theater an der Wien fand am 22. December die von reichstem Erfolge begleitete Première von Millöcker's neuer Operette „Der Probekuß" statt. Das lustige Textbuch ist wieder eine Compagniearbeit H. Wittmann's und J. Bauer's, die Musik namentlich in den beiden ersten Acten bester Millöcker.

* Cassel, 20. December. In den vom königlichen Theaterorchester zum Vortheil ihres Unterstützungsfonds bis jetzt gegebenen zwei Abonnementsconcerten kamen an orchestralen Werken die Eroica-Symphonie und Egmont-Ouverture von Beethoven, Smetana's Ouverture zur „Verkauften Braut" (zum ersten Male) und die Ocean-Symphonie von Rubinstein vor. Letztere bildete die pièce de résistance des zweiten Abonnementsconcerts und in ihrer vortrefflichen Ausführung eine würdige Gedächtnißfeier für den heimgegangenen großen Meister. Als Instrumentalsolisten ließen sich der ausgezeichnete Pianist Alexander Siloti (Fantasie von Schubert-Liszt und Solostücke) und Herr Professor Brodsky, ein Geiger mit hervorragenden technischen Eigenschaften, hören. Siloti namentlich hatte großen Erfolg. Das Gesangliche vertraten Fräulein Louise Fischer (mit Mendelssohn's Concertarie und mehreren Liedern) und Fräulein Regine Schindler, deren temperamentvoller Vortrag der Ocean-Arie aus „Oberon" viel Beifall fand. Eine vocale Novität bescheerte übrigens noch das erste Concert, den

„Sang an Aegir" vom Kaiser Wilhelm II.; der hiesige Lehrer-Gesangverein vereinigte sich mit dem Herrenchor des königl. Theaters zu einer wirkungsvollen Wiedergabe der Composition, die Da Capo begehrt und selbstverständlich auch gesungen wurde. — Drei Kammermusikaufführungen der Herren Concertmeister Hoppen, Kaletsch, Schmidt und Monhaupt fielen sowohl hinsichtlich der Wahl des Programms wie dessen Ausführung sehr genußreich aus. Zu Gehör kamen Beethoven's Septett in Esdur und das Fdur-Octett von Schubert, ferner Streichquartette von Haydn, Mozart, Schumann (Fdur), Schubert (Dmoll), Dessoff, Rubinstein (Cmoll) und das Esdur-Clavierquartett von Schumann mit Herrn Capellmeister Treiber am Clavier.

* Brüssel, 2. Januar. Im Théâtre de la Monnaie ist auf die Reprise von Bruneau's „Le Rêve" auffallend schnell die von desselben Componisten „L'Attaque du moulin" gefolgt — ein Beweis, daß Bruneau bei den Directoren der Monnaie sehr gut angeschrieben ist. Ob auch beim Gros des Publicums? das ist fraglich; wenigstens hat die allgemeine Zuneigung für „L'Attaque du moulin" seit vorigem Jahre nicht gewonnen, zumal da auch die diesmalige Aufführung gegen die der vorigen Saison nicht unerheblich zurückstand. Von den Interpreten leistete Herr Seguin diesmal entschieden das Befriedigendste; mehr oder weniger zu wünschen ließen die Damen Simonnet, Armand und Hendrickx, sowie die Herren Bonnard, Ghasne und Jsouard. — Im Alcazar hat letzhin die frivole, aber talentvolle Chansonetten-Diva Yoette Guilbert wieder beträchtliches Furore gemacht, natürlich nur bei einer gewissen niedrigen Publicums-Sorte. — Das vor acht Tagen stattgehabte erste diesjährige Conservatoire-Concert — ausschließlich Beethoven gewidmet — ist vortrefflich ausgefallen. Die Ouverture Op. 115 wurde schwungvoll executirt, die neunte Symphonie (mit den Damen Warnots und Flament, den Herren Dequesna und Maas als Solisten im Finale) gelang nach allen Seiten hin vorzüglich, und das Clavierconcert in Esdur fand in Herrn Camille Gurickx einen prächtigen Interpreten. — Am letzten Freitag gaben die Herren Sevenants, Deru und Bouserez im Saale Ravenstein die erste ihrer zwei angekündigten Kammermusik-Séancen vor einem zahlreichen, gewählten und sehr freundlich gesinnten Publicum. Das Programm war eklektischer Art und enthielt Sachen (theils für Clavier, Violine und Violoncell, theils für Clavier allein) von Beethoven, Mendelssohn, Sjögren, Castillon, Scarlatti und Moszkowski.

* Rom, 7. Januar. Die Società Orchestrale Romana unter Leitung ihres Dirigenten E. Pinelli eröffnete ihre diesjährigen Sinfonie-Concerte am 5. Januar mit einer schwungvollen Wiedergabe der Ouverture „Zur Weihe des Hauses." (Op. 124) von Beethoven. Darauf folgte die große Cdur-Sinfonie von Schubert mit ihren „göttlichen Längen". Das Tempo des zweiten Satzes (Andante con moto) war ganz verfehlt und wurde viel zu langsam genommen, sodaß das liebliche Andante, das so echt Schubert'schen Geist athmet, wie ein Trauermarsch wirkte. Der dritte Satz (Allegro vivace), das Scherzo, hätte viel feiner ausgearbeitet werden können, wie überhaupt das an und für sich tüchtige Orchester, dessen Streicher sogar ganz vorzüglich sind, vollendetere Leistungen bieten könnte, wenn mehr Proben abgehalten würden. Da die Concerte aber eine Privatunternehmung Pinelli's sind und die Proben viel Geld kosten, so müssen zwei Proben für ein Concert genügen und die reichen natürlich nicht aus, um eine wirklich künstlerische Ausführung zu erreichen. Immerhin muß man dem Dirigenten aber das große Verdienst zusprechen, daß er seit Jahren die deutsche Musik in Rom einzuführen bestrebt ist. Im vorigen Winter hörten wir sämmtliche Sinfonien von Beethoven, auch die neunte. Beschlossen wurde das diesjährige erste Concert mit „Siegfried's Rheinfahrt" aus Wagner's „Götterdämmerung", die sehr enthusiastisch aufgenommen, aber nicht plastisch genug gespielt wurde. Die Königin, die kein Concert verfehlt, wohnte auch diesem bei und wurde bei ihrem Eintritt in den Saal bei den Klängen der Nationalhymne vom Publicum stehend empfangen.

---

* Die Direction des Stadttheaters in Karlsbad ist für die nächsten drei Jahre wieder Emanuel Raul, derzeit in Preßburg und früher langjähriger Leiter der Karlsbader Bühne, verliehen worden.

* Gent wird in diesem Jahre ein Vlämisches Theater erhalten, nachdem schon seit Jahren die Bestrebungen der Genter Vlämen darauf gerichtet waren, in den Besitz eines der Stadt der Artevelde würdigen nationalen Theaters zu gelangen. Der Unermüdlichkeit des Bürgermeisters Lippens ist es endlich gelungen, den Stadtrath von Gent zu dem Beschlusse zu bringen, ein solches an der Stelle des alten „Packhauses", das niedergerissen werden soll, zu errichten. Es wird mit den Vlämischen Schauburgen in Brüssel und Antwerpen das dritte nationale Theater der Belgischen Vlämen sein.

* Der Director des Operntheaters in Antwerpen ist verkracht. Die Genter Operngesellschaft übernahm es, in Antwerpen Vorstellungen zu veranstalten, ihre Leistungen sind aber so miserabel, daß es allabendlich zu stürmischen Kundgebungen und häßlichen Auftritten kommt. Jüngst war der Scandal bei der Aufführung der Oper „Die Tochter des Regimentstambours" so arg, daß die Vorstellung auf polizeichen Befehl eingestellt werden mußte. Die Schließung des Theaters ist zu erwarten.

* Am Stadttheater in Düsseldorf gelangte die „Legende von der heiligen Elisabeth" von Liszt am Neujahrstage zum ersten Male scenisch zur Darstellung. Hinsichtlich der musikalischen Wiedergabe des Werkes wie dessen Ausstattung an Decorationen und Costümen war Alles geschehen, um eine nachhaltige Wirkung zu erzielen.

* Die scenischen Aufführungen von Rubinstein's „Christus" werden bestimmt in Bremen stattfinden. Das Aufführungscomité hat den Beschluß gefaßt, das große Unternehmen mit doppelter Hingabe zu fördern und dem Meister damit pietätvoll ein Denkmal zu errichten, dessen Vollendung noch zu erleben ihm ein tragisches Geschick verwehrt hat. Die Aufführungen des „Christus" werden im Stadttheater vor sich gehen, das dem ernsten Inhalt des Werkes gemäß würdig decorirt wird. Die Zahl derselben wird mindestens zehn, vielleicht aber mehr betragen. Man beabsichtigt Ende Mai zu beginnen und wöchentlich vier Vorstellungen zu geben. Der decorative Theil ist bereits seit längerer Zeit in Angriff genommen, für den musikalischen Theil und zwar als Leiter der Aufführungen an des verstorbenen Meisters Stelle wird ein hervorragender Dirigent gewonnen werden. Die Solopartien werden zum Theil nach Rubinstein's bestimmten Vorschlägen besetzt. Mit den Proben der Chöre, für die aus den musikalischen Kreisen der Stadt die Anmeldungen zahlreich ergangen sind, ist Anfang Januar begonnen worden.

* Im königl. ungar. Opernhause in Budapest wurden am 5. Jan. Wagner's „Meistersinger" nach siebenjähriger Pause in vollständiger Neueinstudirung mit großem Erfolge in ungarischer Sprache zum ersten Male wieder aufgeführt. Die Aufführung war eine vorzügliche, namentlich das Orchester unter Leitung Arthur Nikisch's bot Vollendetes. David Ney als Sachs, Frau Rotter als Eva, Bronlik als Walther Stolzing, Hegedüs als Beckmesser und Arányi als David, sowie der Chor wirkten sehr verdienstlich. Das Publicum nahm das Werk diesmal mit viel größerem Verständniß auf als bei den früheren Vorführungen.

* Das Scala-Theater in Mailand hat am 26. December unter Leitung Sonzogno's seine Stagione mit der Oper „Sigurd" von Reyer eröffnet, welcher es jedoch nicht gelang, den Beifall des Publicums zu finden. Auch die Darstellung ließ Manches zu wünschen übrig. In Folge dessen wurde die Oper einstweilen vom Repertoire abgesetzt. Als zweite Novität gingen Bizet's „Perlenfischer" in Scene.

* Aus Italien werden folgende Operetten neuesten Datums signalisirt: „I Richiamo della Territoriale" von Pascucci (Rom); „Il gran Sultano" von Gissabane (Neapel); „Madamigella Ramollot" von Prisco (Neapel); „Il dono fatale" von Zambelli (Genua).

178

* Eine Parodie auf Massenet's „La Navarraise" ist unter dem Titel „Nana Varaise" im Alcazar in Brüssel erschienen und hat die Leute sehr amusirt. Die Verfasser sind die Herren Hannon, Malpertuis und Nazy (letzterer für die Musik).

* Der Componist Rateau in Nantes hat eine Audition der Musik seiner Oper „Béatrix de Rohan" (Libretto von Meunier) veranstaltet, und soll diese Musik vielen Anklang gefunden haben.

* In der Alhambra in London hat ein neues Ballet „Ali Baba" — Scenarium von Cozzi, Musik von Georges Jacobi — Furore gemacht.

* Im Theater Eslava in Madrid ist eine neue Operette (Zarzuela) — „El Tambor de granaderos", Musik von Chapi — zur erfolgreichen ersten Aufführung gekommen.

* In Saratoff haben am 3. Decbr. die Vorstellungen der russischen Oper begonnen. Mit großem Beifall gastirt daselbst der Tenor G. Preobraschensky.

* Im vicekönigl. Theater in Cairo ist Massenet's Oper „Hérodiade" mit großem Erfolg erstmalig gegeben worden.

* Im Broadway-Theater in New-York ist eine neue komische Oper — „Prince Ananias", Musik von Victor Herbert — günstig aufgenommen worden.

* Ignaz Brüll hat eine neue dreiactige Oper „La Gloire" vollendet, zu welcher ihm einer der Librettisten Mascagni's, Menasci, den Text geschrieben hat.

* Frau Koch-Rossenberger ist nach achtmonatlicher Krankheitspause am Hoftheater in Hannover wieder aufgetreten und als Rosine im „Barbier" mit allen Auszeichnungen vom Publicum begrüßt worden.

* Francesco d'Andrade hat sein Gastspiel am Hoftheater in München zahlreichen Wünschen zufolge noch um drei Abende verlängert. Er sang an diesen den „Tell", den Wolfram im „Tannhäuser" (zum ersten Male in deutscher Sprache) und verabschiedete sich am 5. Januar in einer ebenfalls noch nicht von ihm gehörten Partie, dem Tonio im „Bajazzo". Mit letzterer hatte er außerordentlichen Erfolg, während der Wolfram wohl der großen Intelligenz des Künstlers ein rühmliches Zeugniß ausstellte, aber seiner Individualität wenig entspricht.

* Dem Mimiker des Wiener Hofoperntheaters, Herrn Louis Frappart, ist von der Direction die Mittheilung geworden, daß sein mit Ende März ablaufender Contract nicht mehr erneuert werden wird. Mit Frappart scheidet der bedeutendste und beliebteste Mimiker des Hofoperntheaters. Er war nicht weniger als vierzig Jahre productiv und reproductiv auf choreographischem Gebiete thätig und hatte sich den Ruf eines vornehmen Künstlers zu erwerben und zu erhalten gewußt.

---

* Der Männergesangverein „Liederkranz" in Mannheim gab am 29. December sein zweites dieswinterliches Concert und brachte in demselben an größeren Sachen „Cassandra" für Männerchor, Sopran-Solo und Orchester von Julius Mai und die Frithjof-Scenen von Bruch zur Aufführung. Erstgenanntes Werk gelangte zum ersten Male zu Gehör und erzielte eine gute Aufnahme. Solistisch betheiligten sich an der Aufführung Fräulein Iracema und Herr Knapp vom Hoftheater.

* Der Instrumentalverein in Aachen beging am 4. December die Feier seines 50jährigen Bestehens durch ein Festconcert, in welchem an Orchesterwerken unter Anderm die Eroica-Symphonie von Beethoven zur Aufführung gelangte und Herr Professor Heermann aus Frankfurt a. M. den solistischen Theil übernommen hatte.

* Berliner Nachrichten. Die beiden ersten Concerte im neuen Jahre gehörten zwei ausländischen Componisten resp. Pianisten, dem Dänen Herrn Louis Glaß und dem Amerikaner Herrn Frederik Fairbanks. Sie concertirten an ein und demselben Abend, sodaß man, wollte man sie beide hören, weder über den einen noch den andern zu einem vollständigen Urtheil gelangen konnte. Herr Glaß hatte das Philharmonische Orchester zur Mitwirkung herangezogen und brachte mit demselben eine Symphonie und kleinere Werke zur Aufführung, producirte sich aber außerdem noch mit einer eigenen Claviersonate, während Fräulein Nittschalk einige seiner Lieder zu Gehör gelangen ließ. Sein Talent scheint nicht gewöhnlicher Art, auch sein Können ziemlich beträchtlich, doch steht Inhalt und Form noch nicht in richtigem Verhältniß, und wie es hier an klarer Disposition und Uebersichtlichkeit fehlt, so gebricht es auch seiner Orchesterbehandlung vorläufig noch an der nöthigen Klarheit und Sauberkeit. Von Herrn Fairbanks machte eine Claviersonate quasi una fantasia im Ganzen eine recht gute Figur, sie ist zwar keineswegs stark in der Erfindung, doch geschickt in der Conception, dabei aber sehr schwierig. Der Componist selber, der sich in anderen Sachen als fermen, gewandten Clavierspieler documentirte, wurde ihrer nicht völlig Herr. — Herrn Ravelli, der neulich im Opernhause einige Gastrollen gab, begegnete man noch einmal in der Singakademie auf dem Concertpodium. Leider hatte das Publicum von seinem Concert wenig Notiz genommen, es war nur spärlich vertreten. Der Künstler befand sich in günstigster Disposition, sein geschmeidiger Tenor erklang voller und kräftiger als im Opernhause, die Vorzüge seiner Schule kamen zu bester Geltung. Allerdings machten sich auch wieder Manieren im Vortrag geltend, wie man sie bei den meisten italienischen Bühnensängern zwar gewohnt ist, die aber doch im Concertsaale doppelt auffällig hervortreten. Ravelli erntete mit seinen Vorträgen, aus Arien und Romanzen von Meyerbeer, Méhul, Mozart u. s. w. bestehend, wärmsten Beifall. — Eine sehr erfreuliche Neubekanntschaft machten wir am nächsten Abend im Saal Bechstein in dem Violinvirtuosen Herrn Boris Kamensky aus Petersburg, einem von Rubinstein empfohlenen jungen Künstler, der sich dieser Empfehlung durchaus werth zeigte. Er entwickelte in Vieuxtemp's Amoll-Concert, den ungarischen Liedern von Ernst und kleineren Stücken von Tschaikowsky, Svendsen und Wieniawski vorzügliche technische Eigenschaften, einen warmen, seelenvollen Ton und lebendige musikalische Auffassung. Von der Hörerschaft wurde ihm ein sehr warmer Empfang zu Theil, auch die mitwirkende Sängerin Fräulein Clara Schaeffer aus Frankfurt a. M., eine Sopranistin mit ansehnlichen Mitteln, wurde lebhaft ausgezeichnet. — Gleichzeitig ließ sich in der Singakademie Fräulein Rosa Olitzka, eine von früherem Auftreten in guter Erinnerung stehende tüchtige Mezzosopranistin, hören. Der Pianist Herr Sormann unterstützte ihr Concert.

* Das dritte Abonnements-Concert in Coblenz enthielt an Orchestralem den feierlichen Marsch aus „Nero" von Rubinstein (zum Andenken an den verstorbenen Meister) und die Cmoll-Symphonie von Beethoven. Ferner gelangte mit Hinzuziehung des Chors die Verwandlungsmusik und Schlußscene des ersten Actes aus „Parsifal" zu im Ganzen wohlgelungener Aufführung. Rauschenden Beifall fand Herr Professor Heermann aus Frankfurt a. M. mit dem Vortrag des Violinconcerts von Brahms und einiger kürzerer Stücke.

* Der Musikverein in Paderborn brachte in den bisher gegebenen zwei Winterconcerten an orchestralen Werken zur Aufführung die Symphonien in Dmoll von Haydn und in Cmoll von Beethoven, Hebriden-Ouverture von Mendelssohn und Dmoll-Suite von Fr. Lachner. Außerdem gelangte der „Sturm" für Chor und Orchester von Haydn, Gluck's Oper „Orpheus und Eurydike" (mit Fräulein Selma Thomas aus Berlin in der Partie des Orpheus) und das Dmoll-Clavierconcert von Mozart (gespielt von dem Dirigenten der Concerte Herrn P. C. Wagner) zu Gehör. Das Orchester stellte die Capelle des 55. Infanterie-Regiments aus Detmold.

* Eine neue, „Christus" betitelte symphonische Dichtung von der Composition Adolph Samuel's, des Directors des Conservatoriums in Gent, ist in dieser Stadt mit Glück zur ersten Aufführung gekommen.

* Im neunten Concert des Symphony Orchestra in Boston (Dirigent — Emil Paur) kamen an Orchestersachen die Symphonie in Dmoll von Ph. E. Bach, Hirtenmusik aus dem „Weihnachts-Oratorium“ von Joh. Seb. Bach, Symphonie in Gdur von Haydn (No. 13 der Breitkopf & Härtel'schen Ausgabe) und die Ouverture zu „Fidelio“ von Beethoven zu Gehör. Den Sologesang vertrat Miß Gertrude Franklin mit je einer Arie aus Händel's ,,L'Allegro, il Pensieroso ed il Moderato'' und aus „Der Widerspänstigen Zähmung“ von H. Götz. Das zehnte Concert am 29. December brachte die sechste Symphonie von Tschaikowsky, Balletsätze aus „Die Rebe“ von Rubinstein, Ouverture zu „Benvenuto Cellini“ von Berlioz und zum ersten Male ein Clavierconcert von Henry Holden Huß, gespielt von dem Componisten.

* Die Sängerin Mlle. Nikita hat ihre russische Concert-Tournée in der Fabrikstadt Lodz begonnen und glänzendes Furore gemacht.

* Der Pianist Herr Bernhard Stavenhagen hat um die Mitte des December seine amerikanische Concertthätigkeit in New-York erfolgreich begonnen.

* Frau Amalie Materna tritt Ende Januar wieder eine Reise nach Nordamerika an, wo sie in vierzig Concerten auftreten wird. Vorher begiebt sich die Künstlerin nach Paris, um in zwei Lamoureux-Concerten mitzuwirken.

* Wieder ein Wunderkind in Sicht: der spanische, zehn Jahre alte Violinknabe Juaniton Manen, ein Schüler Sarasate's.

* Frau Marie Schröder-Hanfstängl ist als Gesanglehrerin für das Dr. Hoch'sche Conservatorium in Frankfurt a. M. gewonnen worden.

* In Nantes ist vor Kurzem die Feier des fünfzigjährigen Bestehens des dortigen Conservatoriums begangen worden, und hat bei dieser Gelegenheit die Büste Breßler's, des Gründers besagten Instituts, Aufstellung gefunden.

* An dem Hause in Genf, welches Liszt während seines Aufenthalts in dieser Stadt im Jahre 1835/36 bewohnt hat, ist durch die Fürsorge des Prof. H. Kling eine Gedenktafel angebracht worden.

* Der Stadt Aachen sind von dem Bergmeister a. D. Herrn Wilhelm Blees in Queulon bei Metz 100 000 Mk. zum Geschenk gemacht worden mit der Bestimmung, daß die Zinsen von dieser Summe zur Unterstützung städtischer Musiker, Aufführung guter Opern und Concerte, sowie auch zur Erwerbung von Kunstwerken für städtische Sammlungen und Plätze Verwendung finden sollen.

* Rubinstein's den Armen europäischer Städte gewidmete Schenkungen berechnet das ,,Journal de St. Petersbourg'' auf über 1¼ Millionen Mark. In Petersburg allein hat Rubinstein für die Armen und sonstige wohlthätige Zwecke 540 000 Rubel erspielt.

---

* In Klosterneuburg starb am 5. Januar der ehemalige Balletmeister des Wiener Hofoperntheaters Carl Telle im 69. Lebensjahre. Telle wurde im Jahre 1858 auf Empfehlung Taglioni's an Stelle Golinelli's als Balletmeister am Hofoperntheater engagirt, wo er dreißig Jahre hindurch thätig war. Er componirte während dieser Zeit mehr als zwanzig Ballette, von denen mehrere eine sehr beifällige Aufnahme fanden.

* In Budapest starb am 7. Januar der erste Fagottist des königl. Opernorchesters und Professor am National-Conservatorium Rudolf Frank im Alter von 46 Jahren. Der Verstorbene, ein hervorragender Vertreter seines Instrumentes, war im Jahre 1891 im Bayreuther Festspiel-Orchester als erster Fagottist thätig.

Opernrepertoire.

Dresden.
Königl. Hoftheater.
1., 5. und 28. Decbr. Mignon von Thomas.
2., 8. u. 26. Decbr. Falstaff von Verdi.
4. Decbr. Die Königin v. Saba v. Goldmark.
6. Decbr. Der Freischütz v. Weber.
9. Decbr. Oberon von Weber.
11. Decbr. Fidelio v. Beethoven.
12. Decbr. Martha v. Flotow.
13., 15., 16., 18., 23., 29. und 31. Decbr. Hänsel und Gretel von Humperdinck.
22. Decbr. Der Waffenschmied v. Lortzing.
25. Decbr. Tannhäuser v. Wagner.
27. Decbr. Die Meistersinger von Nürnberg von Wagner.
30. Decbr. Merlin v. Goldmark.

Wiesbaden.
Königl. Theater.
9. Jan. Carmen von Bizet.
11. Jan. Fidelio von Beethoven.
13. Jan. Der Troubadour v. Verdi.
15. Jan. Das Glöckchen des Eremiten von Maillart.

Karlsruhe.
Grossherzogl. Hoftheater.
1. Jan. Die Meistersinger von Wagner.
6. Jan. Alceste von Gluck.

Köln.
Stadttheater.
1. u. 6. Jan. Die Königin v. Saba von Goldmark.
2. Jan. Hänsel und Gretel von Humperdinck.
3. Jan. Martha von Flotow.

Bonn.
Stadttheater.
4. Jan. Lohengrin von Wagner.

Budapest.
Kgl. ungar. Opernhaus.
1. u. 9. Decbr. Bánkbán v. Erkel.
2. Decbr. Der Bajazzo von Leoncavallo. Naïla. Ballet.
4. Decbr. Hunyadi László v. Erkel.
6. Decbr. Siegfried von Wagner.
7. Decbr. Mignon von Thomas.
8. Decbr. Der Geigenmacher von Cremona von Hubay. Das Mädchen von Navarra v. Massenet. Die Puppenfee, Ballet.
11. Decbr. Der Geigenmacher von Cremona v. Hubay Sylvia, Ballet.
13. Decbr. Aïda von Verdi.
15. Decbr. Das Mädchen v. Navarra von Massenet. Naïla, Ballet.
16. Decbr. Der Barbier von Sevilla von Rossini. Wiener Walzer, Ballet.
17. Decbr. Ilka von Doppler. Tous les trois, Ballet.
18. Decbr. Die Jüdin von Halévy.
19. Decbr. Wilhelm Tell v. Rossini.
21. Decbr. Sonne und Erde, Die Puppenfee, Ballets.
22. Decbr. Die Regimentstochter von Donizetti. Rococo, Ballet.
23. Decbr. Lohengrin v. Wagner.
25. Decbr. Das Mädchen v. Navarra von Massenet. Der Bajazzo von Leoncavallo.
26. Decbr. Die Hugenotten von Meyerbeer.
27. Decbr. Der Geigenmacher von Cremona von Hubay. Coppelia, Ballet.
28. Decbr. Rococo, Die Puppenfee, Wiener Walzer, Ballets.
29. Decbr. Lucia v Lammermoor v. Donizetti. Tous les trois, Ballet.
30 Decbr. Der Geigenmacher von Cremona von Hubay. Sonne und Erde, Ballet.
31. Decbr. Bauernehre von Mascagni. Die Nürnberger Puppe von Adam. Csárdás III. Bild, Ballet.

Festungstheater in Ofen.
3. Decbr. Romeo und Julie von Gounod.
12. Decbr. Das Glöckchen des Eremiten von Maillart.
21. Decbr. Ilka von Doppler.
28. Decbr. Enoch Arden v. Raimann. Bauernehre von Mascagni

Concertrevue.

Aachen.
13. Decbr. 3. Städt. Abonnements-Conc Missa solemnis v. Beethoven. Neunte Symph. m. Schlusschor v. Beethoven. Sol.: Frau Sophie Röhr-Brajnin, Hofopernsängerin aus Mannheim; Frau. Emilie Wirth aus Aachen; Hr Robert Kaufmann aus Basel u. Hr Hofopernsänger Rudolf von Milde aus Dessau.

Basel.
16. Decbr. 5. Abonnementsconcert unt. Mitwirk. v. Fräul. Carlotta Elliot u. Herrn Moritz Kahnt. Symphonie No. 3 v. Beethoven. Arie für Sopran a. „Hérodiade“ v. Massenet. Zwei Stücke für Violoncell v. Dvorák: Waldesruhe, Rondo. Irrlichtertanz, Sylphentanz u. Rakoczy-Marsch aus der Verdammung Faust's v. Berlioz. Lieder m. Pfte.: Gretchen am Spinnrade v. Schubert; Pastorale v. Bizet; Widmung v. Schumann. Concert-Ouvert. Adur v. Rietz.

Boston.
15. Decbr. 8. Conc. of the Boston Symphony Orchestra (Mr. Emil Paur, Conductor). In Memoriam Ant. Rubinstein. Funeral March, from Symphony No. 3 by Beethoven. Concerto for Pianoforte, No. 4, Dminor, by Rubinstein. Symphony No. 2, Cmajor, „Ocean“, Op. 42, by Rubinstein. Solist: Mrs. Ernest Lent.

Bückeburg.
14. Decbr. 2. Abonnements-Conc. der fürstlichen Hofcapelle unt. Mitwirk. d. Fräul. Marie Boedcher. Ouvert. zu Shakespeare's Antonius u. Cleopatra v. Rubinstein. Arie a. Samson u. Dalila von Saint-Saëns. Künstlers Erdenwallen, Symph. Dichtung (1. Theil) v. Metzdorf. Lieder: Träume v. Wagner; Es muss ein Wunderbares sein v. Liszt. Vorspiel zur Oper Lohengrin von Wagner. Lieder: Sapphische Ode von Brahms; Im Herbst v. Franz. Le Carneval romain v. Berlioz.

Budapest.
5. Decbr. 2. Philharm. Concert (Dirigent: Hermann Levi aus München). Faust-Ouverture, Siegfried-Idyll u. Parsifal-Vorspiel v. Wagner. Cmoll-Symph. von Beethoven.
19. Decbr. 3. Philharm. Concert (Dirigent: Wilhelm Gericke aus Wien). Oberon-Ouvert. v. Weber. Clavier-Concert v. Grieg (Frau Vilma Adler). 2. Serenade v. Mannheimer. Ouvert. „In der Natur“ v. Dvorák. Ddur-Symph. von Brahms.

Danzig.
11. Decbr. Aufführung d. Gesangvereins. Franciscus von Tinel. Dirigent: Georg Schumann. Solisten: Frau Clara Küster, HHrn. Paul Kalisch u. Seebach.

Gotha.
15. Decbr. 4. Vereinsconcert d. Musikvereins. Franciscus von Tinel. Solisten: Frl. Dorothea Schmidt, HHrn. Emil Pinks u. Ernst Hungar.

Leipzig.
10. Jan. 12. Abonnementconcert im Saale d. Neuen Gewandhauses. Ouv. zu „La chasse du jeune Henry“ v. Méhul. Concert f. Pianoforte Gdur v. Beethoven (Hr. Robert Freund a. Zürich). Recitativ u. Arie aus „Philemon u. Baucis“ v. Gounod (Frl. Marie Dietrich aus Berlin). Solostücke für Pfte.: Scherzo Cismoll, Barcarole Fisdur v. Chopin (Hr. Freund). Lieder m. Pfte.: „Murmelndes Lüftchen, Blüthenwind“ von Jensen; Frühlingsglaube von Schubert; Marienwürmchen von Schumann (Frl. Dietrich). Symphonie Bdur v. Schumann

Manchester.
13. Decbr. Charles Hallé's eighth Concert. Overture: The Ruler of Spirits by Weber. Air: Printemps qui commence from Samson et Dalila by Saint-Saëns. Concerto for Violin No. 3 by Saint-Saëns. Air: Oh! del mio dolce ardor from Paris et Hélène by Gluck. Grand Symphony No. 1 (Spring Symphony) by Schumann. Vysehrad. Poème Symphonique by Smetana. Solo-Violin: Airs Russes by Wieniawski. Two Songs: Das alte Lied and Des Dichters Herz by Grieg. Im Krönungs-Saale from Hungarian Suite by Hoffmann. Solists: Mlle. Landi (Vocalist), Mons. Rivarde (Solo-Violin).
20. u. 21. Decbr. Charles Hallé's ninth Concert. The Messiah by Handel. Solists: Miss Anna Williams, Miss Clara Butt, Mr. Ed. Lloyd and Mr. Santley.

Münster
15. Decbr. 4. Vereinsconcert unt. Mitwirk d. Concertsängers Hrn. Eduard Mann. Tragische Ouv. v. Brahms. Romanze des Adolar a. d. Op. „Euryanthe“ v. Weber. Träumerei Op. 2, Marsch Op. 17 v. Grimm Lieder v. Grieg: Margarethlein, Ein Traum, Im Kahne Zur Johannisnacht. Der 95. Psalm v. Mendelssohn-Bartholdy. Symph. Gdur v. Haydn.

Verlag von **Bartholf Senff** in Leipzig.

Beliebte Opern

aus früherer Zeit
im vollständigen Clavier-Auszug mit Text
(Gesang und Clavier)

unter Hinzufügung des vollständigen Dialogs.

Nach der Partitur berichtigt und neu bearbeitet

von

Richard Kleinmichel.

(In dieser Bearbeitung Eigenthum des Verlegers für alle Länder.)

No. 1.	**Adam,** Die Schweizerhütte	netto 4	Mk.
No. 2.	**Bellini,** Die Puritaner	„ 6	„
No. 3.	**Boieldieu,** Der neue Gutsherr	„ 4	„
No. 4.	— — Rothkäppchen	„ 5	„
No. 5.	**Cherubini,** Der portugiesische Gasthof	„ 4	„
No. 6.	**Cimarosa,** Die heimliche Ehe	„ 6	„
No. 7.	**Dalayrac,** Die beiden Savoyarden	„ 4	„
No. 8.	**Dittersdorf,** Doctor und Apotheker	„ 4	„
No. 9.	— — Hieronymus Knicker	„ 4	„
No. 10.	**Fioravanti,** Die Dorfsängerinnen	„ 4	„
No. 11.	**Grétry,** Die beiden Geizigen	„ 4	„
No. 12.	— — Richard Löwenherz	„ 4	„
No. 13.	**Herold,** Der Zweikampf	„ 5	„
No. 14.	**Hiller, Johann Adam,** Die Jagd	„ 4	„
No. 15.	**Isouard, Nicolo,** Aschenbrödel	„ 4	„
No. 16.	— — Das Lotterieloos	„ 4	„
No. 17.	**Lortzing,** Casanova	„ 5	„
No. 18.	— — Die Opernprobe	„ 4	„
No. 19.	— — Hans Sachs	„ 5	„
No. 20.	**Méhul,** Je toller, je besser	„ 4	„
No. 21.	— — Der Schatzgräber	„ 4	„
No. 22.	**Monsigny,** Der Deserteur	„ 4	„
No. 23.	**Mozart,** Bastien und Bastienne	„ 3	„
No. 24.	— — Die Gärtnerin aus Liebe	„ 5	„
No. 25.	— — Die Entführung aus dem Serail	„ 5	„
No. 26.	**Müller, Wenzel,** Die Schwestern von Prag	„ 4	„
No. 27.	**Paër,** Der lustige Schuster	„ 5	„
No. 28.	**Paisiello,** Die schöne Müllerin	„ 4	„
No. 29.	**Pergolese,** Die Magd als Herrin	„ 4	„
No. 30.	**Rossini,** Tancred	„ 4	„
No. 31.	**Rubinstein,** Die sibirischen Jäger	„ 5	„
No. 32.	**Schenk,** Der Dorfbarbier	„ 4	„
No. 33.	**Weigl,** Die Schweizerfamilie	„ 4	„
No. 34.	**Winter,** Das unterbrochene Opferfest	„ 5	„

In elegantem Einband ist der Preis für den Band 1 Mark höher.

Verlag von **Bartholf Senff** in Leipzig.

Verlag von Bartholf Senff in Leipzig.

NEUE MUSIKALIEN.

Wohlfeile Ausgaben in eleganter Ausstattung.

BACH-BUCH für Clavier. Die beliebt. Stücke aus J. S. Bachs Werken. 3 *M.* no.

BEETHOVEN-BUCH für Clavier. Die beliebt. Stücke aus Beethoven's Werken. 4 *M.* no.

BRAHMS, JOH., Studien für Pianoforte. Nr. 1. Etude nach Fr. Chopin. Fmoll. 1 *M.* 50 *Pf.* Nr. 2. Rondo nach C. M. v. Weber. Cdur. 2 *M.* Nr. 3. Presto nach S. Bach. Erste Bearbeit. 1 *M.* Nr. 4. Presto nach S. Bach. Zweite Bearbeit. 1 *M.* Nr. 5. Chaconne v. S. Bach. Für die linke Hand allein. 2 *M.*

BUCH DER TÄNZE für Clavier. Die schönsten Tänze aller Zeiten. 4 *M.* no.

CHOPIN-BUCH für Clavier. Die bel. Stücke aus Chopin's Werken, erleichtert und mit Fingersatz. 4 *M.* no.

CLASSIKER-BUCH für die Jugend. 36 beliebte Stücke a. den Werken unserer Meister in leichtester Bearbeitung für Clavier. 3 *M* no.

CONFETTI, Beliebte italienische Volkslieder für das Pianoforte übertragen von Rich. Kleinmichel. 1 *M.* 50 *Pf.* no.

DIE LUSTIGEN ALTEN HERREN. Sammlung der bel. Tänze der berühmt. Tonmeister des 17. u. 18. Jahrh. f. Clavier. 2 Bde. à 2 *M.* no.

HAYDN-BUCH für Clavier. Die bel. Stücke a. J. Haydn's Werken. 4 *M.* no.

HEITERE MUSIK für Clavier aus den Werken berühmter Meister. 4 Bde. mit 100 heiteren Musikstücken. à Band 2 *M.* no.

KINDER-LIEDERBUCH zum Singen. Die schönsten Kinder- u. Jugendlieder, ernst und heiter, für eine od. zwei Singstimmen mit Pianoforte. 2 *M.* no.

KIRCHNER, THEOD. Alte Bekannte im neuen Gewande. Melodienreiche Musikstücke für Clavier zu 4 Händen. Complet 3 *M.* no. Abtheil. 1. 1 *M.* 50 *Pf.* Abth. 2. 2 *M.* Abth. 3. 2 *M.*

KIRCHNER, THEOD. Alte Bekannte im neuen Gewande. Ausgabe für Pianoforte zu 2 Hdn. Cplt. 2 *M.* 50 *Pf.* Abth. 1. 1 *M.* Abth. 2. 1 *M.* 50 *Pf.* Abth. 3. 1 *M.* 50 *Pf.*

KÖCKERT, AD. Op. 27. Weihnacht für drei weibl. Stimmen mit Pianoforte Partitur u. Stimmen 1 *M.* no. Stimmen apart 80 *Pf.* no.

KUNST DES VIOLINSPIELS. Die in den Conservatorien eingeführten Studien für die Violine von Kreutzer, Fiorillo, Caviniés, Rode. In 1 Band gebunden 15 *M.* no.

LUSTERREGENDE HAUSMUSIK f. Clavier. Die angenehmsten Stücke a. den Werken berühmt. u. bel. Meister. In leicht. Bearb. 2 *M.* no.

LUSTIGE LIEDER. Sammlung von bel. Liedern u. Gesängen heiteren Inhalts für eine Singstimme mit Pianoforte. Band 1. 3 *M.* no.

LUTHER-BUCH. Dr. Martin Luther's sämmtliche deutsche geistliche Lieder f. Clavier und Gesang. 2 *M.* no.

MENDELSSOHN-BARTHOLDY, F., Lieder ohne Worte f. Pfte. Nr. 1—48. Ausg. mit v. Ernst Pauer. ausgewählten poetischen Motto's. Fingersatzbez. v. Kleinmichel. Compl. 2 *M.* no. Einzeln 1—48 à 20 *Pf.*

MENDELSSOHN-BUCH für Clavier. Die bel. Stücke a. Mendelssohn's Werken. 4 *M.* no.

MOZART-BUCH für Clavier. Die bel. Stücke aus Mozart's Werken. 4 *M.* no.

OPERN-BUCH für Clavier. 60 der schönsten und populärsten Stücke aus berühmten Opern aller Zeiten. 3 *M.* no.

ORGEL-BUCH. 36 Stücke aus den Kirchen- und Instrumental-Werken berühmter Meister für Orgel. 2 *M.* no.

RUBINSTEIN, ANT., Op. 48 und Op. 67. Zweistimmige Lieder m. Begleit. des Pfte. Neue Ausg. 6 *M.* Einz.: Nr. 1—18 à 75 *Pf.* bis 1 *M.*

RUBINSTEIN, ANT., Lieder und Gesänge für Pianoforte solo übertragen. Band 1, 2 cplt. à 3 *M.* Einz.: Nr. 1—20 à 50—75 *Pf.*

RUBINSTEIN, ANT., Gesangs-Compositionen mit Clavierbegleitung.

Band	I.	Lieder u. Gesänge f. 1 Singstimme. Ausgabe hoch u. tief.
Band	II.	Lieder u. Gesänge f. 1 Singstimme. Ausgabe hoch u. tief.
Band	III.	Lieder u. Gesänge f. 1 Singstimme. Ausgabe hoch u. tief.
Band	IV.	Operngesänge f. Sopran.
Band	V.	Operngesänge f. Tenor.
Band	VI.	Operngesänge f. Bariton od. Bass.
Band	VII.	Opern-Duette f Sopran u. Tenor.
Band	VIII.	Opern-Duette f. Sopr. u. Bar. od. Bass.

Preis pro Band 3 *M.* no.

SCHUBERT, FRANZ, Sämmtliche Gesänge f. 1 Singstimme mit Pfte. Neue Ausg. revid. von J. Rietz. Band 1—20. 361 Gesänge. à Band 1 *M.* no. Pracht-Ausg. à Bd. 3 *M.* no. Jedes Lied einzeln à 20—50 *Pf.*

SCHUBERT, FR., Auswahlband der 36 bel. Lieder mit Pianoforte. Neue Ausg. Rev. v. Rietz. 2 *M.* no. Pracht-Ausg. eleg. geb. 3 *M.* no.

SCHUBERT-BUCH f. Clavier. Die bel. Stücke aus F. Schubert's Werken. 3 *M.* no.

SCHUMANN-BUCH für Pianof., vierhänd. Sämmtl. Orig.-Comp. v. Schumann. 4 *M.* no.

SCHUMANN-BUCH für Pianof., zweihänd. (schwerere Stücke). Auswahl der beliebt. Concert- und Vortrags-Werke v. Schumann. Cplt. 5 *M.* no. Einzeln à 25 *Pf.* bis 1 *M.*

SCHUMANN-BUCH für Pianof., zweihänd. (leichte Stücke) 75 Clavierstücke f. d. Jug. (Orig.-Comp. u. Lieder) von Schumann. 3 *M.* no.

SCHUMANN-LIEDERBUCH. 100 der bel. Lieder, Balladen u. Gesänge f. 1 Singst. mit Pianoforte v. Schumann. Original-Ausg. Compl. 5 *M.* no. Einzeln Nr. 1—100 à 15 *Pf.* no.

SCHWEIZERLIEDER-BUCH für Clavier. Die bel. Volkslieder d. Schweiz f. Clavier mit Hinzufügung d. Texte bearb. 1 *M.* 50 *Pf.* no.

STUNDEN DER ANDACHT AM CLAVIER. Fromme Weisen f. die heiligen Tage. 50 Stücke a. d. Kirchen- u. Instrumental-Werken ber. Meister, f. Clav. ges. v. Kleinmichel. 3 *M.* no.

STUNDEN DER ANDACHT AM CLAVIER. Ausg. f. Pianoforte zu 4 Hdn. 4 *M.* no.

TEMPO DI MARCIA für Clavier. 60 der berühmtesten und populärsten Märsche aus Kriegs- und Friedenszeiten für Piano 4 *M.* no.

VIERHÄNDIGES CLAVIERBUCH. Eine Auswahl d. schönsten Originalcompositionen unserer berühmten Meister 5 *M.* no.

VOLKSLIEDER-BUCH. 100 d. schönsten und beliebtesten Volkslieder für eine Singstimme mit Clavier. 4 *M.* no.

VOLKSLIEDERBUCH für Clavier. 100 der schönsten und beliebtesten Volkslieder für Pianoforte leicht bearbeitet. 2 *M.* no.

VORSPIEL-BUCH für Clavier u. Violine oder Clavier und Vcllo. 30 Stücke berühmter Meister. Leicht bearb. von Kleinmichel. Für Clavier u. Violine 3 *M.* no. Für Clavier u. Violoncello 3 *M.* no.

WEBER-BUCH für Clavier. Die bel. Stücke aus C. M. v. Weber's Werken. 4 *M.* no.

WEIHNACHTS-BUCH für Clavier. 36 beliebte Weihnachtslieder, Tänze und Instrumentalsätze in leichtester Bearbeitung für das Pfte. von Kleinmichel. 1 *M.* 50 *Pf.* no.

WEIHNACHTS-LIEDERBUCH zum Singen. Die beliebtesten Weihnachtslieder älterer u. neuester Zeit für 1 Singstimme mit Pfte. bearb. von Kleinmichel. 1 *M.* 50 *Pf.* no.

Verlag von Bartholf Senff in Leipzig.

In meinem Verlage erschienen:

Fugen aus Joh. Seb. Bach's Wohltemporirtem Clavier.

☛ **Durch Farbendruck analytisch dargestellt, mit beigefügter harmonischer Struktur zum Gebrauch in Musikschulen und zur Selbsterlernung.** Herausgegeben und erklärt von

Bern. Boekelman.

Vol. I. No.	1.	*Fuge Cdur.*	Vol. I. No.	10.	*Fuge Emoll.*
Vol. I. No.	3.	,, *Desdur.*	Vol. I. No.	21.	,, *Bdur.*
Vol. I. No.	2.	,, *Cmoll.*	Vol. II. No.	2.	,, *Cmoll.*
Vol. I. No.	4.	,, *Cismoll.*	Vol. I. No.	22.	,, *Bmoll.*
Vol. I. No.	7.	,, *Esdur.*	Vol. II. No.	7.	,, *Esdur.*
Vol. I. No.	16.	,, *Gmoll.*	Vol. II. No.	12.	,, *Fmoll.*

☛ **Preis jeder Fuge Mk. 1.50.**

Verlag für Deutschland, Oesterreich, Russland und die Schweiz von

Jul. Heinr. Zimmermann in Leipzig.

Ferner neu erschienen:

Bern. Boekelman, Op. 13. **Valse Tête à Tête.** ℳ. 1.50.
— Op. 14. **Drei Octaven-Etuden,** einzeln à ℳ. 1.20.

BREITKOPF & HÄRTEL
LEIPZIG.

Partiturbibliothek. Die klassischen und neueren Orchester- und Gesangswerke mit Orchester. 905 Bände.

Orchesterbibliothek. Die wichtigsten Orchesterwerke. 1050 Nrn. in 13875 brosch. Stimmenheften je 30 Pf.

Chorbibliothek. Die wichtigsten Gesangwerke. 750 Nummern in 2110 broschirten Stimmenheften je 15—30 Pf.

Textbibliothek. Opern, Oratorien. Grössere Concert- und Gesangwerke. 350 Hefte.

Ausführliche Verzeichnisse unberechnet und postfrei.

Verlag von **Bartholf Senff** in Leipzig.

Sämmtliche Lieder von Franz Schubert.

Von **Julius Rietz** revidirte Original-Ausgabe.
No. 1—361. à 20 Pf.

Alle beliebten Lieder von Robert Schumann.

Von **Richard Kleinmichel** revidirte Original-Ausgabe.
No. 1—100. à 15 Pf.

Verlag von **Bartholf Senff** in Leipzig.

Soeben erschienen:

☛ **Neue, billige Ausgabe** ☚

der berühmten

CLAVIER-SCHULE

von

JOSEF PROKSCH.

Elegante Ausstattung, schöner Leipziger Stich, tiefschwarzer Druck, weisses, holzfreies Papier, deutscher und böhmischer Text und Lehrplan.

Elementarcurs zur 1. 2. 3. 4. 5. Abth. . . .	à ℳ. 2.—	netto.
Fingerbildungscurs zur 1. 2. 3. 4. 5. 6. Abth.	à ℳ. 2.—	,,
Supplement zur 1. Abth.	ℳ. 2.—	,,
Supplement zur 2. Abth.	ℳ. 1.—	,,
Supplement zur 3. Abth. No. 1. 2 3. . . .	à ℳ.—.50	,,
Elementarcurs zur 6 Abth., Hft. 1. 2. . . .	à ℳ. 4.—	,,

PRAG, JOH. HOFFMANN's Wwe.
k. und k. Hof-Musikalienhandlung
1., Kleine Karlsgasse No. 29 neu.

Verlag von **Breitkopf & Härtel** in Leipzig.

G. MEYERBEER.

Neue Ausgaben.

Hugenotten. Klavierauszug mit Text. gr. 8°. 6 ℳ.
— Für Klavier allein. 4°. 4 ℳ.
— Ouverture Part. 4 ℳ.
Prophet. Klavierauszug mit Text. gr. 8°. 6 ℳ.
— Für Klavier allein. 4°. 4 ℳ.
— Krönungsmarsch. Part. 2 ℳ.
Robert der Teufel. Klavierauszug mit Text. 6 ℳ.
Album für Klavier. (Unsere Meister. Bd. 28.) 1.50 ℳ.

Ausführliche Prospecte kostenfrei.

Im unterzeichneten Verlage erschien und wurde mit grossem Beifall von der **Trenkler'schen Concertcapelle,** sowie den Badecapellen in Teplitz, Karlsbad etc. wiederholt aufgeführt:

Festmarsch für grosses Orchester

componirt von

Marie Hendrich-Merta. Op. 39.

Ausgabe für	Orchester.	Partitur	ℳ. 2.—.
,,	,,	Pianoforte vierhändig	,, 1.—.
,,	,,	,, zweihändig	,, —.60.

Emil Grude, Buch- und Musikhandlung, **Leipzig,** Königstrasse.

Soeben erschien Heft IV der

Veröffentlichungen des Vereins.

Inhalt:

A. Reckendorf, Widmung. Clavierstück. — **C. Venth**, Koboldreigen für Clavier. — **Felix Weingartner**, Das Schützenfest für Clavier. — **Erik Meyer-Helmund**, Frühlingsnahen, für eine Singstimme und Pianoforte. — **A. Arensen**, Fröhliche Armuth, für eine Singstimme und Pianoforte. — **Gustav Hollaender**, Kleine Episode (Op. 55, No. 2) für Violine und Clavier.

Preis des Heftes im Abonnement Mk. 1.—.

Mitglieds- (Abonnements-) Beitritt jederzeit.

Prospecte gratis und franco durch jede Buch- und Musikhandlung oder von der Geschäftsleitung:

Fritz Schuberth jr. in Leipzig.

Verlag von **Breitkopf & Härtel** in Leipzig.

Richard Wagner

LOHENGRIN.

6 Vortragsstücke für 4 Violinen

eingerichtet von **Fr. Hermann.** Einzelausgabe: No. 1. Vorspiel. — 2. Elsa vor Gericht — 3. Gebet. — 4. Zug der Frauen zum Münster. — 5. Einleitung zum dritten Act. — 6. Brautchor . . . . . je *M.* 1.50.

A. Durand & Fils, Editeurs, 4 Place de la Madeleine, Paris.

Soeben erschienen!

C. Saint-Saëns

(Op. 99).

3 Préludes et Fugues

pour orgue.

Prix net 5 Frs.

Alleinige Vertretung für Deutschland und Oesterreich

E. Hatzfeld, Leipzig.

Durch alle Musikalienhandlungen und Buchhandlungen zu beziehen:

St. Heller.

Tarantelle p. Piano. Op. 87. 2 *M.* 50 *Pf.*
Trois Nocturnes p. Po. Op. 91. 2 *M.* 50 *Pf.*
Jagdstück für Pianoforte. Op. 102. 2 *M.*

Verlag von Bartholf Senff in Leipzig.

Neu!

Robert Fuchs, Op. 53.

Serenade

(No. 5, Ddur)

für kleineres Orchester

Johann Strauss zu Ehren

componirt.

(Streich-Quintett, 1 Flöte, 1 Oboe, 1 Clarinette, 1 Fagott u. 2 Hörner.)

Partitur *M.* 18.— netto.
Complete Stimmen *M.* 10.50 netto.
Violine I, II, Viola à *M.* 1.20 netto, Cello, Bass à *M.* —.90 netto.
Clavier-Auszug 4ms. *M.* 5.— netto.

Am 11. November 1894 in Wien im **Philharm. Concert** und am 7. December 1894 im **Concert** des **Conservatoriums** mit **grossem** Erfolg aufgeführt.

Musikalienhandlung C. Hofbauer,
Wien I., Kärntnerstrasse 34.

Verlag von **Breitkopf & Härtel** in Leipzig.

PAUL GILSON

Das Meer.

Sinfonische Skizzen für grosses Orchester.

Partitur *M.* 32. Stimmen leihweise. Text französisch 40 *Pf.* Deutsch 20 *Pf.*
4 händige Bearbeitung *M.* 10

Das Gedicht, französisch von Eddy Levis, deutsch von Max Kalbeck, dient als Leitfaden für die Musik und kann, in 4 Theile getrennt, vor Beginn der einzelnen Sinfoniesätze declamirt werden.

Dieses anregende Tongemälde des jungen belgischen Componisten wurde zuerst in Belgien und Frankreich mit glänzendem Erfolg vielfach aufgeführt, so u. A. in Blankenberghe 10 Mal, und hat jetzt auch in Deutschland lebhafte Anerkennung gefunden, wie die Aufführungen in Berlin, München und Dresden beweisen.

Döring, C. H. Op. 97. **Leichte Claviersonate.** *M.* 1,80.
— Op. 98. **17 Etuden.** Heft I u. II à *M.* 1,50. *M.* 3,00.
— Op. 99. **Melod. u. instr. Claviersonate** . . . *M.* 2,00.
Fischer, C. A. Symphon. Tonstücke für **Orgel** und **Orchester**, compl. . . . . netto *M.* 9,80.

Verlag von J. Loebel, Zittau-Zürich.

Verlag von **Bartholf Senff** in Leipzig.

Neu.

Confetti.

Beliebte italienische Volkslieder
für
das Pianoforte
übertragen von
Richard Kleinmichel.

Erstes Heft. 1 Mk. 50 Pf. no.
Zweites Heft. 2 Mk. no.

Neu.

Cosas Españolas.

Spanische Volksmusik und Zigeunertänze
für das Pianoforte
übertragen von
Richard Kleinmichel.

Pr. 2 M. netto.

Verlag von **Bartholf Senff** in Leipzig.

Verlag von Bartholf Senff in Leipzig.

Druck von Fr. Andrä's Nachfolger (Moritz Dietrich) in Leipzig.

ПРИКАЗЫ

ВОЙСКАМЪ КІЕВСКАГО ВОЕННАГО ОКРУГА.

Кіевъ. № 1. *3 Января 1904 года.*

Командующій *2-мъ* батальономъ 12 стрѣлковаго полка, Подполковникъ *Лобачевскій*, утверждается въ занимаемой должности.

№ 2.

Подпоручикъ 175 пѣхотнаго Батуринскаго полка *Андреевъ* прикомандировывается къ 130 пѣхотному Херсонскому полку для несенія службы *на шесть мѣсяцевъ.*

№ 3.

Поручикъ 30 драгунскаго Ингерманландскаго полка *Булацель* прикомандировывается къ Окружному Штабу для несенія службы *на шесть мѣсяцевъ.*

№ 4.

Подпоручикъ 48 пѣхотнаго Одесскаго полка *Манжетъ* прикомандировывается къ 19 пѣхотному Костромскому полку для несенія службы *на шесть мѣсяцевъ.*

№ 5.

Главный Штабъ, отзывами отъ 15 минувшаго Декабря за №№ 52242, 52243 и 52244, увѣдомилъ, что ефрейтору 19 пѣхотнаго Костромскаго полка Григорію